АЛЕКСАНДР ЗАТУЛИВЕТРОВ

ЖЕНЩИНЫ, КОТОРЫЕ МЕНЯ...

НАУЧИЛИ ГОТОВИТЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Меню – это ДНК любого ресторана. Оно несет на себе отпечаток создателя, секретный код, который он хочет вложить в душу своего детища. И Александра Затуливетрова смело можно назвать «многодетным отцом». Он принимал участие в открытии и управлении более двадцати ресторанов по всей стране. Сейчас – «МыЖеНаТы» и «БутерБродский» – одни из самых популярных ресторанов Петербурга. В книге вас ждут не только секреты приготовления коронных блюд известного ресторатора, но и истории его яркой и неординарной жизни, тесно переплетенные с каждым рецептом.

- Александр Затуливетров
  -
  -
  - Баку, Азербайджан. Пири, которая любила соседей
    -
    - Рецепт шекинского хаша
  - Бокор, Камбоджа. Колокольчики юной Зибилле
    -
    - Рецепт супа Бо Кхо
  - Москва, Россия. Поцелуй со вкусом арахисового масла
    -
    - Курица по-бедуински
  - Канберра, Австралия. СМС
    -
    - Рецепт десерта «Анна Павлова»
  - Канны, Франция. Панды
    -
    - Мидии в сливочном соусе Moules Mariniere
    - Рецепт яблочного тарт татена из 48 слоев
  - Салоники, Греция. L’amour tout les jour
    -
    - Рецепт катаифи
  - Антверпен, Бельгия. Алмаз Мадлен
    -
    - Рецепт льежских вафель
  - Бангкок, Таиланд. Моя сорок пятая
    -
    - Рецепт супа Том Ям
    - Рецепт лава-кейка «фондан матча»
  - Санкт-Петербург, Россия. Вспоминая нору

        - ■
        - ■ Рецепт куриного паштета Den Brook
    - ○ Мтиулети, Грузия. Кетеван должна жить
        - ■
        - ■ Рецепт осетинского пирога Картофджин
    - ○ Киото, Япония. Здесь решают люди
        - ■
        - ■ Рецепт настоящего японского рамена
    - ○ Момбаса, Кения. Черная пантера
        - ■
        - ■ Рецепт кенийский блинчиков с мясом Egg Bread
    - ○ Тенерифе, Испания. И жизнь, и слезы, и любовь
        - ■
        - ■ Рецепт картофеля по-канарски с соусом mojo picon
        - ■ Рецепт картофельного гратена дофинуа
- notes
    - ○ 1
    - ○ 2
    - ○ 3
    - ○ 4
    - ○ 5
    - ○ 6
    - ○ 7
    - ○ 8
    - ○ 9
    - ○ 10
    - ○ 11

Александр Затуливетров
Женщины, которые… научили меня готовить

© Александр Затуливетров, 2021
© Екатерина Склярова, илл., 2021
© ООО «Яуза-каталог», 2021

* * *

Двум самым дорогим для меня женщинам.

Единственным любящим меня и прощающим всё…

Я стараюсь быть лучше…

Посадить дерево… Хорошо, посадил. Ну, пусть не дерево, а кустарник, но ведь растёт! И не один. А если вспоминать школьные годы, то вообще на небольшой садик наберется. Как-то в Камбодже впервые попробовал волшебные плоды нони – ванильного яблока. Этот фрукт так поразил меня, что я впервые в жизни привез домой традиционный туристический сувенир – крохотное семечко этого яблока. Посадил его и… забыл. И вдруг месяца через два с удивлением обнаружил у себя на подоконнике десятисантиметровый росток. Он как-то сразу стал родным, близким и давно желанным. Естественно, ему сразу нашлось имя и место в сердце. Вот уже второй год мы вместе. Бус (сокращенно от «бусинка» – имя, данное ростку при рождении) растет скачками, четко реагируя на питерскую погоду. Год назад корневая система Буса так стремительно готовилась к росту, что разорвала в прямом смысле горшок, в котором жила. Пришлось срочно увеличивать дом для ростка.

Вырастить сына… Тут жаловаться не на что. Гоша взрослеет, интересуясь совсем не тем, к чему я пытался его приучить. Ни футбол, ни политика, ни рестораны его не интересуют. Зато он безошибочно ответит на любой вопрос, касающийся различий аэробусов А320–100 и А320–200. За неполные двадцать три года в его активе более тридцати самостоятельных перелетов в Азию и Африку со стыковками в Пекине, Тегеране и Дели. Он первым в семье пересек экватор, побывал на Мадагаскаре, Маршалловых

островах и в Кении. А ведь в его возрасте я видел эти места только на фотографиях…

Построить дом… Ну, тут есть вопросы. Нет, дом есть. Я даже имел к его постройке косвенное отношение. Но, во-первых, строился он не мной, а строительной компанией. И хотя на мои деньги, однако в понятие «построить дом» это как-то слабо вписывается. Во-вторых, интерьером и подбором материалов занимался специально обученный человек, а значит, тут тоже небольшая нестыковка. Ну, для чистоты эксперимен та попробуем принять, что и этот пункт я выполнил.

Что же дальше? Такая большая жизнь, а глобальных задач только три? Что может позволить себе мужчина, который эту традиционную программу-минимум выполнил? Правильно, попытаться еще раз получить то же самое и желательно в одном флаконе. Чтобы это был дом, который бы рос, как дерево, а заботы ему уделять, как сыну.

Всё это можно получить сразу. Достаточно только решить обзавестись собственным рестораном. Вас поразит схожесть проблем любого заведения с проблемами, возникающими при воспитании сына, строительстве дома и выращивании дерева. Мне можете поверить. На сегодняшний момент у меня 55 сыновей (кроме Гоши), 55 деревьев и 55 же домов! Разных, не похожих друг на друга. С разными проблемами, со своими победами и трагедиями. За двадцать лет я научился отпускать их в свободное плавание, не ревнуя и не следя за их самостоятельной жизнью. Я свыкся с гибелью некоторых из них и научился не присваивать себе достижения других. Я горжусь такой семьей и не хотел бы для себя другой. У каждого из ресторанов свой характер, свои поклонники, свой стиль. Свое меню.

Меню – это ДНК любого ресторана. Оно несет на себе отпечаток создателя, секретный код, который он хочет вложить в душу своего детища. Иногда меню простое и, на первый взгляд, даже примитивное. Но в этой простоте таится гениальность (или бездарность) автора, его тщательный подход к созданию своей кухни. В каждом блюде видны спор и сомнения, характер и бескомпромиссность. А иногда меню, при кажущейся сложности, на поверку оказывается компиляцией бездумных и попсовых элементов, надерганных у более успешных коллег.

Как создается меню? Каждый раз по-своему, Единственное, что должно быть всегда в голове у создателя, – оно должно нравиться и продаваться. Ведь ресторан прежде всего бизнес. Что толку в меню, которое не нравится никому, кроме автора? Именно поэтому над меню работает целая команда: шеф-повар, маркетолог, калькулятор. Каждый из них искренне бьется за те

или иные блюда, руководствуясь своими профессиональными навыками. Что-то технологично, что-то популярно, что-то выгодно. Жизнь такого ресторана ограничена лишь терпением и финансовым мужеством владельца, доверившего свою мечту случайным, в общем-то, людям. Именно в этом подчас кроется и причина отсутствия той атмосферы, которую мы с вами так ценим в маленьких, авторских ресторанах.

Ведь как хочется создать меню из блюд, которые нравятся тебе не только вкусом, но и воспоминаниями, связанными с их появлением в твоей голове! И пусть его никто, кроме тебя не оценит. Зато этим меню ты отдашь дань каждой маленькой истории, тем людям, которые подарили ее тебе.

В этой книге представлено меню, которое никогда не появится ни в одном ресторане мира. Потому что блюда в нем объединены только тем, что рецепты их подарены мне женщинами. Кого-то я знал и любил, кого-то никогда не видел, а кого-то даже не существовало в действительности. Блюда в этом меню интересны и необычны. Они просты в приготовлении и сложны в богатстве вкуса. Это меню – самое чистое и искреннее, оно не основано ни на прибыльности, ни на популярности. Главное качество и достоинство его блюд – женщины.

ЖЕНЩИНЫ, КОТОРЫЕ МЕНЯ… сами того не ведая, научили готовить.

Приятного аппетита!

Баку, Азербайджан. Пири, которая любила соседей

– Римма, – уважительно и даже несколько смущенно произнесла соседка, – если хочешь ругаться, поднимись, скажи мне лично. Зачем ребенка настраиваешь?

Бедная мама стояла у двери и, судя по виду, готова была провалиться сквозь перекрытия нашей хрущевки. И на это была причина: пять минут назад, играя во дворе стандартной бакинской пятиэтажки, ее пятилетний сын (ну то есть я), встретив соседку, живущую этажом выше, в ответ на ее приветствие, радостно закричал:

– Зараза, чтоб ты провалилась! Ты на нас ковры трясешь!

> ***Ежедневно, она вставала в четыре утра и под покровом темноты бегала, вернее, быстро ходила по нашему школьному стадиону, надев под традиционное платье спортивный костюм с надписью «Динамо».***

Мне так понравилась мамина фраза, которую она повторяла каждое утро в момент, когда Пири, та самая соседка, начинала выбивать ковры прямо над нашим балконом, что я сразу же при первой возможности донес эту информацию до адресата, попутно посвятив в нее и всех соседей, сидевших перед дверью нашего блока (так в Баку назывались подъезды). Опешившая соседка, стерпев позор и осуждающие взгляды соседей, покачала головой, тепло потрепала меня за щеку, взяла мою ладошку в свою, казавшуюся гигантской, ручищу и повела меня домой. «*Хочет похвалить меня*», – решил я и с готовностью засеменил за ней на четвертый этаж.

Пири Керимова настоящая азербайджанская жена, мать пяти сыновей, была потомком настоящего шахского рода – Челеби. Ее предок, Гаджи Челеби, был известнейшим полководцем и политическим деятелем, основателем могущественного шекинского ханства. От него Пири достался уверенный взгляд, крупные формы и уважение к мужчинам. Своего мужа, щуплого Панаха Керимова, Пири боялась как огня. И не зря. Пару раз в году Панах, повинуясь традиционным ценностям, бил жену, что особенно отчетливо слышали мы – соседи снизу. Так как весила Пири килограммов сто двадцать, любое её падение веселым звоном отдавалось в нашем серванте, заставленном, как и было положено чешским хрусталем.

Панах не общался с соседями. Я вообще не знал, говорил он когда-нибудь или нет. Все знали только, что работал он на мясокомбинате и потому наш блок проблем с мясом не испытывал никогда – как минимум дважды в неделю Панах устало шел с работы, неся на плече часть говяжьей туши. Через полчаса Пири обходила все квартиры и разносила заказанное накануне мясо. Так как Баку в то время жил по талонной системе и на семью полагалось не более трех килограммов мяса в месяц, такое сосед ство нравилось всем.

Пири любила соседей.

Еще Панах был знаменит тем, что никогда (я подчеркиваю – никогда) не снимал на людях головной убор. Весной, летом и осенью голову его украшала кепка типа «аэродром», недолгой зимой он незаметно для всех переодевался в папаху. Он ходил в шапке весь день, в окна пятого этажа можно было наблюдать, что и ужинал он в папахе. Пири гордилась мужем и его статусом, уважительно называя его Панах-муэллим[1].

Пятеро сыновей Пири были хорошо образованы, и, хотя ходили в Азербайджанский сектор (так назывались школы с преподаванием предметов на азербайджанском языке), отлично говорили по-русски и всегда были предметом зависти всех остальных родителей двора. Кямал, Рафаэл, Пярвиз, Фархад и Нияз – все они жили какой-то отдельной, обособленной жизнью Керимовых. Я никогда не помнил их, участвующих в дворовых драках, они не играли в футбол. Все они были старше меня, но никогда не проходили мимо меня просто так, не замечая мелюзгу. «*Как дела?*», «*Как мама?*» «*Как папа?*» – так они были воспитаны. Пири гордилась сыновьями, но никогда не показывала это соседям, ведь у тех не было таких хороших сыновей.

Пири любила соседей.

Когда старший из Керимовых, умница Нияз, уехал в Ленинград и поступил там в Финансово-экономический институт, вся семья да и весь двор ходили счастливыми – сын выбился в люди. Однако, после первого семестра Нияз вернулся на каникулы не один, а с невестой – русской белокурой девушкой. Вся семья была в шоке и пыталась образумить сына, но Нияз оставался непреклонен, и через два дня уехал назад в Ленинград, сказав, что выбирает невесту, а не семью. Панах-киши[2] ходил черный от горя. Пири была в трауре. Она часами сидела у нас дома и причитая, рассказывала: к девочке из Ленинграда нет претензий, но в Шеки, их родовом гнезде, уже давно растет невеста для Нияза, и отказаться от свадьбы нет никакой возможности. Только смерть могла разорвать этот союз. Почти месяц шли долгие переговоры, в результате которых, ко

всеобщему удовлетворению, Нияз перевелся в бакинский Нархоз[3], а шекинская невеста его благополучно доросла до замужества. Все каноны были соблюдены. На свадьбу был приглашен весь двор и жители соседних домов – человек двести, шатер поставили прямо во дворе.

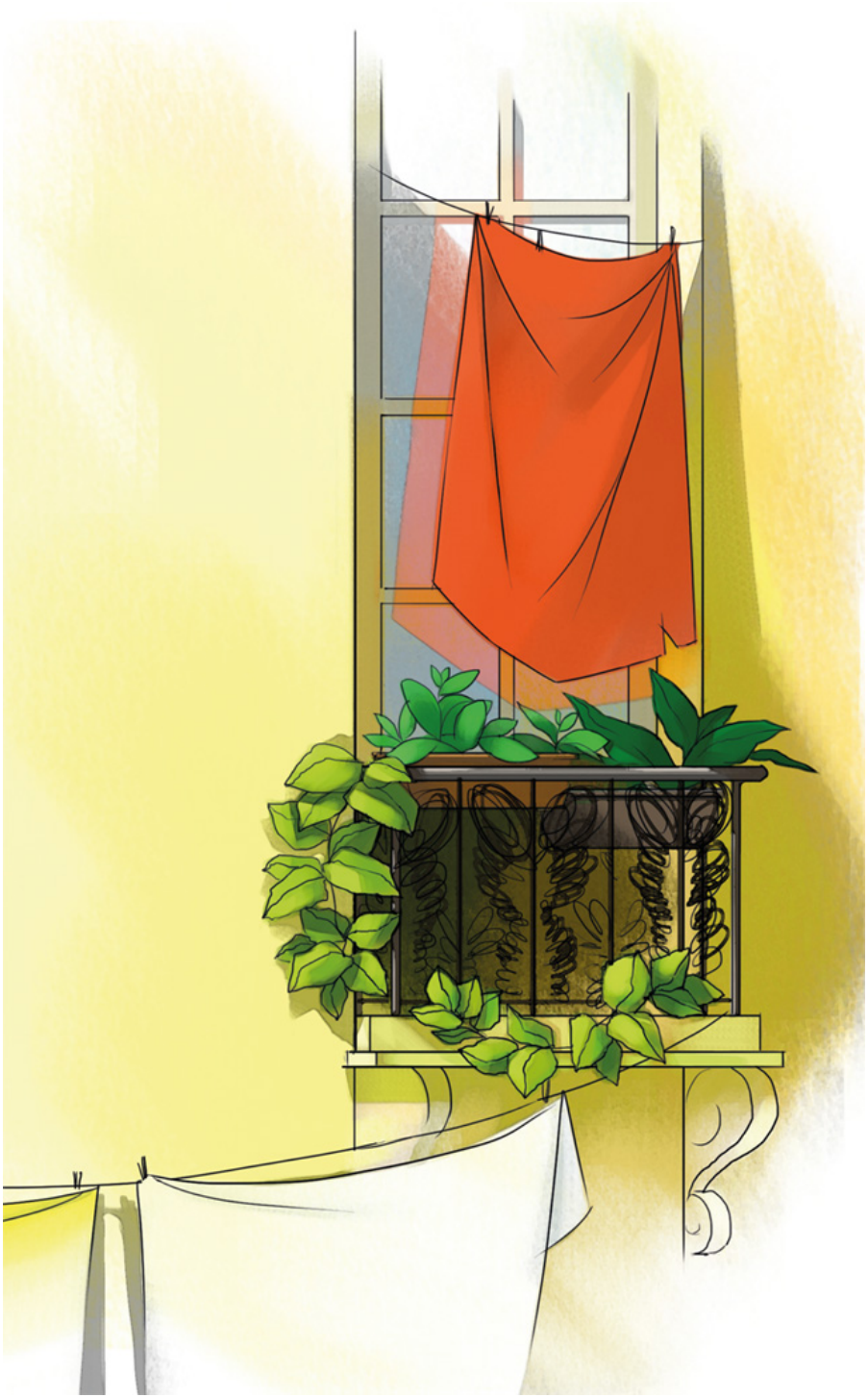
Пири любила соседей.

Пири была мусульманкой до мозга и костей. Дома у нее царил идеальный порядок, ежедневно она выбивала (именно выбивала) десяток ковров, и стирала невероятное количество белья. Но ковры она вытряхивала прямо с балкона (чем и вызывала поначалу ненависть нашей мамы), а пустые пачки из-под порошка «Лоск» летели на головы играющих под окнами детей практически ежедневно.

Пири любила соседей.

Однажды Пири заболела. По совету мамы она обратилась к нашей знакомой, хирургу из больницы им. Семашко. И та, предупредив Пири о высоком риске надвигающегося инсульта в связи с избыточным весом, прописала ей… бег трусцой. Ей, потомку шаха, продолжательнице рода Челеби, стодвадцатикилограммовой азербайджанке. И что вы думаете? Ежедневно, она вставала в четыре утра и под покровом темноты бегала, вернее, быстро ходила по нашему школьному стадиону, надев под традиционное платье спортивный костюм с надписью «Динамо».

Но Пири не только лечилась, она еще и лечила. Весь двор знал, что такое тонзиллит. И что удаление миндалин – не самое страшное испытание. Ведь по легенде, после этого врачи давали есть мороженое без ограничения (хотя, вспоминая бакинские детские больницы, верится в это с трудом). А вот попасть, не дай Аллах, с тонзиллитом в руки Пири – вот это было действительно страшно. Дело в том, что она обладала секретными знаниями и большими пальцами рук, смазанными предварительно бекмязом[4] которые вставляла в рот ребенку и – о чудо, – выдавливала миндалины! Все дети во дворе с ужасом смотрели на гигантские пальцы Пири и молили Всевышнего, чтобы миндалины воспалились в тот момент, когда Пири не было в городе. Потому что отказать соседям она не могла.



Пири любила соседей.
Раз в месяц, обычно в субботу в шесть утра, в дверь нашей

квартиры звонили. Родители покорно шли открывать, зная, что их ждет на лестничной клетке. Там стояла Пири, которая по просьбе мужа, хозяина дома Панаха, уважительно приглашала моего отца, офицера военно-морского флота, подняться к ним на традиционный хаш, который всю ночь готовил Панах. Пири к приготовлению хаша не допускалась. Потому что хаш не терпит женских рук… Отец, за всё время, которое я помню, не принял приглашение ни разу. И каждый раз, через пятнадцать минут, Пири звонила в дверь вновь и передавала отцу литровую тарелку настоящего шекинского хаша. Пири доверялось только донести хаш до квартиры. Каждую субботу. На протяжении пятнадцати лет.

Пири любила соседей.

В 1985 году семью Керимовых постигла страшная утрата – во время драки возле арменикендского базара случайной пулей из обреза был убит младший сын Пири, добряк Камал. Шестнадцатилетний мальчишка с друзьями оказался не в том месте и не в то время, – они пошли покупать сигареты «Мальборо», которые традиционно продавали армянские карлики на базаре. Две армянские банды не поделили что-то, и весь наш двор целую неделю ходил в трауре. А Пири не сняла черные одежды ни через год, ни через пять. Она безутешно горевала всю оставшуюся жизнь. Пири любила каждого из своих детей, но Камал, младший, так и остался младшим. И вся любовь Пири после его смерти досталась нам – маленьким жителям нашего двора.

Пири любила соседей.

В 1988 году наш двор захлестнули народные волнения. Толпы обезумевших еразов[5] врывались в блоки, в которых висели таблички с указанием фамилий всех жильцов, выискивали среди них армянские семьи и выбрасывали их из квартир. Двор мгновенно превратился в поле боя. Никто не мог противостоять новой силе, сметающей всё на своем пути. Никто не мог. А Керимовым смогли. Пири смогла. Она неделю скрывала под кроватью армянскую семью Бабаян в количестве пяти человек, а своих детей поселила в их квартиру, чтобы не дать возможность разграбить и сжечь нехитрый скарб. И скрывала их, пока не заказала им машину за свои деньги и не отправила несчастных Бабаянов в Армению.

Пири часто заходила потом к нам и умоляла родителей не уезжать в Россию, говоря, что и она и все её дети до смерти будут стоять на защите нашей семьи и не дадут нас в обиду. Мы уехали из Баку в 1991-м. Пири, узнав, что мы продали квартиру, и уезжаем утром следующего дня, проплакала у нас дома до

позднего вечера, мешая маме собираться. Она говорила, что теперь двор уже никогда не будет таким, как прежде. Это было в пятницу. А в субботу в шесть утра раздался звонок в дверь. На пороге стояла заплаканная Пири, держа в руках литровую тарелку с настоящим хашем. Последним настоящим шекинским хашем в нашей жизни.

Пири любила соседей…

Когда-то давно азербайджанский шах Челеби каждый день любил кушать разные блюда из свежей говядины. Обязанность доставлять мясо к столу шаха была возложена на пастуха Керима. Ежедневно после разделки теленка бедному пастуху оставались только передние ножки и голова. Возвращаясь поздним вечером домой, он отдавал их жене, и та всю ночь готовила из них хаш. Рано утром Керим ел это очень калорийное блюдо и снова уходил на весь день пасти стада.

Так, если верить легенде, в Азербайджане родилась традиция

всю ночь готовить и потом примерно в пять утра ежедневно есть хаш. И, возможно, не случайно – название блюда «*хаш*» наоборот читается как «*шах*». А авторство рецепта приписывается двум старейшим фамилиям – Челеби и Керимовым.

Рецепт шекинского хаша

Что взять

• 2 комплекта говяжьих субпродуктов (переднее копыто, хвост)
• 1 луковицу среднего размера
• 6 штук звездочек гвоздики
• 6 горошин черного перца
• 1 чайную ложка соли

Для подачи

• Свежая зелень и овощи
• 1 головка рубленного чеснока
• Хрустящий тонкий лаваш

Что делать

1. Говяжье копыто разделить надвое, отделив сустав, не повреждая его. Так костный мозг сохраняется в целости, и бульон получается более жирным. Хвост нарубить небольшими кусками.

2. Хорошо промыть субпродукты, поместить в большую кастрюлю и залить водой. Варить 40 минут.

3. Первый бульон необходимо слить, а мясо хорошо промыть и снова залить чистой водой.

4. Через 1,5 часа вынуть куски хвоста и ножки, переложить в чистую кастрюлю, а бульон процедить.

5. В очищенную луковицу воткнуть звездочки гвоздики и отправить в кастрюлю с бульоном. Добавить соль и перец.

6. На медленном огне, не давая бульону закипать, томить хаш не менее пяти часов.

7. Подавать бульон с большим количеством зелени, свежими овощами, рубленным чесноком и лавашом.

Бокор, Камбоджа. Колокольчики юной Зибилле

…Помощник генерал-губернатора Мишель Бостюз в истеричном припадке схватил Зибилле за хрупкие плечики.

– Мне нужны эти цифры, понимаешь ты, маленькая мерзавка!

* * *

Два часа назад Мишель в пух и прах проигрался в казино, расположенном во французском городе на горе Бокор. Он, как и вся французская знать, любил проводить время на этом островке цивилизации в джунглях Камбоджи. Городок на Бокоре жил своей обычной жизнью, богатые французы и местные чиновники съезжались к зиме на горное плато, жили в своих виллах, праздно проводя время. Казино, естественно, было центром вечернего времяпрепровождения. В нем не только играли, но и просто собирались для светской беседы, обсуждения колониальной политики, спорах об удачных миллезимах[6] и достойных терруарах[7]. Это был своего рода маленький элитарный клуб. А про ароматнейший суп Бо Кхо, который готовила в местном ресторане кхмерская девушка Лон Чанна, ходили легенды даже в Париже.

> ***Они называли ее Зибилле, что означает «предсказательница». Это имя она получила благодаря тому, что умела предсказать счастливое число на рулетке.***

Мишель не слыл хорошим игроком, но, несмотря на резкий характер, всегда мог вовремя остановиться. Что произошло в этот раз, Мишель не мог понять. За трое суток, безвылазно проведенных за столом, он проиграл дом в Пномпене, загородную виллу в Кепе и пакет акций французской компании Laduree. Ставить было больше нечего. Оставался только дом во Франции, в котором жила его семья. Больше ошибок быть не должно, решил обезумевший француз и ждал своей очереди в кресле перед красивым камином, украшавшим центральный зал казино. Тут до его уха донесся тихий перезвон колокольчиков, и он стремглав кинулся во двор, пытаясь найти источник этих спасительных звуков.

На кухне ресторана почти с открытия работала та самая Лон Чанна, кудесница волшебного супа. Каждый день она брала с собой на работу свою дочь. Девчушка была очень красивой и доброй, и все французы ее по-отечески опекали. Они называли ее Зибилле, что означает «предсказательница». Это имя она получила благодаря тому, что умела предсказать счастливое число на рулетке. Во всяком случае, в казино ходили слухи о магической способности девочки. Делала она это редко и вроде бы случайно: уча французский, Зибилле ходила по задворкам казино и бормотала под нос французские бессвязные слова. Но иногда, встречаясь глазами с игроками, она вдруг отчетливо, но достаточно тихо произносила число, которое, как заметили французы, выпадало на рулетке по нескольку раз в день. Владельцы казино оберегали девочку от игроков, дабы не превратить игру в охоту на нее. Но старожилы знали, что излюбленной игрушкой Зибилле были два прутика с колокольчиками, которые она почти никогда не выпускала из рук. Поэтому, когда во время игры с улицы раздавался мелодичный звон, многие игроки старались выйти во внутренний двор, чтобы встретиться глазами с девочкой, обеспечив тем самым себе неплохой куш.

* * *

…Покорно повиснув на руках француза, маленькая девочка безучастно наблюдала, как тот тащит ее к обрыву, и лишь крепко сжимала в своих ладошках два прутика, на каждом из которых были прикреплены по три колокольчика. То ли от ветра, то ли от осознания жуткой перспективы колокольчики в этот раз позвякивали очень уж печально.

Француз подтащил девочку к обрыву и попытался вырвать из ее рук колокольчики.

– Я отдам тебе твои колокольчики, как только ты мне назовешь цифру!

На лице девочки не промелькнуло и тени страха. Она все также была занята созерцанием своей игрушки. Мишель в бешенстве дернул девочку к краю обрыва, но при этом сам оступился на кусках гранитной крошки. Зибилле поддалась натиску француза и практически с готовностью устремилась вниз с обрыва…

* * *

Мишеля арестовали сразу же. Генерал-губернатор Франсуа Бодаван лично распорядился передать преступника в руки кхмерским родственникам девочки. И те в порыве бешенства затащили его в основной зал казино и затолкали в величественный камин, у которого Мишель не раз сидел в ожидании своего места за столом. Жуткие крики и стоны безумного игрока эхом разошлись по всем комнатам казино. Три дня оно было закрыто из-за жуткого запаха сгоревшей плоти…

Через неделю Франсуа Бодаван распорядился расстрелять всех участников самосуда, сделать в казино ремонт и сноваоткрыть его. А Мишеля Бостюза «списали» как еще одну жертву азарта, которая, проигравшись, прыгнула с обрыва. В то время это было обычным делом.

В день открытия казино сверкало новой мраморной плиткой, коврами и богатым убранством залов в стиле шинуазри[8]. Знающие подноготную истории с ремонтом казино гости с опаской обходили камин, стараясь не смотреть в его черную топку.

А потом случилось страшное. Когда в камине развели огонь, гости вдруг услышали стон, доносящийся из трубы. И тут же где-то на улице, в районе заднего сада раздался печальный звон колокольчиков…

Так продолжалось еще полгода. То звон колокольчиков, то стоны в камине не давали гостям расслабиться. Казино было заброшено и быстро пришло в запустение.

Но и сейчас, почти через сто лет посетители заброшенного казино могут услышать звон колокольчиков. Колокольчиков маленькой Зибилле…

Рецепт супа Бо Кхо

Что взять

• 1 килограмм говяжьей вырезки, нарезанной на 5-ти сантиметровые полоски

• 3 больших зубчика измельченного чеснока

• 3 столовых ложки рубленого свежего имбиря

• 2½ чайной ложки готовой китайской смеси «Пять специй»

• 1½ чайной ложки коричневого сахара

• 1 чайную ложку молотого черного перца

• 3 столовых ложки рыбного соуса

• 3 столовых ложки масла канолы

• 1 среднюю, мелко нарезанную, луковицу

• 3 столовых ложки томатной пасты

• 3 стебля лимонного сорго, нарезанного длиной по 5 сантиметров

• 2 звездочки бадьяна

• 3 стакана кокосового сока (или кокосовой воды)

• 3 стакана воды

4 больших моркови

• 3 крупные картофелины

¼ чашки крупно нарезанных свежих листьев кинзы или тайского базилика.

• Свежеиспеченный французский багет или азиатский рис (приготовленный по инструкции на упаковке)

Что делать

1. В небольшой миске смешать чайную ложку китайской смеси «Пять специй», зубчик измельченного чеснока, чайную ложку молотого черного перца.

2. В большой миске хорошо перемешать говядину, рыбный соус, 2 зубчика измельченного чеснока, имбирь, 1½ чайной ложки смеси «Пять специй» и 1½ чайной ложки коричневого сахара. Оставить мариноваться в течение 30 минут.

3. Очистить и нарезать морковь и картофель на двухсантиметровые кубики.

4. На сильном огне в глубокой сковороде обжарить замаринованное мясо с двух сторон и переложить в отдельную посуду. Обжаривать небольшими порциями, чтобы кусочки не отдали сок.

5. Если в сковороду положить сразу все кусочки, то они начнут вариться, а не жариться. Масло должно покрывать куски, и они не должны соприкасаться друг с другом.

6. Переложить готовую говядину в отдельную посуду.

7. Уменьшить огонь до среднего. Добавить в ту же

сковородку, где жарилась говядина, лук и обжаривать его до момента, пока он не размякнет и не впитает в себя сок, оставшийся от жарки говядины. Добавить томатную пасту и перемешать с луком. Продолжать жарить в течение 5 минут.

8. Добавить подготовленную в самом начале смесь специй, лимонное сорго и бадьян. Перемешать и тушить без крышки около 5 минут. Кухню должен заполнить невероятный аромат специй. Вернуть в сковородку отложенную говядину. Добавить кокосовый сок и воду.

9. Довести до кипения, затем накрыть крышкой и варить на медленном огне в течение примерно одного часа, пока говядина не станет мягкой и нежной. Не допускать, чтобы кусочки говядины разварились.

10. Добавить морковь и картофель. Вновь вскипятить блюдо и варить его еще около часа.

11. Добавить рыбный соус до достижения нужного вкуса.

12. Перед подачей на стол удалить лимонное сорго и бадьян.

13. Разлить суп в глубокие миски и украсить нарезанной кинзой или тайским базиликом.

Подавать с подогретым французским багетом или азиатским рисом.

Москва, Россия. Поцелуй со вкусом арахисового масла

– Поцелуй меня. – Голос ее звучал почти требовательно и безапелляционно. До отправления поезда, который покончит с этой необязательной, а в результате получившейся еще и тягостной встречей, оставалось 15 минут.

Еще утром я понял, что вчерашний, вроде бы дружеский звонок был напрасным, но отменить встречу было как-то неудобно. Видимо, вечером портвейн в голове в очередной раз сыграл злую шутку, и я с готовностью пообещал встретиться и даже попросил проводить до вагона – абсолютно несвойственная мне романтика.

Подождите… Целоваться на перроне Курского вокзала? Не в Париже или Милане. В Москве, среди снующих бомжей, работяг и якутов-носильщиков? Но сил противиться ее требованию я не нашел.

– Знал бы, во что все это выльется – был бы осмотрительней. Ну не бросать же теперь пить, в конце концов. – Замечание показалось мне резонным и оправдывающим странные поступки. Решив, что неприятный момент встречи ограничен расписанием Сапсана, я успокоился и начал сборы. До отправления поезда оставалось шесть часов.

После окончания института прошло двадцать лет. Я знал, что Наташа вышла замуж за какого-то араба, с которым жила все пять лет обучения, и уехала с ним куда-то на Запад. Или на Восток… Я почти не вспоминал её. Волнующие картины иногда будил только запах арахисового масла. Удивительным образом очень долго после близости с любой женщиной во рту у меня появлялся ощутимый вкус арахисового масла…

* * *

Наташа была моей первой женщиной. Вернее, не совсем первой, если говорить о физиологическом смысле этого понятия. Первой была другая, но то скорее было от безысходности. Натали же стала по-настоящему первой. Меня, неопытного и застенчивого первокурсника из Баку до глубины души поразило, что она относилась ко мне, как к Мужчине. И хотя она была

старше меня на два года (в институте почти недосягаемая разница в возрасте) во всех её поступках отчетливо чувствовалось уважение. В постели она была покорна, но умело направляла мои действия, а после секса вставала первой и, о боги, обтирала меня смоченным теплой водой полотенцем и приносила чай. А потом обязательно готовила ужин, что для растущего организма было самой желанной наградой. Не знаю, может, потом мне просто не везло, но больше такого уважения к мужскому началу я не встречал. Первая наша близость запомнилась мне не самим сексом (в двадцать лет как-то не придаешь значения деталям и нюансам), а невероятно вкусным ужином – курицей по-бедуински. Так это блюдо называла Наташа. Уж не знаю, делали ли это блюдо бедуины, но я мысленно благодарил автора рецепта этой божественной курицы в густом арахисовом соусе. По негласному правилу наши встречи имели четкую взаимную заинтересованность. Секс в обмен на курицу по-бедуински.

* * *

– Так ты поцелуешь меня? – Да, именно требовательность сквозила в её голосе. Не просьба, не пожелание. Она требовала и требование это подкрепляла пронзительным взглядом.

Подождите… Целоваться на перроне Курского вокзала? Не в Париже или Милане. В Москве, среди снующих бомжей, работяг и якутов-носильщиков? Но сил противиться её требованию я не нашел.

Изобразив на лице теплоту и радушие (которое, однако, нельзя было бы принять за чувственность), я обнял ее за голову и поцеловал. Аккуратно, как бы остерегаясь сделать ей больно. Лоб, глаза, скулы… Она казалась безучастной к поцелуям, хотя явно чего-то ждала. В какую-то секунду этого мучительно долгого поцелуя мне даже показалось, что она считает про себя, словно ныряльщик под водой, опустившийся на дно ради спора на время. Но когда мои губы коснулись уголка её рта, ныряльщик, сидящий в ней, выдохнул. Она хищно впилась в меня и…

* * *

В институте мне, с одной стороны, льстило такое знакомство. С другой, по общаге ходило много молодых и явно неопытных первогодок. Мне хотелось опробовать все техники, выученные с Натали. Она же очень ревностно относилась к какому-либо

флирту с моей стороны. Хотя сама к тому времени почти жила с аспирантом из дружественной Сирии, и в межобщажной жизни относилась к категории интердевочек – так называлась каста девушек, общавшихся исключительно с иностранными студентами. Вероятно, именно это знакомство и наделило Наташу талантом превращать московскую курицу в бедуинский шедевр. Однако в ответ на мои справедливые ответные претензии, она говорила, что это разные вещи и что она старается для нас. Кстати, так и не понял, что же она тогда имела в виду.

Хотя после одного случая эти слова, часто повторяемые ей, наполнились достаточно глубинным смыслом.

* * *

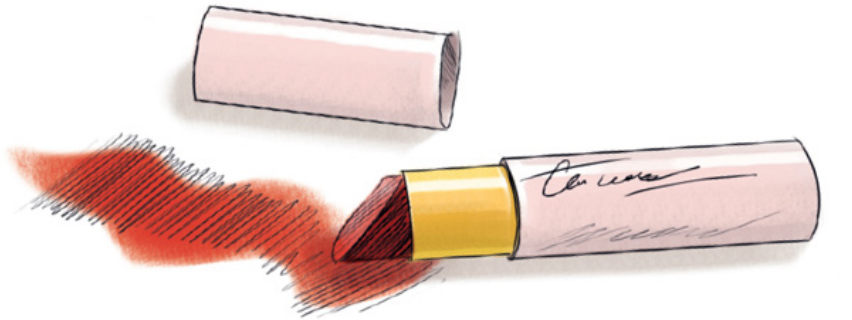
Невольно отпрянув, я сразу даже не смог разобраться в происходящем, понять причину нечеловеческого страха, который охватил мой мозг в тот момент. Мне показалось, что она не просто целовала в ответ. И это совсем не было похоже на прощальный поцелуй. Такой, знаете, как в последний раз. Нет. Она словно тянула меня за собой. Куда-то глубоко и безвозвратно. Она вытягивала из меня жизнь, словно заполняя образовавшиеся пустоты собой, своей жизнью, своей тайной, болью, страхом и еще чем-то пугающе холодным. Я практически в ужасе оторвался от неё и увидел в наполненных слезами глазах отчаянье, обиду, страсть… Что-то нечеловеческое, явно не имевшее ничего общего с беззаботной жизнью, протекавшей вокруг, руководило ей в этот, самый страшный момент моей жизни.

* * *

В один из вечеров она поймала меня в лифте общежития и буквально затащила в свою комнату.

– Я должна тебе что-то сказать. Только не переживай, ничего страшного. – Она пристально смотрела мне в глаза, держа за руки. Мои ладони внезапно вспотели. Еще бы – эти слова показались мне страшным, но ожидаемым громом: «ничего страшного» явно означало что-то очень неприятное, а «не переживай» не только подтверждали справедливость первого утверждения, но и обещали, что переживать я буду. Причем, долго. И, скорее всего, бесполезно. Переживать так, как мне тогда, казалось, можно было по двум примерно одинаковым

причинам – незапланированная беременность и СПИД.



Так как оба этих варианта в понимании бакинского юноши означали примерно один конец, я, собрав в кулак всю свою волю и мысленно посылая проклятия тому человеку, который нас познакомил, стал ждать вердикта. Но не тут-то было:

– Только скажи, что ты не перестанешь со мной общаться и простишь меня?

«Скорее всего, СПИД», – почти облегченно подумал я. Тут хотя бы с родителями не надо знакомить.

Во всем можно найти плюсы. Конечно, она могла подумать, что я брошу ее с еще не родившимся ребенком, и поэтому тянула всю эту сцену. Ну давай скорее!

– Точно не обидишься? Мне так неудобно, что я во всё это тебя втянула… – Да скажешь ты, наконец, или дождешься, когда я потеряю сознание от страха? Так думал я, но губы пробормотали что-то вроде этого:

– Нет, конечно, все будет хорошо. – Черт, ничего хорошего уже не будет, что за скотская манера?!!

– Понимаешь, Ахмед заболел какой-то заразой и мог заразить меня, а я, соответственно, тебя. Но ты не переживай, это не опасная болезнь, какая-то обычная инфекция.

Вы были когда-нибудь счастливы от подобных слов? Тогда вы меня поймете. Известие о том, что я, возможно, заразился какой-нибудь гонореей, вмиг сделало меня счастливейшим человеком если не мира, но Москвы точно. С трудом удержавшись от желания обнять ее, я бодро произнес, что сам справлюсь с этой проблемой и обращусь в КВД.

– Зачем, я все приготовила, лекарство купила, шприцы тоже. Тут недалеко живет медсестра, она будет делать уколы через день.

Это было уже слишком. Так управлять моей жизнью я не

позволю! Счастье быстро сменилось возможным смущением от встречи с медсестрой.

– Я сам буду делать себе уколы, – сказал я тоном, не терпящим возражения. Натали предложила свои услуги, но я был непреклонен.

– Хорошо, – необычно тихо произнесла Наташа, – я вот приготовила тебе ужин, ко мне же сегодня нельзя.

Она протянула кастрюльку, из-под крышки которой доносился волнующий бедуинский запах.

– Теперь готовишь на двоих, – мелко отомстил я.

Наташа метнула в меня взгляд, полный отчаяния, и пошла к себе.

Рассказывать, как я, сидя на унитазе, вкалывал себе в ногу пенициллин, не буду. Сначала, было страшно, потом я привык и даже начал было получать от этого процесса удовольствие, если бы не боль в мышцах от уколов. А потом кто-то из моих соседей не вовремя открыл дверь в туалет и застал меня со шприцом в руках… Больше ничем этот случай мне не запомнился. Да, Натали потом сообщила, что опасения были напрасными, и она не заразилась, и соответственно, не наградила болезнью меня. Но это было уже не важно. Произошедшее глубоко засело в моей голове, и я решил, что это был знак свыше. Наши отношения стремительно разрушались, я избегал ее, придумывал какие-то причины и предъявлял несуществующие претензии. На третьем курсе мы расстались. Хотя и до этого наши отношения уже разбились на спонтанные встречи. В голове моей возникал суровый босой бородач в белых одеждах и грозил мне кулаком, в котором явственно виднелись шприцы. Я понимал, что второй раз он меня не пожалеет, и под всякими предлогами сбегал от Натали. А потом и вовсе наговорил ей кучу гадостей и окончательно разорвал ниточки, связывающие нас.

Она отступилась, вышла замуж за Ахмеда и уехала в Сирию. На прощание она оставила мне роскошное полотенце и открытку, в которой вместо слов прощания был подробно расписан рецепт курицы по-бедуински.

Весточка пришла от нее только через десять лет через набиравшую популярность социальную сеть. Одна из наших общих знакомых найдя ее в институтской группе, радостно сообщила, что у Натали трое детей, она все еще в Сирии и назад совсем не собирается. Потом попросила мой номер телефона «на всякий случай». А еще через день позвонила она…

* * *

– До отправления поезда номер тридцать пять остается пять минут. Провожающих просьба покинуть вагоны. – Эти слова были сказаны как нельзя вовремя. Наташа отступила на шаг, словно взяв под контроль какую-то внутреннюю силу.

– Я понимаю, что ты не вспоминал меня, – она нервно и оттого неловко звонко рассмеялась. – Ведь не вспоминал?

Я молчал, пораженный произошедшей минуту назад попыткой извлечь из меня душу.

– И правильно, и не надо было. – Наташа заторопилась, вдруг осознав, что времени, отведённой ей на миссию, может и не хватить. – Слушай внимательно. Я умираю, причем очень стремительно. Мы с детьми приехали в Россию. Они пока у родителей. Я еду к ним сейчас. Хочу попрощаться. У них твой телефон. Когда всё случится, они тебе позвонят. Тут у них никого нет. Их отец погиб в прошлом году в Хомсе во время бомбежки. Теперь остался только ты. Ты должен о них позаботиться. Как когда-то заботилась о тебе я. Помнишь курицу по-бедуински?

Я подавленно молчал. Молчал, потому что понимал:

несмотря на то, жизнь из меня не вынули, вряд ли она останется прежней. Я судорожно пытался убедить себя, что всё происходящее всего лишь сон и мне срочно надо проснуться. Утром вчерашнего дня. Без разговора по телефону и соцсетей…

– Прощай. – Она взглянула в глаза, и одинокий муравей ужаса пробежал по моей вмиг вспотевшей спине. – Помни, ты мне обещал.

Она поцеловала меня еще раз. На этот раз, скорее дежурно, как целовались вокруг провожающие. Только явный привкус арахисового масла еще долго преследовал меня по дороге домой.

Придя с вокзала домой, я, не раздеваясь, отыскал старую коробку от первого макбука, в которой хранил вырезки из журналов со своими статьями, письмами от родителей и прочей ерундой. Вывалив содержимое на пол, я долго и неторопливо перекладывал каждую бумажку, словно открывая по одной цифры на лотерейном билете. Наконец, из-под вороха писем показалось то, о чем я думал всю дорогу – открытка Натали с рецептом курицы по-бедуински. Внимательно прочитав рецепт, я поднялся и пошел к холодильнику. Надо было проверить перед началом готовки, все ли ингредиенты в наличии…

* * *

Она умерла ровно через неделю. Мне написала Алена, ее подруга. Сказала, что Наташа просила меня не забывать об обещании…

Прошло уже три года. Нет, номер я не поменял, но каждый раз вздрагиваю, когда раздается звонок с незнакомого номера.

Вздрагиваю… и не беру трубку.

Курица по-бедуински

«Аям масак сендагире» – курица в бедуинском варианте. Рецептов этого блюда довольно много. Отличает его от других карри – это сладость меда и густота арахисового масла.

Что взять

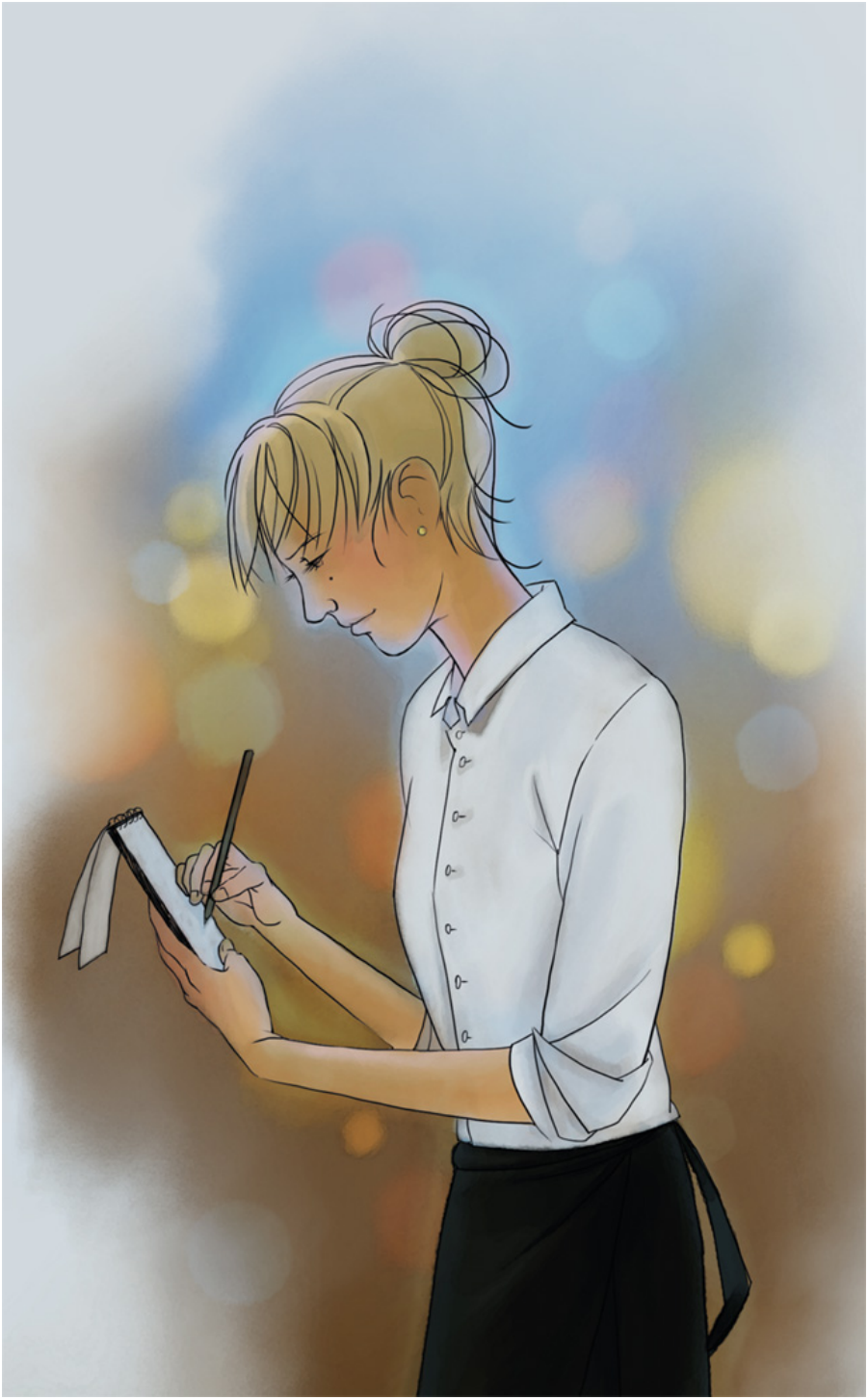
• 600 граммов куриного филе
• 300 миллилитров кокосовых сливок
• 4 зубчика чеснока
• Пучок зеленого лука
• Пучок кинзы
• Один лайм
• 4 столовых ложки несладкой арахисовой пасты
• 2 столовых ложки желтого карри в порошке
• 1 столовую ложку корня имбиря
• 1 столовую ложку меда
• 1 стручок перца чили

Что делать

1. Измельчить зеленый лук, чеснок, корень имбиря и перец чили, обжарить на растительном масле. Переложить в емкость для тушения.

2. Куриное филе хорошо промыть, обсушить и нарезать небольшими ломтиками. Обжарить до готовности на той же сковороде, где жарился лук. Соединить с луком и чили, добавить кокосовые сливки, арахисовую пасту, мед и порошок карри. Добавить соль, цедру и сок лайма. Тушить на слабом огне под крышкой 20 минут.

3. Перед подачей добавить измельченную зелень кинзы, подавать с отварным азиатским рисом или манным пудингом.



Канберра, Австралия. СМС

Вспомнить ее было непросто.

Когда ты набираешь персонал, мимо тебя проходят десятки лиц, характеров, образов. Ты выбираешь членов команды, исходя из какого-то внутреннего понимания кто подходит тебе, а кто нет. Даже нет, не так. Кто подходит ресторану, а кто нет. Причем, в какой-то определенный момент жизни ресторана. Это зависит от концепции, потенциальных гостей, размера самого ресторана и даже посуды. Да-да, носить тяжелые чугунные подносы могут только девушки определенного телосложения, в руках которых тонкое стекло Spiegelau или Zalto будет выглядеть, как Лопаткина в руках Карелина.

Она пишет мне постоянно. Примерно по два сообщения в день. Причем, это не монолог, а диалог. Мне пишет кто-то и кто-то же отвечает. Я вижу только вопросы, но кто-то явно отвечает.

Однажды для своего «Бара разбитых сердец» я подбирал девушек, хорошо знающих особенности поведения представителей ЛГБТ-сообщества. Мне казалось, что отрыть бар для лесбиянок было не только оригинально, но и очень интересно

с финансовой точки зрения. Такой бар будет пользоваться успехом и у самих лесбиянок, и у многочисленных мужчин, часами проводящих свободное от семейных обязанностей время на различных «порнохабах» в поисках новых ощущений. Каково же было мое удивление, когда в результате набора, позиции в баре заняли девушки, совершенно не подходящие на роли в фильмах для взрослых, которые, однако знали лесбийскую подноготную досконально. Ибо они ими и являлись. Но при этом совершенно не вызывали никаких желаний у заходивших мужчин. Никаких, кроме одного – вернуться скорее домой, к жене. Бар ожидаемо закрылся через три месяца.

Так и в этот раз, набирая девушек для работы в большой ресторан, мы придавали значение только физическим параметрам претенденток – никаких длинных ног и тем более тонких рук. Разные уровни пола в залах, обилие ступенек и, о ужас, второй этаж, – всё это давало шанс только ладно сбитым, устойчивым в физическом и эмоциональном плане официанткам. Поэтому лица отходили на второй план. Их можно было запоминать только по конфигурации таза и шарнирам, с помощью которых к тазу прикреплялись ноги. Ничего личного.

* * *

Так вот запомнить ее было нереально.

Мало того, что и так первый набор состоял из двадцати шести официанток, так еще и сменялись они в первые два месяца регулярно. К дню официального открытия состав обновился полностью. Мне кажется, что первый раз я ее увидел во время общего танца, который мы разучивали для презентации ресторана. Но сказать, что я запомнил её лицо, или тем более имя – это уж слишком. Во всяком случае, на фотографиях, которые делали на официальном открытии ее уже не было.

Поэтому первое знакомство предлагаю оставить за скобками. Его, в общем-то, как вы уже поняли не было.

Второй раз я неожиданно столкнулся с ней тремя годами позже на выставке, куда я попал по приглашению, а она – по работе. Она подошла ко мне прямо во время банкета, на котором работала официанткой, напомнила про наше прошлое знакомство. Я сделал вид, что вспомнил ее, хотя даже по имени назвать не смог. Мы немного поговорили, она рассказала о судьбе ее подруг, с которыми работала тогда у меня. («Так у нее еще были подруги? И их я тоже должен был помнить?» – с изумлением подумал я.) Стандартные вопросы, стандартные ответы. Вечером

того же дня она прислал мне сообщение.

Привет.
Странно, почему ты не настоял?
Когда кусаешь локти, не боишься повредить зубки?

Зубки… Я решил не отвечать на идиотские вопросы, взятые из статусов Вконтакте. Да и сообщения эти, скорее всего, предназначались не мне. Я не собирался ни на чем настаивать. Да и локти особо не кусал.

В следующие несколько дней была еще пара странных и не очень понятных сообщений, на которые я также не ответил. Они приходили глубоко за полночь, что не оставляло сомнений в том, что она отправляла их, будучи явно не в себе и явно не мне.

У меня совсем не осталось времени.
Я кое-что знаю о тебе.
Мое решение уже вряд ли что-то изменит.
Никто не ожидал от меня таких шагов, так что ты оценишь.

Вообще, этот телефонный рок настигал меня довольно часто. Обычно в телефонах знакомых я записан, как «АБ». А значит, в восьмидесяти процентах записных книжек я стою под номером один. И в минуты пьяного угара, беспросветного отчаяния или моменты воспитания детей (передавая им мобильный), мне со всех концов нашей страны приходили сообщения, фотографии внутренностей карманов, звонили молчаливые знакомые в пять утра и три часа ночи. Я возмущался, отправлял сообщения назад, а особо активных заносил в черный список. Так произошло и с ней. На третий день мне надоел полуночный отрывистый монолог, и я к собственному удовлетворению заблокировал ее номер.

Последующие пять или даже шесть лет я ничего о ней не слышал. И естественно, вообще забыл о ее существовании. Поэтому совершенно спокойно, не узнав, добавил ее в список своих друзей в «Одноклассниках», считая, что это какая-нибудь девушка из прошлой жизни. Тем более, фамилия ее была совершенно обычная для бакинского двора.

Последствия этого опрометчивого шага я почувствовал уже через сутки. Войдя на свою страницу, я опешил от цифры, мигающей во вкладке «сообщения». Сорок три сообщения, пришедших в мой ящик, жаждали прочтения и, вероятно, какой-то реакции. Это была она. В телеграфном стиле засыпала меня какими-то лозунгами, перемежая это фотографиями маленькой

девочки, видимо, дочки. Из бурного потока сознания я понял, что моя «старая знакомая» уехала в Австралию, живет в Канберре, вероятно вышла там замуж и родила довольно милую девочку, которую назвала, естественно, самым любимым официантским именем Амели.

* * *

Всю эту практическую информацию я выяснил из пяти сообщений. Остальные же ничего общего со здравым смыслом не имели.

Меня переполняет страсть, а все тело горит жарким пламенем…

Как мне справиться со своими желаниями?

Рядом водичка журчит, так приятно…

Я лежу на диване и что-то рядом плещется в стакане…

Сама себе удивляюсь, как я могла до такого додуматься!

Конечно, я никак не ожидала, что ты такой!

Чем меньше напишу, тем больше расскажу при встрече.

Мою голову посетила сейчас такая идея!

Такая идея!

Установила себе на заставку фото одного красавчика… Хочешь узнать, кто это?

Мне прямо не верится, как я на такое решилась!

Я видимо потеряла свой разум!

Прости!

Мое сердце открыло дверку для кое-кого…

Для меня это так неожиданно!

Я уже приготовила тебе самую стильную одежду.

И тому подобное. Такой поворот событий меня совершенно не устраивал. Я аккуратно вычленил сообщения хоть с каким-то смыслом, задал пару общих вопросов, типа: *«Как Канберра?», «Жарко ли у вас сейчас?»* – да дежурно восхитился маленькой дочкой, отметив определенное сходство с мамой.

Тем самым я, видимо, открыл ящик Пандоры. Ответив ей, я дал ей отмашку, и она начала восхождение к своей вершине. Выждав какую-то понятную только ее календарю паузу, она сменила тактику и перешла на странную повествовательную форму сообщений. В них она многословно рассказывала о

прошедшем дне, температуре воды, составе завтрака Амельки и как они вместе скучают по папе. Ну скучают и скучают, подумал я, и в образе папы мне явился статный австралийский абориген с кольцом в носу и обязательным копьем в руке. Именно так я с детства представлял аборигенов.

Но из следующих сообщений я понял, что Амелька ждет папу, не складывая маленьких ручек. Ждет и с маминой помощью разрисовывает на компьютере папины фотографии, украшая их всякими финтифлюшками. И в подтверждение она прислала мне несколько фотографий, на которых я с ужасом увидел… себя в окружении сердец, искр и разноцветных звезд. Одинокий большой муравей нечеловеческого страха медленно пробежал по спине, оставляя мокрый след холодного пота. Амелька – плод непорочного зачатия! Дева Мария новой эры!

Я вгляделся в фотографии Амели. Ну да, определенно умные глаза, красивый носик, да и вообще определенное сходство угадывалось. Равно как и с любым другим мужчиной. Шутка тянула на черный пояс. Я попытался весело отреагировать на эту новость, но, как это обычно бывает, про неизвестных до определенного момента детей мужчины шутят плоско и жалко. Я не стал исключением. Сообщив, что от мамы Амельке досталась красота, я решил больше эту тему не педалировать и обойтись без шуток.

А никто вообще не собирался шутить.

Она словно не читала мои ответы. Сообщения приходили с разной регулярностью. Иногда по десять сообщений в день, потом неделя перерыва. Тоска и нежность сменялись плохо скрываемым раздражением, требованием поскорее вернуться и обещанием приготовить настоящую «Павлову», которую они с Амелькой готовят каждый раз к моему приезду. А я всё не приезжаю…

Причем, в ее сообщениях я постоянно мигрировал с побережья Австралии в Россию и обратно по нескольку раз в день.

> *Не задерживайся после работы.*
>
> *Нам нужно понимать, на какое число брать билеты, чтобы ты нас мог встретить в Пулково.*
>
> *Любимый, если ты еще не выехал, захвати для нашей принцессы йогурты Chobani, которые ты привозил в воскресенье. Они ей так понравились!*
>
> *Амелька спрашивает: «На этом самолете летит папа?»*

(К этому сообщению была прикреплена фотография девочки в детском кресле с бумажным самолетиком в руках)

Отвечать я ей перестал. Мне стало не по себе, хотя, явно

ничего страшного физически со мной произойти не могло. Она, действительно, жила в столице Австралийского Союза, я понял это по многочисленным фотографиям с детских площадок. Так что внезапного визита я не ждал. Но какое-то странное чувство тревоги меня не отпускало. К лету количество сообщений сошло на нет, но только для того, чтобы осенью вспыхнуть с новой силой.

Она сетовала на то, что не может понять, почему я так с ней поступаю, почему, несмотря на всю любовь к ней, я всё чаще исчезаю в гараже и не зову ее на свои дружеские пати. Мои скачанные из Интернета фотографии она вставляла в рамки рядом со своими, заменяя мной кого-то стоящего рядом с ней. Амельки в сообщениях почти не было. Лишь изредка в сделанные наспех селфи попадало испуганное личико немного подросшей

девчушки. Она же, судя по присылаемым фото, превратилась во взрослую женщину с яркими губами и безумными глазами. Не выдержав этого раунда, я заблокировал ее.

Три года назад в начале зимы я случайно столкнулся с ней в одном из своих ресторанов. Я узнал ее по глазам. От былой уверенной в себе девушки не было и следа. Яркая помада осталась, но нанесена она была торопливо, так, что даже попала на зубы, и это создавало совсем уж демонический образ. Произошло это так неожиданно, что я, практически налетев на нее в зале, поздоровался и даже спросил, когда она приехала. Она потупила глаза, произнесла что-то вроде «*я никогда и не уезжала*», развернулась и выбежала на улицу.

Я воспринял это, как страшный сон и постарался скорее забыть про него.

Еще через пару месяцев собиратель сплетен и лучший шеф-повар города Дима Михайлов рассказал леденящую кровь историю про одну официантку, уехавшую с австралийским летчиком куда-то к нему в деревню, родившую там дочь, но сошедшую с ума от скуки и отсутствия антидепрессантов. Ребенка австралийские власти у нее отобрали, а ее саму депортировали на родину. Тут она шаталась по городу, била посуду в ресторанах и требовала взять ее на работу. А потом бросилась с Троицкого моста. Было уже очень холодно, Нева почти замерзла, и её даже не стали сразу спасать. Она пробила тонкий лед и камнем ушла под воду, оставив под мостом кровавую полынью. Выловили тело уже в районе Смольного. И вроде бы даже похоронили сначала как неопознанное. И только потом нашлись родители, которые перезахоронили ее на кладбище.

Закономерный финал, скажете вы? Да, наверное. Я долго чувствовал себя виноватым, хотя вряд ли мог ей хоть чем-то помочь. Я был всё время рядом, я мог как-то повлиять на ее психическое здоровье, но не сделал ровным счетом ничего. Исполненный чувством вины, я даже дал себе слово аккуратно выведать место её захоронения и навестить могилу.

А полгода назад на телефон мне вдруг стали приходить обычные эсэмэски, написанные латиницей. Код страны отправителя указывал на Австралию и сомнений в авторстве не было.

Она пишет мне постоянно. Примерно по два сообщения в день. Причем, это не монолог, а диалог. Мне пишет кто-то и кто-то же отвечает. Я вижу только вопросы, но кто-то явно отвечает.

Gde Ty? Vse horosho?
Zayusha, ni ne obizhaisya…

L.

Nu chto ty tam? Nadeyus ne priunyl? S Novim Godom!)

Ya tak ponimayu Ty zayavlyaesh na menya svoi prava?) pishi kontrakt.

*Solnyshko, pridu i vyidu. 100 procentov)) **

Zatiharilsya? Chto delaesh?

*Solnyshko, viydi posveti luchikami) **

Ya tebya lublyu, no ne ponimayu, Sasha.

Perezhivayu ochen silno za vse eto… (

Ya tebya tozhe, Ty znaesh. L.

Ne hochu govorit, ZAYUSHA. Ustala chto-to tak.

Ya s toboj, ne perezhivaj.

Chto takoe? Protiv N?

Skoro pridu. Za fruktami poedu. Zeluyu.

Obozhayu buduwego muzha.

Pravdu govori!

Lubovniza-drug takaya zhe zhena. Daze luchshe.

Vlyublen v kogo?

Kogda s toboj obwayus hochu byt' goloj… trogat' sebya…

Ne obizhajsya. Kogda silno lyubish million strahov.

Voobwe stranniy etot moj muzhchina.

Ne zhenitsya nado a bezhaaat'))

Ti s raznyh tel balueshsya, shalun?))

*Bezumno pohotliviy. Kak ya. **

*hochu t obnimat *, zelovat *, laskat *, trogat *, radovat *, govorit *, molchat*. Navernoe, eto. LUBOV* Skoro edu k Tebe, lubimushka. **

Pishi v svoih owuweniyah, predpochteniyah i myslyah…))

*Moe schast'e. Spasibo. Wonderful night! *))*

*Nu chto tam? Kak nastroenie? **

Ne hochu pisat. Obidelas, da i prosto ne hochu.

Mozhet ona tvoja zhenwina, ili ona s toboj a ya pishu na tel.

Mnogo znacheniy v tvoih vyvodah. Tochno ne poimu konechno.

So mnoj eto vse online igra, SASH?

Ya T lublyu i eto vse chto menya volnuet poka.

Ne gotovy oba na bolshee tem bolee chto dlya menya v lubom sluchae vse serezno.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки телефон привычно сообщил об очередном послании с того света.

Последнее сообщение, наверное, могло быть только таким.

И никаким другим.

Hochu skoree malenkuyu smert' s lubimym.

Рецепт десерта «Анна Павлова»

Десерт назван в честь великой русской балерины – Анны Матвеевны Павловой (1881–1931). По легенде, десерт появился в Австралии, во время всемирного турне балерины. Торт был изготовлен по случаю ее дня рождения, и, представляя новый десерт, шеф-повар воскликнул: «Такой же воздушный, как и Павлова».

Что взять

Безе

• 3 белка
• 1 стакан сахарного песка
• 1 чайную ложку с верхом кукурузного крахмала
• 3 столовых ложки воды

Лимонный курд

• 1 лимон
• 6 столовых ложек сахарного песка
• Кукурузный крахмал на кончике ножа
• 0,5 стакана жирных сливок
• 3 желтка
• 100 граммов хорошего сливочного масла

Что делать

Безе

1. В глубокой посуде смешать белок с сахаром.

2. Подогреть на водяной бане для того, чтобы сахар растворился – так в меренге не будут чувствоваться крупинки. Снять с бани, как только смесь станет однородной.

3. Взбить белок с сахаром при помощи миксера до образования первой пены. Скорость миксера должна увеличиваться плавно.

4. Когда меренга станет гладкой и блестящей, добавить воду и продолжать взбивать до стабильного состояния.

5. Небольшими порциями (на кончике чайной ложки) добавить кукурузный крахмал и еще немного взбивать меренгу до эластичного и податливого состояния. Понять, что меренга готова легко: нужно слегка опустить венчик миксера в смесь. Если на поверхности образовались устойчивые пики – вы всё сделали правильно.

6. Далее выложить меренгу на подготовленный противень, застеленный пергаментной бумагой и ложкой сформировать шар,

сделав кратер для начинки в середине.

7. Подготовить духовку, установив режим конвекции и температуру – 100 ˚С. Меренгу надо сушить в течение двух часов, при необходимости понижая температуру, если она начнет желтеть.

8. Хорошо приготовленная меренга должна легко отходить от пергамента и держать форму.

Курд

1. Соединить сок лимона со сливками и довести до кипения на плите.

2. Яичные желтки взбить с сахаром и крахмалом до однородности.

3. В яичную смесь тонкой струйкой влить горячий сок со сливками интенсивно помешивая.

4. Всю смесь хорошо взбить венчиком и поставить на медленный огонь, постоянно помешивая, пока курд не станет густым и однородным.

5. После этого снять с плиты и охладить в чаше с холодной водой до комнатной температуры. После, небольшими порциями, добавить мягкое сливочное масло и взбить до однородности. Заполнить лимонным курдом углубление в меренге, сверху посыпать обжаренными миндальными лепестками.

Канны, Франция. Панды

Отвезти девушку в Канны… Просто так, не подгадывая это к дню рождения, двум полоскам на тесте или внезапно открывшейся измене. А просто так взять и подарить билеты. Да и не просто в Канны. А провезти ее по всему Лазурному берегу, начав путешествие с Ниццы, потом – Канны, потом Антиб, и закончить роскошным ужином в Марселе. За это должны давать орден шелкового умника. Ну или медаль неисправимого романтика.

Планировать этот маршрут я начал примерно за полгода до поездки. Вечерами я как бы невзначай интересовался, знает ли Марина что-нибудь про отель «Негреско» в Ницце, какого именно цвета дорожка, по которой ходят звезды во время Каннского фестиваля, каким блюдом знаменит Марсель. Мне тогда казалось, что этот оригинальный способ лишь подогреет ее внимание к Лазурному берегу и огорчит из-за того, что она там еще не была. Наивный… Как потом мне сказала Марина, она догадалась о предстоящей поездке в первый же вечер, когда я осторожно спросил ее о том, почему Лазурный берег так называется, а потом поинтересовался, не собирается ли она в мае к маме в Грузино.

> ***Марина метнула в меня тысячи, миллионы отравленных стрел. Однако они, разбившись о вдруг возникший щит уверенности и мужского достоинства, тихо упали под ноги.***

Как бы то ни было, скрупулезный выбор отелей, ресторанов и способов перемещения из города в город был, на мой взгляд, идеальным. После этого я мог не сомневаться в победе на своим внезапно появившимся соперником.

Да ладно, если бы соперником. Бороться с ним было бы проще и понятнее. И, скорее всего, для этого мне не потребовались такие, на тот момент казавшиеся колоссальными, затраты. Ужас ситуации состоял в том, что бороться за сердце Марины мне приходилось… с Полиной. Да, да, соперником моим в этом треугольнике была девушка.

С Мариной я был знаком лет пять. Пару раз даже пытались жить вместе. Но, имея довольно схожие характеры, с трудом терпели друг друга, начиная со второго месяца. Причем, как это часто бывает, в разрыве винили именно себя, и поэтому, встретившись через месяц жадно ныряли в новый роман.

А в последний раз, увидев Марину на каком-то праздничном

вечере у друзей, я с неприязнью отметил, что она практически всё время проводит в компании крепко сбитой девушки с неровным лицом и короткой стрижкой. То, что это был не мужчина, мне нравилось (всё-таки с женщиной бороться гораздо приятнее, – подумал я), но вот какие методы борьбы тут надобно использовать, мне было непонятно. Стандартные шаги тут явно ни к чему бы не привели. Нужно было искать то, что Полина, при всей своей мужской внешности, предложить Марине не могла.

И вот тогда я и решил покорить девичье сердце Лазуркой. Марина рассказывала мне, как они с Полиной несколько раз ездили в Германию, жили в хостелах и питались в привокзальных сосисочных. На этом фоне мой предполагаемый вояж должен был оставить конкурентку в аутсайдерах, а неделя наедине с Мариной должна была поставить точку в этой неравной борьбе.

Так думал я и невольно повышал класс отелей и звездность ресторанов. Надо было выступить красиво, поэтому погрешность в десять-двадцать процентов роли не играла. Всё-таки в своем лице я видел солдата, воюющего за традиционные отношения между мужчиной и женщиной. Осечек быть не могло.

И вот, вечером 10 мая 2009 года я торжественно вручил Марине билет и план предстоящей поездки.

– Ты, конечно, можешь отказаться и не поехать, но мне бы очень хотелось подарить тебе эту поездку, чтобы исправить впечатление обо всех мужчинах в моем лице. – Мне казалось, что такое пафосное представление подарка могло загодя очертить линию между добром (мной) и злом (естественно, новой возлюбленной).

– Да, спасибо, это очень неожиданно, – слегка удивилась Марина. Вся поездка была известна ей, скорее всего, заранее, в общих чертах. Вылетать надо было на следующий день, и казавшийся мне сокрушительным удар, когда Марине надо было срочно предпринять шаги, чтобы объяснить недельное отсутствие своей подруге, оказался ловко блокированным: она явно уже обсудила все с Полиной и даже получила от нее индульгенцию.

– Тебе не надо никому сообщать об отъезде?

– Нет, всё в порядке. – Марина была на высоте интриг.

* * *

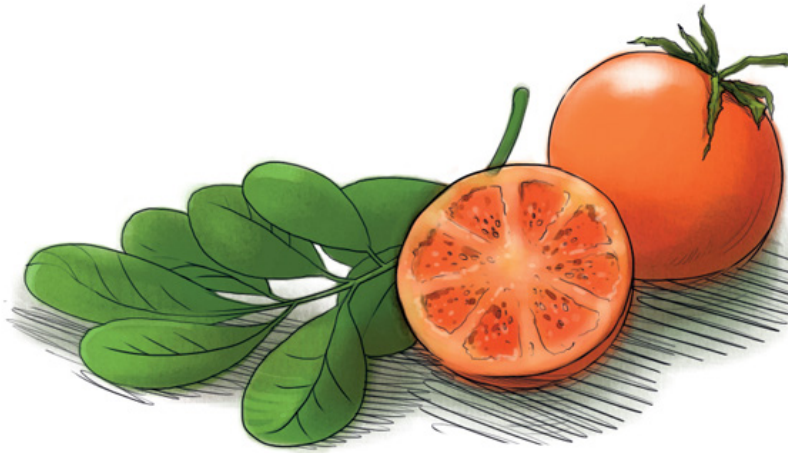
Самолет «Санкт-Петербург – Ницца» плавно поднимался в небо. Лететь в Европу ранним утром особое удовольствие. Всё как будто специально придумано. Вылетаешь в семь утра, приземляешься через три часа в каком-нибудь Париже. И так тебе

хорошо, и весь день впереди. Ощущение, что летел всего час. Смотришь – восемь утра. Действительно час. И назад – вылетаешь в двенадцать дня, а прилетаешь домой через пять часов! И вроде, никто не виноват, но уезжать хочется всегда, а возвращаться практически никогда.

Марина была спокойна. Она заснула практически сразу после взлета. Хитрость, которой я овладел в процессе освоения дальних перелетов, когда при покупке двух билетов ты берешь крайние места, сработала – между нами никто не сидел. Это позволило Марине удобно устроиться, а я занялся осмыслением деталей поездки и возможными последствиями всей этой операции.

Нельзя сказать, что я не любил Марину. Однако и любовью всей своей жизни назвать её тоже не мог. В моменты расставания я страшно тосковал, всячески гоня от себя желание встретиться с ней и поговорить. Я намеренно проезжал по улице, на которой она жила, часами сидел в Интернете, следя за ее активностью в соцсетях. Я сотни раз набирал номер её мобильного, в нерешительности поднося палец к кнопке «вызов». Я писал ей сообщения в ВКонтакте и оставлял ноутбук включенным в надежде, что какая-то невидимая сила отправит ей мои признания.

Но стоило нам вновь встретиться, меня начинало корежить от её бытовых привычек (в общем-то вполне безобидных), я придирался к мелочам, позже обычного возвращался домой и не терпел ее ужинов. Она готовила ужасно. Я долго не мог понять, как можно было так издеваться над продуктами, но однажды мы поехали к ее маме, где она со старшей дочкой приготовили праздничный ужин. И тогда я понял, что умение готовить передается на генном уровне. И этого гена в их семье не было. Это понял папа, сбежавший с молодой секретаршей в Казань, этого не понял муж сестры, который судя по виду, страдал вынужденной анорексией, это смутно становилось понятно мне. Мы расставались, но только для того, чтобы встретиться вновь через полгода. И все ее минусы забывались, я вспоминал только голос, глаза, тело…



* * *

…Марина проснулась как раз перед тем, как стюардессы стали разносить завтрак.

– У меня сильно болит живот.

– Может, какие-то таблетки? – Только этого не хватало. Казавшееся безоблачным, небо стало темнеть. – Как у тебя болит?

– Как болит? Как обычно, сильно болит, – довольно раздраженно и громко ответила она.

Реакция меня откровенно насторожила. Нет, я еще не избаловался теплым и мягким, словно кашемировый шарф, голосом Марины. Нет, живот, действительно может болеть так, что за интонациями ты особо не следишь. И говоришь скорее так, чтобы от тебя просто отстали. В её же словах чувствовалось раздражение от самого факта моего присутствия в кресле рядом. Уж не знаю, чем я так провинился, перед ней, но демарш её я воспринял соответствующим образом. А именно, сильно разозлился.

* * *

Отель в Ницце не отличался роскошью, однако на неискушенную девушку должен был произвести впечатление. Фактически это была квартира в частном доме. Окна огромной гостиной выходили на милый сквер, по которому неторопливо

гуляли французские бабушки с маленькими мерзкими собачками. «*Не иначе, французские бульдоги*», – подумал я. Не посвященный в особенности собачьих пород, я искренне считал, что во Франции должны быть в огромном количестве именно эта разновидность бульдогов.

Марина, не снимая обуви, прошла в спальню. Ей явно было нехорошо, боль не проходила, но всем своим видом она показывала, что лучшее, что я могу сделать, это отстать от нее. Спрятав мужское самолюбие поглубже, я вышел на улицу искать аптеку. Купить во Франции таблетки от боли в животе было сложнее, чем найти наркотики. Потому что все вышеперечисленное мне предложили разного вида чернокожие дилеры несколько раз, пока я бродил в поисках аптеки. Когда же я нашел нечто, похожее на магазин с зеленым крестом в окне, мне пришлось трижды объяснять продавщице, что у меня болит и что мне хочется, чтобы эта боль исчезла. Через полчаса я вышел с пакетом, в котором были «Аспирин», «Фосфалюгель», активированный уголь, средство для облегчения менструальных болей и «Нурофен». Этим и ограничились силы французской медицины в борьбе с болью.

Прямо в доме, в котором нам предстояло провести первую за долгое время ночь с Мариной, располагался ресторан, отмеченный не звездой, а каким-то странным знаком всемирно известного гастрономического гида Мишлен LUC SALSEDO. Забронировав там столик еще дома, я решил заранее посмотреть, какие расходы мне предстоят, чтобы познакомить мою девушку с высокой кухней. Так как Марина, скорее всего, спала, я вошел в продолговатый зал ресторана и встретился лицом к лицу с самим Люком, владельцем и шефом ресторана. Узнав его по фотографиям на сайте, я поздоровался и попросил меню, чтобы выбрать блюда на вечер. Люк оказался приятным и абсолютно не надменным французом. Посоветовав сет под названием SPRING, он дал рекомендации по вину и, узнав, что мы в Санкт-Петербурге занимаемся ресторанами, пообещал поболтать с нами вечером. Довольный мгновенной организацией культурной программы, я поднялся в квартиру, тихо открыл дверь и на цыпочках прошел в комнату, не желая будить бедную Марину.

Неожиданно из спальни раздался заливистый смех. Марина не только не спала, но вполне хорошо себя чувствовал, судя по смеху. Отбросив приличия, я подошел к двери и прислушался. Она мило беседовала с кем-то, постоянно повторяя «*я тоже*», «*моя хорошая*», «*очень, очень скучаю*». Сомнений не было. Марина говорила со своей лесбийской половиной и была счастлива. Вернувшись к входной двери, я громко хлопнул ею, официально

вернувшись на этот раз.

В спальне было тихо. Открыв дверь, я шепотом спросил:

– Марина? Спишь?

Она молчала. Подойдя к кровати, я не обнаружил телефона, который она, видимо, спрятала под подушку.

– Тебе лучше?

Стон в ответ звучал лучше всякого ответа. Ей было плохо. Я отошел к двери, повернулся к ней и нормальным голосом произнес:

– Надо же, с улицы услышал смех, подумал, что это ты, но, видимо, тут живет еще одна лесбиянка-притворяшка. На. – Я кинул на кровать пакет с лекарствами. – Тут лекарства от любой боли. К сожалению, от вранья и подлости не попросил.

А надо было.

Закрыв дверь, я подошел к окну. Внизу какие-то дедушки по очереди кидали в песок металлические шары. Прозрение наступило даже раньше ожидаемого. Отправить ее домой? Билеты на сегодня или завтра, наверное, стоят невероятных денег. Да и что тут делать одному? Ходить по ресторанам и смотреть на Лазурный берег? Мне-то он зачем? Какая мерзкая дрянь. Поехать и надеяться на что? Что я ничего не пойму? А может, Полина уже летит сюда, и дальше они будут гулять без меня? Да, но обратный билет у меня, слава богу, и она хрен его получит. Как можно было так фраернуться? Чувство глубокой обиды не покидало меня.

Дверь спальни открылась, она вышла и тихо села на диван.

– Спасибо за лекарства.

– Не за что, – не поворачиваясь ответил я, – тем более, они тебе, как выяснилось, не нужны.

– Неправда, у меня болел живот.

– Так сильно, что ты решила позвонить ей и попрощаться? – Я повернулся, стараясь, чтобы она не видела навернувшихся на глаза слез. – Скажи, зачем? Зачем ты так поступила? Трем людям теперь плохо.

– Я не знала, что мне будет так плохо. – Она опустила глаза.

– Тебе? Да мне наплевать на тебя! Ты можешь думать еще и о других? Если не обо мне, то хотя бы о ней, своей неопрятной подружке.

– Не смей её так называть! – закричала Марина.

– Интересно, а когда она меня унижает, ты тоже меня защищаешь?

– Она тебя не трогает.

– Да как же… Она и при мне не особо сдерживалась.

Я вспомнил, как совсем недавно на какой-то вечеринке, где мы оказались вместе, Полина, быстро накидавшись дешевым

полусладким вином, практически открыто набрасывалась на меня, желая «поделить бабу». И, если бы не хозяйка квартиры, в которой проходила вечеринка, я бы уже ждал бы приговора за нанесение тяжких телесных повреждений.

– Ты сам виноват. Когда ты выбросил меня на улицу, только она оказалась рядом. Только ей я оказалась нужна безо всяких условий.

– Да, конечно, она так и побирается по помойкам – авось кто-то пиццу недоеденную выбросит.

– Мерзавец! – Марина вскочила. – Я хочу уехать домой.

– Вали. – Я успокоился и отвернулся к окну. Дедушки вымеряли расстояния между своими шарами. – До аэропорта идет автобус.

– Помоги мне купить билет.

– Ага, сейчас, – усмехнулся я, – таблеток от критических дней наглотаюсь и помогу. Если еще что-то надо – говори.

– Какой же ты… – Марина вскочила и ушла в спальню.

– Ты уже говорила – мерзавец, – крикнул я вслед. – Не повторяйся.

Я задумался. Предстоящая неделя выглядела не очень обнадеживающе. Сегодня вечером ужин, завтра переезд в Канны, ресторан Astoux et Brun, знаменитый своими устрицами, потом – Антиб и отель-ресторан «Мишель» с рекомендациями от моего французского друга Жан-Пьера. Потом два дня в Марселе с роскошными Le Petite Nice, потом Монако и последняя ночь перед возвращением в Ницце. Все это теперь, судя по всему, придётся испытывать самому.

Через некоторое время Марина вышла из спальни с пакетом.

– Проводи меня, пожалуйста, на пляж. Я хочу позагорать.

Я на секунду задумался. Послать ее? И потом бегать по городу в поисках истерички-дезадаптантки? Так себе перспектива.

– Надеюсь, у тебя не скрутит там живот? Там платный туалет.

– Спасибо за заботу. – Она была спокойна и уверенна. – Ты проводишь, или мне идти самой?

Ведь она прекрасно меня знает и пользуется этим. Я встал и пошел к двери.

– У нас ужин в семь вечера. Если не успеешь, я пойду один.

– Хорошо, – сказала она, – мне сейчас лучше вообще не есть ничего.

– Ах да, у тебя же адские боли. До коликов. От смеха.

Это было низко и пошло. Но я не удержался. Мне показалось, что раз уж маски сброшены, задумываться о благородстве было неуместно. Выйдя на улицу, мы направились к набережной. Легкий бриз с моря усиливал и без того сильное впечатление от

прогулки по Английской набережной. Знаменитый «Негреско», в котором я намеревался выпить чашку кофе или даже бокал шампанского, остался позади. Мы молча шли вдоль муниципальных пляжей, на которых, словно в Сочи, лежали на гальке любители бесплатных удовольствий.

– Ты будешь загорать здесь? – Я знал о наличии платных пляжей, но хотел, чтобы Марина понимала, что независимость требует жертв, пусть даже финансовых. – Тут бесплатно, но нет ни душа, ни раздевалок.

– А где-то можно загорать на лежаке?

«Конечно, можно, – подумал я. – Сейчас вот смеющаяся Полина сбросит тебе тридцать евро, и лежи себе на здоровье».

– Да, можно вон там, – я махнул рукой в сторону пляжа Лидо, о котором тоже прочитал заранее, – можешь пойти туда.

– Да, спасибо.

Марина чуть прибавила шаг, но не настолько, чтобы показать, что в дальнейшей помощи не нуждается. Бросать ее в первый день было неправильно, да и потом, экономить, пользуясь сложившейся ситуацией, я не собирался.

Дойдя до Лидо, я отправил ее по красной дорожке к лежакам, остановившись у будки, где принимали деньги. Двадцать семь евро за лежак и пятьдесят пять за лежак и бокал Krug. Раз я на пляж не пойду, пусть за меня позагорает бокал игристого, и, следуя привитым с детства бакинским кодексом поведения, купил Марине самый дорогой билет.

– Найдешь дорогу назад? – крикнул я ей вслед.

Марина, словно ничего не произошло, мило кивнула мне в ответ и помахала полотенцем. Удивительная всё-таки способность мгновенно переворачивать страницы жизни, подумал я. Это от скудости ума или же выработанное веками стремление к выживанию в различных условиях? Ведь при всей однозначности ситуации я, считая себя правым, всё-таки выполнил все ее пожелания. И теперь она, предав меня в первый же день, лежит на одном из самых дорогих пляжей Франции, пьет шампанское и, вполне вероятно, пишет о своих впечатлениях подруге да еще и строит глазки загорающим рядом французам. А я, борец за справедливость и честность в отношениях, уныло бреду по набережной, и голова моя занята только мыслями о ней.

Буря протеста захлестнула меня, я посмотрел по сторонам и, увидев витрину магазина, с которой на меня большими глазами смотрело алое сердце, ринулся внутрь. Мне хотелось бунта!

Дойдя до квартиры, я сел за ноутбук и принялся искать билеты, Черт с ним, с деньгами. Ближайший рейс завтра в двенадцать. Она полетит домой к своей ненаглядной. А я? Ну,

надежды познакомиться здесь с кем-нибудь точно нет. А это значит переезжать из города в город и просиживать весь день в отелях. А потом рассказывать всем о прелестях Лазурного побережья, которые я видел из окон отелей?

«Главное – не делать скоропалительных выводов. Завтра утром решу все на холодную голову», – нашел я позорно компромиссное решение и довольный собой откинулся на диван и задремал.

Проснулся я от гнетущей тишины. Часы показывали четверть восьмого, я в ужасе понял, что ключей у Марины не было. Даже если бы она нашла дорогу назад, номер квартиры ей был точно неизвестен.

Вылетев из дома, я почти побежал в сторону пляжа, как вдруг на веранде Salcedo заметил своего нового знакомого, шефа Люка, который мило ворковал с Мариной, несмотря на почти полный зал гостей.

«Вот ведь дрянь», – подумал я, не вполне осознавая, кому именно из этой парочки я адресовал свое оскорбление.

Марина, красная от майского солнца, с бокалом белого вина смеялась шуткам уже не такого приятного француза, каким он показался мне днем. Интересно, как она понимает его с ее-то знанием английского.

Мне хотелось исчезнуть незаметно, но суетливый старт моих поисков, конечно, не остался незамеченным. Было понятно, что я чувствовал вину, и она в полной мере наслаждалась победой, сидя в компании бездарного повара, непонятно за что получившего звезду Мишлена.

– Бон суар, мсье Люк. – Я попытался сохранить лицо, сделав вид, что именно тут и надеялся ее увидеть. – Я думал ты потерялась, а потом догадался, что ты задержалась тут.

Люк, немного сконфуженный надвигающимся конфликтом, поднялся из-за стола и скрылся в зале ресторана.

– Да, я так и поняла, – она улыбнулась, – а ты что, на пробежку?

– Почему?

– Ну, ты выбежал из подъезда так, – съязвила она, – что мы с Люком подумали, что ты решил поставить рекорд по вечернему бегу.

«Мы с Люком…» Надо же, как быстро они находят новые ветки, словно обезьяны, прыгая с одной на другую!

Решив не вступать на скользкий путь публичного выяснения отношений, я проглотил последнюю фразу Марины, и собрался вернуться домой, как вдруг на пороге ресторана появился шеф со вторым бокалом вина:

– Моему коллеге из России! Бон аппетит!

Все трое подняли бокалы и градус напряжения мгновенно спал. Ужин прошел в довольно приятной обстановке. Люк суетился у нашего стола, по-французски ненавязчиво, но довольно откровенно заигрывая с Мариной. А, может, мне просто так казалось. В завершение вечера Люк принес нам в качестве комплимента божественный тарт татен – знаменитый перевернутый пирог, такой, по его словам, готовила еще его бабушка Жаннет. Необыкновенная теплая яблочная масса на тончайшем тесте подавалась с кнелью из маскарпоне и листиком мяты. Пораженный десертом, я готов был простить ему любые фривольности в общении с моей девушкой и попросил его поделиться рецептом. Люк замешкался, но потом, взглянув на Марину, радостно затараторил на плохом английском детали приготовления. Которые я записал, понимая, что и от такой Марины может быть польза.

После ужина мы практически сразу вернулись в номер. Гулять не хотелось. Она сидела в спальне, уткнувшись в телефон, я же старательно переписывал рецепт невероятно вкусного пирога. А потом закусил багетом и риетом, подаренным на прощание Марине любвеобильным шефом, запивая всё это вином. Выспавшись днем, я совсем не хотел спать и надеялся, что вино вынудит меня если не заснуть, то хотя бы забыться.

– Ты идешь спать? – Сонная Марина вышла в туалет и абсолютно обыденно, словно мы жили вместе уже не первый год, позвала меня к себе. Идти не хотелось. Вернее, хотелось очень, но надо было проявить волю и независимость. Поборовшись для приличия еще пятнадцать минут, я отправился в душ, смыл с себя обиду и частичное опьянение, обильно натерся дезодорантом и в довершение брызнул на шею новый Commes De Garsone, купленный сегодня по дороге с пляжа за немыслимые двести евро.

Осторожно войдя в спальню, я увидел ее обнаженную, лежащую прямо посередине большой кровати. В этой позе явственно читался какой-то вызов. Вариантов прочтения такой откровенности особо не было, и я, ошибочно приняв это за приглашение к примирению, лег практически на нее.

Марина не проснулась. Ну или сделала вид, что не проснулась. Она, как мне показалось, спросонья лишь откатилась на край кровати, подобрала одеяло и ушла с ним в гостиную. Оставив меня лежать на большой кровати, без одеяла, пахнущим дорогими духами в состоянии абсолютного унижения…

* * *

Поезд «Ницца-Канны» не отвечал моим представлениям о роскоши этого края. Довольно потрепанная электричка, хоть и с индивидуальными креслами, но все-таки собранными в купе. Эта скученная индивидуальность словно насмехалась над людьми: шесть человек сидели друг напротив друга, соприкасаясь коленями и практически постоянно отводя друг от друга глаза. Ехать так час было мучительно неловко. После ночного выяснения отношений, Марина, пользуясь лояльностью (а скорее всего, несообразительностью) китайской пары, юркнула на место у окна, оставив им два соседних места. Я же, как нормальный неудачник, оказался зажат между преклонного возраста дамой, всю дорогу проговорившей по телефону с каким-нибудь руководителем христианского попечительского совета своего округа, и хипстоватого вида девушкой, сидящей напротив Марины в наушниках и ежеминутно вздрагивающей в такт музыки, играющей в её голове. Все это можно было вытерпеть, но перед девушкой стояла гигантская банка чипсов Pringles с луком, которые источали тошнотворный запах. В добавок ко всему хозяйка чипсов ела их также под музыку, что в полной тишине купе казалось каким-то особо изощренным издевательством. В общем, в Канны я ехал в отличном настроении.

Мимо проплывали довольно унылые пейзажи. В отличии от дороги на автомобиле, которая пролегала по вершинам перевалов, тут весь путь шел сквозь ущелья и тоннели. Свет за окном сменялся кромешной тьмой, Марина делала вид, что спала, я переводил глаза с коленок китаянки на цепкие, как будто сделанные из проволоки, руки ее бойфренда, пытался распознать знакомые слова в размеренной речи бабушки и проклинал себя за безумную, и, как выяснилось, никому не нужную затею.

Вместо ожидаемого помпезного вокзала, поезд остановился на практически незаметной станции, и, если бы не внимательные китайцы, мы бы спокойно проехали дальше – остановок, естественно, никто не объявлял.

– Ты со мной? – сказал я, выдергивая свое тело из тисков двух женщин, которые даже не попытались отодвинуться.

Марина молча поднялась и пошла за мной к выходу, словно школьница, которую вызвал влюбленный в нее учитель пения – медленно, устало и уверенно, понимая, что сам выход к доске должен быть воспринят им, словно награда.

Стерпев унижение, я довольствовался лишь тем, что мстительно вновь не взял ее рюкзак, предоставив ей право наслаждаться обременительным грузом самостоятельности.

Отель «3,14» стоял особняком в моем списке мест пребывания. Каждый этаж этого отеля оформлен в определенном

стиле: Африка, Океания, Азия и так далее. Близость к пляжу и роскошному «Интерконтиненталю» делала его практически люксовым вариантом при относительно небольшой стоимости. Отель не мог не понравиться ей.

Держа маршрут от вокзала до отеля в голове, я уверенно шел к цели. При этом чувства меня раздирали самые разнообразные. Мне захотелось произвести на неё впечатление (сейчас даже больше, чем тогда, в Питере, при разработке маршрута), и вместе с этим, я, практически, не скрывал, что жалел, что на ее месте не оказалась какая-нибудь другая, которая бы точно оценила мои поиски идеального места.

Мы шли молча, я был чуть впереди и иногда немного ускорял шаг, чтобы потом, повернув за угол, дождаться ее суетливой попытки меня догнать, чтобы не оказаться брошенной в чужом городе. Однако Марина совершенно никуда не торопилась, не пыталась поспеть за мной и пару раз даже проходила мимо поворота, за которым её ждал я. Приходилось её окликать, что не добавляло мне вистов.

Несмотря на пожелание, оставленное мной при бронировании, выделить нам номер для молодоженов, уставшая французская карлица на ресепшене механическим скрипучим голосом произнесла:

– Chambre double Desert avec un lit. Queen.

Номер был, понятное дело, с одной кроватью королевского размера.

– Простите, можно ли попросить вас поменять на ту сепарейт бед?

– Désolé, haute saison, tout est réservé. Импоссибль.

Я повернулся к Марине, которая, если и была поражена отелем, особого интереса внешне не проявляла.

– У нас заказан номер с одной кроватью, я не знал, что так сложится, поменять они не могут. Либо поищу другой отель, либо придется потерпеть.

Марина отвела глаза.

– Решай как хочешь.

Как хочешь… Тут же нет возможности спокойно придушить тебя и потом незаметно спустить тело, разделив его на куски, в канализацию! Зачем тогда предлагать мне поступать «как хочешь»? Мерзкая техника пассивной атаки практически всегда имеет успех, и она прекрасно это знала.

– Хорошо, давай поднимемся и решим, чтобы не выяснять отношения тут прилюдно. – Спасовал я, решив, что любое промедление скорее мне на пользу, чем во вред.

– Хорошо, – ответила она и потянулась за рюкзаком. Эта фальшивая безразличная покорность совершенно вывела меня из себя. Отвести её в номер, развернуться и молча уйти в поисках ночевки – план не блистал оригинальностью, но позволял мне не повторить вчерашнюю позорную и бессознательную выходку. Я не был уверен, что ночью опять не попытаюсь обнять ее во сне и тем самым дам ей второй джокер в этой непримиримой войне.

В лифте она вдруг нагло и откровенно посмотрела на меня, и я отчетливо понял смысл выражения «улыбаться одними глазами». Хотя это была не улыбка. Глаза ее насмехались надо мной, она не отводила их, понимая, что ночью случится ровно то же, что и сегодня. Помедлив, я посмотрел на последовательно загоравшиеся кнопки лифта, у каждой из которых красивым каллиграфическим шрифтом были обозначены названия этажей: Afrique, Asie, Océanie.

Наконец, зажглась кнопка Desert, лифт подбросило, и он остановился. Мы вышли и побрели по коридору с мягким покрытием песочно-красного цвета, стены которого были украшены фигурками с фресок французской пещеры Ласко. Несмотря на примитивные приемы, отель казался хорошо спроектированным и на неокрепшее туристическое сознание производил приятное впечатление.

Номер 412 находился в самом конце коридора и казался визуально больше остальных. Ковролин леопардовой расцветки соединял прихожую и довольно большую для Франции комнату, в центре которой под балдахином стояла огромная кровать.

Бросив рюкзак на пол у двери в душевую, Марина стянула с себя кроссовки вместе с носками и прошлась по высокому полосатому ворсу. Стопы ее словно утопали в песке, зрительно удлиняя и без того длинные ноги.

На кровати лежал маленький конверт из мягкого силикона. Раскрыв застежку, Марина высыпала содержимое, которое часто описывают в отзывах несчастные туристы: две зубных щетки, зубная паста, влажные салфетки, два презерватива, маленький тюбик анальной смазки и электрический брелок-стимулятор в виде фаллоса. Именно эта вещь и заинтересовала её больше других.

– Ну что, ты останешься тут? – спросил я уже не так уверенно, как внизу. Номер мне определенно нравился, уходить не хотелось, а увиденное только что импровизированное дефиле Марины по ковру немного поменяло градус ненависти. Мне опять на секунду показалось, что она…

– Да, я остаюсь тут, – жестко и безапелляционно ответила она, крутя на пальце провокационный брелок. – Можешь идти, если хочешь.

– Хорошо. – Я развернулся, но тут же остановился, как вкопанный. Мало того, что я выбирал для нее отель, так еще и должен уйти теперь в поисках какого-нибудь убогого ночлега, пока она будет наслаждаться тут номером?

Марина тем временем снимала телефоном мини репортаж, видимо для Полины, старательно избегая моего появления в кадре.

Наверное, эта вызывающая наглость и спровоцировала меня на шаг, который показался мне тогда опрометчивым и безумным, но который, как выяснилось позже, подарил нам несколько лет по настоящему счастливой жизни.

Проходя мимо меня к стеклянной двери душевой, Марина, как мне показалось, нарочито грубо отодвинула меня, явно не желая, чтобы я попал в объектив камеры. Я машинально схватил ее за кисть руки, держащей телефон.

– Ты не охамела? – прошипел я, и пальцы мои вдруг побелели и стали сжиматься, словно челюсти питбуля.

– Отпусти! – Марина попыталась вырваться, но рука моя крепко держала кисть. – Слышишь, отпусти!

– С чего это? – Битва перешла наконец-то в рукопашную, в которой, как известно победа всегда на стороне того, кто ударил первым. – Ты разве не специально подошла? Не хватает крепкой мужской руки?

– Да, не хватает, – вдруг с придыханием сказала Марина и практически вплотную приблизилась ко мне, но вместо поцелуя

прошипела:

– Нет знакомого мужика? Достали бабы и соплежуи вроде тебя.

Красивое лицо вдруг исказилось отвратительной гримасой, а глаза остекленели. Это явно была не Марина, а какое-то существо, завладевшее её телом.

– Сейчас позову, тварь, – я принял условия игры и шепот перешел на громкий рык, – только не благодари потом.

Мне вдруг отчетливо захотелось доказать ей, что никакие лесбийские утехи на сравнятся с нормальным здоровым сексом с мужчиной.

Легко, словно часто это делая в свободное от работы время, я вывернул ее руку за спину и локтем надавил на позвоночник. Не в силах терпеть боль, Марина подчинилась силе и медленно, почти с готовностью, опустилась на колени. Лежавший под ногами желтый рюкзак оказался как нельзя кстати, и я подоткнул его под Марину так, что она очутилась на нем, словно неуклюжая наездница. В этой неуклюжести был своеобразный шарм и, не дав ей возможность принять соответствующую статусу независимой женщины позу, я быстрым и, как мне показалось, элегантным движением второй руки расстегнул ее платье…

* * *

– А тебе не кажется, что это ты охамел? – поднимаясь с колен, с деланным возмущением спросила она.

– Кажется, – твердо ответил я. – А тебе не кажется, что я могу себе это позволить?

И она и я знали, что право я имею. Именно поэтому я позволил себе то, что не мог бы позволить в других обстоятельствах, а она смиренно, но не без удовольствия это приняла. Ей хотелось быть наказанной, ей этого не хватало в нынешней жизни, и она явно меня почти провоцировала на насилие.

Я пошел в душ смывать с себя бессильную злобу, приступ ненависти к себе, нелюбовь к отелю и презрение к Каннам.

– Можно к тебе? – Она поскреблась в стеклянную дверь.

Я понимал, что это очередное испытание, которым самка богомола пытается вернуть меня в категорию корма. Стоит мне согласиться, как она вновь почувствует свою силу и уже не даст мне второго шанса. Голова моя будет откушена еще до ужина. Откушена и выброшена на помойку.

– Нет, нельзя. Я моюсь.

– Я могу помочь тебе. Позволь мне помыть тебя?

– Нет. Сейчас я выйду и мойся, сколько хочешь.

Мне нравилась моя роль. Я выполнил все, приличествующие настоящему мужчине, шаги по подавлению непокорной самки.

Выйдя из душа в полотенце, я постарался максимально расправить плечи и втянуть до позвоночника живот.

– У тебя нет ничего святого, – сказала она.

– У тебя зато есть. Ты никого не любишь, кроме самой себя. Ни меня, ни ее, ровным счетом никого! Мы все нужны только для того, чтобы ты могла нами пользоваться.

– Нет! – закричала она. – Неправда! Я люблю!

– Кого? – я повернулся к ней и стал надевать белую рубашку, но, заметив, что она сильно помялась в чемодане, остановился. – Ты сама не можешь сказать, кого из нас ты действительно любишь. Всё потому, что любовь – не твоя сильная сторона. Твоя сильная черта – страх. Ты хорошо себя чувствуешь только тогда, когда боишься. Вот и сейчас, во время секса, ты по-настоящему расслабилась только тогда, когда я потерял над собой контроль и чуть не убил тебя. Не от страсти, а от ненависти к тебе. Может, это детская травма?

– Неправда! – вскричала она. – Я ненавижу бояться. Я хочу добра и тепла, хочу нормальной семьи и дома. А вы, – она перешла на истерические рыдания, – вы все, вам только одно нужно. Чтобы я, как красивая кукла, была рядом и посылала вам воздушные поцелуи!

Поцелуи эти, были явно из ее совместной жизни с Полиной. Не зная подробностей, я понимал, что они тяготят Марину и решил атаковать этот вражеский редут.

– Поцелуи? Какая пошлость! Я никогда не просил тебя посылать мне какие-то поцелуи. Мне были абсолютно безразличны твои нежности! Я терпел их, потому что считал, что для тебя это символ вашей бабьей удачи, что-то сродни штампу в паспорте. Поэтому не надо уранивать меня со своей примитивной сущностью! Это ты пытаешься выбрать между мужчиной и женщиной, и решаешь, кто из нас может создать тебе комфортное пространство. Тебе по большому счету наплевать на каждого из нас. Ты же через год даже имен наших не вспомнишь, мы для тебя, как шприцы для наркомана – только резервуары для введения удовольствий!

– Ты отвратителен! – сказала она печально, тем не менее интонацией признав мою безоговорочную победу в этом раунде.

– Прекрасно! – сказал я. – Я счастлив. Но раз ты решила поменять меня на свои слащавые знаки фальшивых чувств, в этой поездке, будь любезна, – я вытащил утюг и мысленно запустил

его в голову Марины, – заткнись, помойся и погладь мне рубашку.

Она в нерешительности постояла в проеме комнаты, пытаясь найти какие-то, казавшиеся ей важными аргументы, которые свидетельствовали бы о моей гнусности. Но силы были неравны. Я был чист, широкоплеч и в моих руках блестел утюг. Она покорно опустила голову и скрылась за стеклянной дверью душевой.

Безоговорочная победа! Я двинул крепко сжатым кулаком в челюсть воображаемой Полины.

* * *

Ресторан Astoux et Brun является таким же знаковым местом, как набережная Круазет, казино или Дворец фестивалей. Самые дешевые устрицы, великолепное розе и постоянная очередь на вход не требуют дополнительных аргументов. Прочитав про этот ресторан еще дома, я отчаянно пытался забронировать место на двоих, забрасывая почтовый ящик несчастных рестораторов письмами о своей грядущей свадьбе и желании сделать предложение именно в их ресторане.

Надевая тщательно отглаженную Мариной белую льняную рубашку, я еще не догадывался о формате ресторана, поэтому готовился к визиту основательно. Если бы я тогда знал, что Astoux et Brun представлял собой обычную харчевню на двух этажах с примитивным интерьером, еще более примитивной посудой и совсем уж примитивным вином, то, скорее всего, поискал бы более торжественное место. Но! Там действительно были устрицы. Их было много, стоили они недорого и пройти мимо такого места было нельзя.

Но пока я всего лишь намеревался отпраздновать победу мужского традиционного секса над суррогатными подделками, поэтому одевался празднично.

– Я иду ужинать. Ты пойдешь? – Господи, как я произносил эти слова! Они словно семечки сыпались из полной ладони, и мне их было совсем не жалко. Я прекрасно понимал, что идти Марине некуда, и она послушно поплетется за мной, но мне хотелось насладиться этими трофеями.

И теперь она, предав меня в первый же день, лежит на одном из самых дорогих пляжей Франции, пьет шампанское и, вполне вероятно, пишет о своих впечатлениях подруге да еще и строит глазки загорающим рядом французам. А я, борец за

справедливость и честность в отношениях, уныло бреду по набережной, и голова моя занята только мыслями о ней.

Она кивнула. Как после хорошего первого секса с женщины мгновенно спадает стыд, так с Марины после относительно жесткого насилия спала спесь и независимость. Правда теперь в её глазах я заметил совершенно новые оттенки ненависти и бессильного отвращения. Подавление ее лесбийского увлечения стало только началом комплексного лечения. Сейчас начался период ненависти к врачу, успокоил я себя.

– Собирайся, я подожду тебя внизу, – я на секунду остановился у двери и ехидно заметил, не в силах сдержать порыв, – тебе, наверное, надо поговорить с кем-нибудь, рассказать, как это бывает.

Марина метнула в меня тысячи, миллионы отравленных стрел. Однако они, разбившись о вдруг возникший щит уверенности и мужского достоинства, тихо упали под ноги. Зафиксировав результат, я спустился вниз, заказал в баре бокал игристого и стал ждать Марину.

Она появилась довольно скоро. В белом, в тонкую голубую полоску сарафане на пуговицах она выглядела так соблазнительно, что я чуть вновь не поддался на этот манок. Мы молча шли по Краузет. Марина держала идеальную дистанцию в полшага, как бы подчеркивая мою победу, но при этом не смиряясь с ней.

У ресторана было многолюдно. Какие-то люди толпились у входа, некоторые сидели на смешных складных стульчиках. Я гордо прошествовал ко входу, ощущая на себе обжигающие, словно от выжигательного аппарата, взоры.

– As-tu réservé? – Молодой юркий француз преградил мне путь к устрицам.

– Нет, я писал, но мне не ответили. – Я постарался максимально корректно использовать английские слова, чтобы не обидеть француза.

– Возьмите талончик на… сколько вас? – Увидев два моих пальца, француз чиркнул ручкой на графе «2 pers». – Ваш номер 71, мы вас позовем.

Семьдесят первый? Вы серьезно? В Каннах, не просто постоять в очереди, а реально ждать, когда этот маленький наглец выкрикнет тебе soixante et onzième? Это слишком.

– Извините, а сколько ждать?

– Примерно полчаса, – машинально ответил хостес. – Сейчас только шестнадцатый номер. Но, если вы уйдете, а подойдет ваша

очередь, она сгорит.

Стоявшие двадцать человек своим решительным видом показали, что пропускать никого не намерены.

– Будем стоять? – спросил я одновременно и у себя, и у Марины. И, не получив ответа, резюмировал сам:

– Пойдем поищем что-нибудь другое.

После сложного утра и энергозатратного дня я мечтал о бокале вина и быстром ужине. Гастрономические изыски не входили в список обязательных условий сегодняшнего вечера. Решительно двинувшись в сторону Дворца фестивалей, я не оставил Марине иных вариантов.

Почти поравнявшись с углом здания, в котором находился ресторан, я на секунду остановился у открытой части кухни, которая являла собой прекрасный образчик нативной рекламы: пятеро работников в монотонном бессилии вскрывали одну за другой устрицы. Это казалось со стороны каким-то актом гражданского неповиновения, уж больно решительно они орудовали специальным ножом.

– Простите, мадам. – Марину взяла за локоть обаятельная женщина, которая всем своим видом доказывала, что француженки действительно сильно выделяются на фоне остальных женщин своей удивительной элегантностью. – Вы не в Astoux et Brun ждете стол?

Невысокого роста, в черном, практически до пола широком словно не по размеру, платье, она казалась еще стройнее, чем была на самом деле. Красивая брошь с изображением женской головки была похожа на камею, но авангардный дизайн выдавал в ее владелице абсолютную модницу. Образ завершали высокие кроссовки Carole Bouquet.

Женщина была до невозможности грациозна. Чего не скажешь о её спутнике, которого дама держала под руку. Смешной толстяк в традиционной клетчатой рубашке, голубом джемпере Marco Polo и странного вида полосатых кроссовках неизвестной мне марки Ours en Bamboo выглядел совершенной ее противоположностью.

– Да, туда, – помог я Марине справиться с незнанием английского, – но у нас семьдесят первый номер, так что мы, наверное, не в этот раз.

– Возьмите наш номер, – милая дама протянула Марине листочек с приятной цифрой 17, – мы лучше погуляем.

– Мерси, мадам, – я постарался вложить в слова максимально французское произношение, – может, поменяемся? Возьмите наш семьдесят первый и придете через час.

– Нет, нет, мы еще успеем, – она улыбнулась, – вам точно

нужнее. – И, посмотрев внимательно на меня, произнесла:

– Берегите вашу жену. Она прекрасна.

– Спасибо, я знаю.

– Нет, не знаете и можете всё потерять, – она вдруг ткнула пальцем мне в область сердца, – если вы…

– Dix-sept, égard, – громко протрубили у входа.

– Идите скорее, вас зовут, – с каким-то мультипликационным надрывом произнесла наша фея и погладила Марину. – Tu es adorable mon enfant!

Выяснять, что она хотела сказать, я не стал и увлек Марину за собой. Гигантский официант затащил нас в жерло ресторана, оставив остальных жаждущих смотреть нам вслед с плохо скрываемой завистью.

Внутри царил какой-то славно организованный хаос. Галдели гости, отовсюду слышался звон бокалов, туда-сюда сновали официанты, держа в руках гигантские плато, на которых в окружении льда и половинок лимона лежали морские гады: креветки, мидии, гребешки, ракушки, каракатицы, лобстеры. И отдельными тарелками пролетали над столами дюжины и дюжины устриц.

Официант, не глядя на нас, жестом указал нам на крохотный стол на втором этаже. Столов таких вдоль стены уместилось с десяток, причем стояли они так близко, что сидящие рядом гости могли без труда брать устрицы из соседних столов.

Справа от нас сидел араб с семьей и горой очисток от креветок. Стол слева по счастью оказался свободным, что позволило мне пропихнуть Марину к стенке, не испачкав ее сарафана.

Практически мгновенно к столу подлетел официант, который протянул нам ламинированный лист с перечнем возможных к заказу блюд. Меню дня не баловало гостей разнообразием, что, в общем, было понятно. Справиться с таким потоком гостей можно было только с таким ассортиментом.

Судя по тому, что уходить без заказа он не собирался, с выбором нужно было определяться мгновенно.

– Ты будешь устрицы?

– Я не знаю, я их никогда не пробовала.

– Тогда давай закажем дюжину фин де клер и дюжину белон. И еще мидии в сливочном соусе, – на память я отбарабанил классический заказ, подсмотренный в многочисленных отзывах на Трипэдвайзере. – А пить будем местное розе. Не против?

Марина была не против, и я бегло повторил заказ официанту, заслужив от него мимолетную дежурную улыбку в награду за скорый заказ.

Марина сидела тихо и смотрела по сторонам, наблюдая этот чудовищный по красоте гастрономический аттракцион. Я же вынужден был смотреть поверх ее головы в зеркало, которое передавала царящую там атмосферу даже в более сжатом виде. От мельтешения тел, лиц, подносов немного кружилась голова. Пришлось ненадолго закрыть глаза и мыслями вернуться в произошедшее часом ранее. Поэтому появления соседей по левую руку я просто не увидел. И когда услышал немного хрипловатый голос девушки, говорящий по-русски откуда-то сверху и сбоку, внутренне насторожился.

– Непонятно, как тут вообще можно понять, что заказывать и что есть? Хоть бы кто-нибудь рассказал.

Я открыл глаза. За стол, который я по наивности мечтал видеть пустым, села пара молодых людей. Она милая девушка, которая могла быть одновременно художницей, наркоманкой, любительницей йоги и сотрудницей финского консульства. Мешки под глазами выдавали в ней любителя вечерних застолий или болезни почек, роскошные вьющиеся волосы были небрежно закручены в какое-то подобие ананаса и создавали впечатление, что еще десять минут она мирно спала после бурной ночи.

Его было видно гораздо хуже, так как я фактически касался его правой части тела и видел его только профиль, да и то, если сильно скашивал глаза. Плотного, даже немного рыхлого телосложения, круглолицый добряк, который долго и упорно пытался расположиться на табуретке.

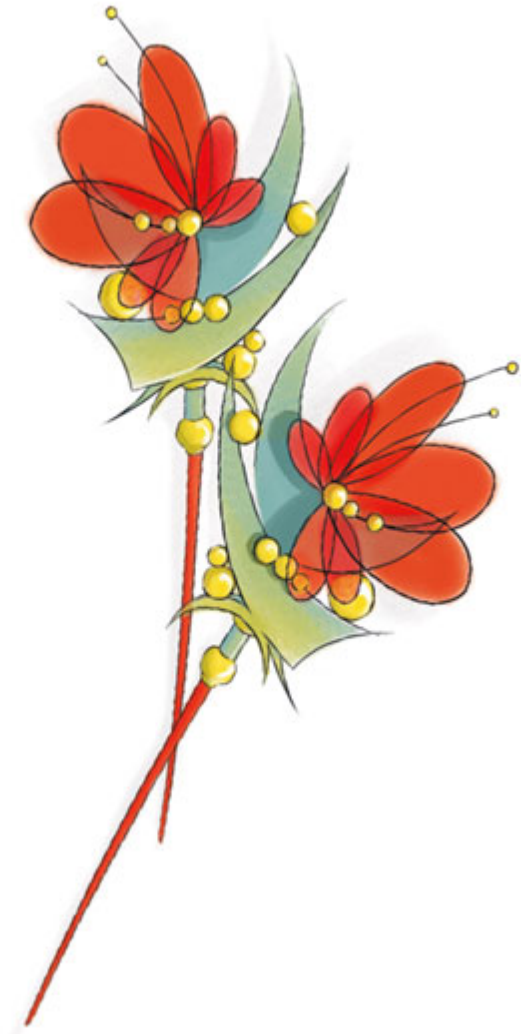
Знакомиться, разговаривать, да еще и ужинать с соотечественниками никогда не входило в перечень моих желаний. Наоборот, я, как и добрая половина русских туристов, при появлении соотечественников старался не говорить по-русски, чтобы меня не могли идентифицировать, как участника совместных гулянок или походов на коллективные экскурсии. Но перспектива просидеть весь вечер с подавленной от испытанного домашнего насилия Мариной в тишине или, что много хуже, с дежурными односложными вопросами и такими же ответами меня пугала еще больше, и я неожиданно для нее и для себя вдруг ответил:

– Привет. Берите «белон», если любите жирные устрицы, «фин де клер» менее жирные, но они пахнут морем.

На этом мои знания об устрицах закончились, но и этого было достаточно для людей, впервые попавших в ресторан с морепродуктами.

– О, русские! – практически взмолился парень, – спасибо! А то мы вообще не могли понять, что тут происходит! Поможете нам?

– А если не устрицы? – Прокуренным, но ужасно приятным голосом спросила девушка. – Есть еще какое-то блюдо, которое тут надо пробовать?



– Мы взяли мидии в сливочном соусе, – вдруг проснулась Марина. Она, как мне показалось, была рада новым знакомым даже больше меня:

– Меня Марина зовут.

Пришлось соответствовать ее дружелюбию и тоже представиться:

– Александр. Мы из Питера!

– Классно! Ребята, не бросайте нас, пожалуйста! Нам так нужна ваша помощь, – то ли шутку, то ли всерьез запричитал парень. – Вы же муж и жена?

Микропауза, возникшая после этого, в общем-то, банального вопроса, была заметна только нам с Мариной, но мы за долю секунду успели посмотреть друг на друга и задать себе тот же самый вопрос: почему уже дважды за полчаса совершенно незнакомые люди называли нас супругами?

– Почти, почти муж и жена, – радостно засмеялась Марина. – А вы?

– Зовите нас Панды. – Парень продолжал весело ерзать на стуле.

– Как? Панды?

– Ну да, Панда-мальчик и Панда-девочка. А вообще, нас все всегда зовут вместе – просто Панды и всё.

– Ну, панды так панды! – сказал я и разлил розе из запотевшего кувшина в принесенные стаканы. – За знакомство!

– За знакомство! – Веселый звон стаканов ознаменовал самое удивительное приключение, произошедшее в моей жизни.

Уже через пятнадцать минут мы, изголодавшиеся по нормальному общению, наперебой рассказывали Пандам о своих первых днях во Франции. Дополняя друг друга, а иногда и просто перебивая, мы поведали новым друзьям о безумной цене лежака на пляже Ниццы, о загадочном «3,14» и их наборе для скучающих гостей. Причем, я больше рассказывал о своих впечатлениях девушке, а Марина практически весь вечер общалась с забавным толстяком. Панды жадно слушали нас, не забывая про устрицы и вино. Они сделали ровно такой же заказ, как и мы, поэтому закончили ужинать мы примерно в одно время.

– Вы сейчас куда? – Спросила меня Панда-девочка и внимательно посмотрела на меня. Я не придал этому взгляду ровным счетом никакого значения, хотя он показался мне удивительно знакомым, причем, знакомым совершенно недавно.

– Не знаю, немного погуляем, наверное, – нерешительно сказал я, не собираясь навязываться, но с явной ноткой надежды на то, что случившееся знакомство не оборвется сейчас, на выходе из ресторана.

– Ребята, – вдруг возбужденно закричала Марина, – а давайте гулять всю ночь? Погода прекрасная, мы еще не посмотрели Канны. Когда вы уезжаете?

– У нас поезд в Ниццу завтра в полдень, – радостно забубнил в ответ мальчик-Панда. – Если наша Пандочка не хочет спать, то мы, конечно, не против!

Довольная Панда вновь взглянула на меня и радостно

покачала головой, подтверждая желание гулять до утра.

– Прекрасно, тогда приглашаю вас в роскошное место с лучшими десертами и мороженым на всем Лазурном побережье! – Я готовил посещение этого места для Марины, как вишенку на торте, но теперь даже думать не мог, что туда можно отправиться без наших новых друзей.

Мы расплатились картой, оставив Панд по их просьбе рассчитываться наличными и ждать сдачи, и стали спускаться. Марина вдруг, как бы случайно, взяла меня за руку, чтобы спуститься по узким ступенькам, но выйдя на улицу не только не отпустила руку, но наоборот, жадно сжала ее в своей ладони. Это было настолько искренне и тепло, что я приобнял ее и прижал к себе. Очереди на вход уже не было (последних гостей ресторан принимал в десять вечера). Поэтому, когда на рю Феликс Фор вышли Панды, им в глаза бросилась наша скульптурная поза.

– Не двигайтесь, я сейчас! – крикнул панда и вскинул фотоаппарат. – Отличный кадр, прямо для выставки!

– А ты профессионально этим занимаешься? – Мы медленно пошли к набережной.

– Да, совсем немного. Панда подарила мне «Марк-2» на день рождения, не новый, конечно. У нас в городе иногда попадаются краденные у туристов вещи, вот ее брат и «постарался». Она знала, что я его очень хотел. – Панда-мальчик бережно погладил красную сумку из-под фотоаппарата. – Там был небольшой дефект и целая карта с фотографиями семьи. Нам даже неудобно было, мы пытались через соцсети найти владельцев, чтобы вернуть, но всё тщетно.

Он, как мне показалось, искренне расстроился, рассказав эту историю и признав, что не сделал всё, чтобы найти владельцев.

– Ну не переживай, они наверняка купили новый и нафотографировали себя еще раз. – Мне хотелось немного приободрить его. – Я бы тоже не вернул.

– Да? – Он воспрял духом. – Тогда следующий фотоаппарат, который они потеряют, достанется тебе, хорошо?

Он по-детски засмеялся, словно решил какую-то свою сложную задачку.

– Обязательно. Главное, чтобы он был в такой же красной сумке!

– Отлично, я договорюсь! – Панда-мальчик сиял, и я поразился, каким искренним он был в этот момент. Чистым и открытым. Безо всякой игры и притворства.

Девочки тем временем отстали от нас и тоже были заняты выяснением каких-то явно важных друг для друга подробностей. Периодически то одна, то другая останавливали и восклицали

«*Серьезно?!*», требуя повторить то, что только что слышали от собеседницы. При этом обе смеялись, перешептывались и явно говорили не о фотоаппаратах.

Замедлив шаг, я дождался, пока они поравняются со мной и попытался вклиниться в разговор, но они, словно знающие друг друга со школьной скамьи подружки, мгновенно по понятному только им знаку поменяли тему.

Подойдя к безумно красивой витрине с десертами, девочки остановились в замешательстве.

– Ну вот… Закрыто, – грустно сказала Марина.

Salon de Gourmandises походил на что угодно, но не на кондитерскую. Ювелирное мастерство кондитеров было во всем – в оформлении витрин, мебели внутри зала, времени работы, закрытой двери… Кондитерская знала себе цену и не работала после семи вечера.

– Послушайте, давайте придем сюда на завтрак! – подошедший последним Панда радостно предложил выход из ситуации.

– А куда же мы пойдем? – спросила Марина.

– Ребята, а давайте пойдем в казино? – предложила Панда-девочка. – Нам сегодня точно должно повезти!

– Отличная идея! – Этот вариант я даже не рассматривал, но он казался мне наиболее подходящим.

Марина умоляюще посмотрела на меня:

– Пожалуйста-пожалуйста-а-а, я никогда не была в казино.

– Ну, если ни у кого возражений нет, я тоже согласен, – сказал Панда-мальчик, и мы дружно пошли в расположенное неподалеку казино Casino Barrière Le Croisette. Всю недолгую дорогу Марина практически висела на моей руке, отбегая ненадолго пошептаться к Панде-девочке и тут же возвращаясь назад. Ей впервые нравилось быть со мной, ей было хорошо, я чувствовал это и был благодарен судьбе, подарившей нам такую встречу. Поверить, что еще каких-то три часа назад мы ненавидели друг друга, было просто невозможно.

В казино нас ждала небольшая проблема – без паспорта не пускали никого. Несмотря на уговоры, секьюрити были непреклонны. Чтобы не терять градуса настроения, я предложил сбегать за паспортами в отель. После минутного совета было решено идти за паспортами вместе, и мы быстрым шагом отправились к незапланированной промежуточной точке маршрута. Мы шли на некотором расстоянии друг от друга, словно две влюбленные пары, обнимаясь и делясь впечатлениями от новых друзей, выкрикивая друг другу какие-то общие фразы и танцуя в одном нам понятном ритме.

Как оказалось, Панды жили в отеле, который находился за углом нашего «3,14». Мы с Мариной побежали за документами, но Панды остановили нас и попросили встретиться не через пять минут, как было обговорено раньше, а чуть позже:

– Нам понадобится чуть больше времени, чтобы найти паспорта, – загадочно произнесла девочка. – Да и вам, – тут она вновь пристально взглянула мне глубоко в глаза, – тоже пяти минут явно не хватит.

Едва открыв дверь номера, мы жадно впились губами друг в друга. Такого не было ни в нашу первую встречу, ни тем более потом – чувства словно усилились до предела, разогретые сегодняшними качелями. Мы боялись, что страсть эта погаснет так же быстро, как и появилась, поэтому даже неплотно прикрыли за собой дверь. Через двадцать минут коридор сотрясал мой нечеловеческий рык и стоны Марины, возвещающий соседям, что лучше сегодня ей уже вряд ли будет…

Наспех одевшись мы вышли к лифту, где я вспомнил, что причиной нашего возвращения было не удовлетворение безумной страсти, а паспорта, поэтому, немного покачиваясь от розе и сладостного изнеможения, я вернулся в номер и, особо не церемонясь, вывернул карманы Маринного рюкзака прямо на ковер и, найдя пеструю обложку ее паспорта, положил его в карман рубашки рядом со своим. С момента нашего расставания с ребятами прошел почти час.

Панд внизу не было. Мы точно договорились встретиться в вестибюле отеля, но, портье сказал, что в последние полчаса сюда никто не входил.

– А ведь мы даже телефонами не обменялись. И названия их отеля не знаем, – вдруг заметила Марина.

И правда, подумал я. «Да он за углом, следующий квартал», – сказал мне Панда на прощание. Нет, мысли, что они не придут, у нас, естественно, не было. Они явно подходили к нашему отелю, постояли и ушли. Подумали, что мы просто уснули…

– Пойдем в сторону их отеля, – предложил я. – Не волнуйся, мы их обязательно найдем.

– Пожалуйста, пообещай, что они не пропадут, – попросила Марина.

– Обещаю.

Мы вышли на улицу и подошли месту, где чуть более часа назад расстались с нашими друзьями, круто поменявшими наши с Мариной отношения. А мы их даже не успели их поблагодарить.

– Панды! – вдруг в бессильном отчаянии закричала Марина в темноту. – Пандочки!

Взявшись за руки, мы медленно пошли к предполагаемому

отелю. Завернув за угол, я вдруг почувствовал, что из темноты переулка на нас кто-то смотрит. Остановившись, я в нерешительности сделал шаг в сторону.

– Ребзя! – Знакомый и ставший родным хрипловатый голос Панды-девочки донесся прямо из темноты. – Мы идем! Панда просто промочил ноги и побежал за сухими носками.

Марина мгновенно кинулась навстречу голосу, и через мгновение я услышал практически ее рыдание.

– Пандочки, куда же вы делись, мы – такие дураки ни номера вашего не знаем, ни названия отеля! Я думала, вы обиделись.

– Мое очаровательное дитя! – Фраза эта прозвучала странно и совершенно не соответствовала возрасту нашей Панды-девочки.

Послышались торопливые шаги и на свет фонаря вышел Панда-мальчик.

– Да в лужу попал, ногу чуть не засосало по колено, – капризно заметил он и показал пальцем. Его черно-белые кроссовки были старательно обтерты от грязи, но все еще далеки от прежнего идеального вида. «Странно, – подумал я. – Я абсолютно точно не обращал внимания на его обувь, но эти кроссовки я точно видел. Сработало подсознание, – заключил я».

– Жалко кроссы, я их так долго искал. На днях купил в Марселе. Вернее, мне купили, а ведь такой неуклюжий панда. – Он повинно опустил голову.

– Знаете, как называется фирма? – с гордостью заметила девочка. – «Бамбуковый медведь»! То есть панда! Это мой подарок!

– Класс! – Марина светилась от счастья. – Ребята, пожалуйста, оставьте нам свои координаты! Я бы не пережила разлуки!

– Ну уж нет. Вы от нас так быстро отделаетесь! Бежим в казино, а то опоздаем и туда!

В голове словно заново поставили пластинку с зажигательной мелодией, карусель вновь включила огни и начала раскручиваться. Праздник вернулся!

Вбежав в казино, мы с Мариной на секунду замешкались на входе и упустили момент, когда Панды проскочили через пункт досмотра, махали они нам уже из зала.

Время в казино пролетело, словно мгновение. Дав себе слово проиграть не больше пятидесяти евро, а выиграть не более ста, примерно через час мы с Мариной с удовольствием и чувством выполненного долга поменяли фишки на сто шестнадцать евро и стали искать наших, даривших удачу во всем, друзей. Увлекшись рулеткой, мы упустили их из поля зрения, но так как условились встретиться у входа ровно через час, мы особо не переживали. Сохранить выигрыш даже не пришло нам в голову, и мы с

радостью поменяли его на бутылку Veuve Clicquot Brut Rose и побежали отмечать победу. Панды стояли у входа и мило беседовали. Оставшаяся ночь прошла под пузырьки розового «Клико», рассказы о путешествиях и планах на будущее. Мы были абсолютно счастливы.

Простившись с ними почти под утро, мы договорились встретиться в десять, нет, в девять тридцать, позавтракать в Salon de Gourmandises и проводить их до вокзала. Уже в номере мы с Мариной продолжали делиться яркими впечатлениями о новых друзьях и ждали скорейшего наступления утра.

* * *

Утром Панды ждали нас на улице с вещами. Это сразу не просто отрезвило нас, но и отчетливо дало понять, что скоро мы останемся наедине друг с другом. Так как эта перспектива откровенно нас пугала, мы попробовали уговорить ребят перенести поездку в Ниццу хотя бы на день. Но, как оказалось, там их ждали друзья на машине, с которыми они и должны продолжить свой путь прямо до дома в Калининграде.

Мы много говорили, они рассказывали о себе мало, больше слушали нас. Вчерашнего беззаботного веселья уже не было. Гуляя по узеньким улочкам Канн, мы, как и вчера, разделились на пары и провели остаток отпущенного нам времени тихо и спокойно рассказывая о своих проблемах. Я жаловался Панде на Марину, делился страхами и сомнениями, он в ответ делился своими наблюдениями. Предположу, что девочки обсуждали примерно то же самое. Подойдя к вокзалу за пятнадцать минут до отправления поезда, мы остановились.

– Ну все, ребзя, – сказала девочка, – давайте прощаться здесь.

– Нет, Панды, пожалуйста, – взмолилась Марина, – можно мы проводим вас до вагона?

– Нет-нет, что вы, – в голосе девочки прозвучал металл, – я расплачусь, останусь, Панда уедет и найдет там себе новую Панду.

– Легко! – рассмеялся в ответ Панда-мальчик. – Нет, ребята. Надо прощаться тут. Спасибо вам за волшебный вечер! Вы знаете, мы же чуть не развелись вчера!

– Да, у нас был жуткий день, – согласилась Панда-девочка. – Если бы не вы и ваши божественные мидии, непонятно куда бы каждый из нас сейчас ехал. Правда, мой милый Панда?

Марина разрыдалась:

– Ребята, вы подарили нам, вернее мне, лучший подарок. Я

могла совершить страшную, непоправимую ошибку. Спасибо вам, дорогие! Пожалуйста, давайте созвонимся, когда вернемся в Россию! Или встретимся, да, любимый?

– Да, конечно! – Я никогда не был сентиментальным, но в горле стоял комок, а в глазах наворачивались слезы. – Оставьте нам хоть какие-то координаты.

– Да, да, конечно, – немного засуетившись и мельком взглянув на свою жену, сказал Панда. Он оторвал кусок бумажного пакета, в котором нес круассаны и что-то быстро написал на нем. – Тут адрес почты и мой телефон. Звоните через месяц. Мы как раз к середине июня доберемся до дома.

– А может, вы приедете к нам в Питер, ребята? – Не унималась Марина. Было видно, что она очень боялась расставания с ними, ожидая, что это разрушит и нашу жизнь.

– И правда, приезжайте. – Я обнял ее и посмотрел на них. – Ну всё. Долгие проводы – лишние слезы. Спасибо вам, дорогие, вы сделали для нас вчера очень много.

– Береги ее, – сказала Панда-девочка, – она прекрасна. Не потеряй ее. А ты, моя… – Она повернулась к Марине и сказала что-то ей на ухо. – Хо рошо?

Марина кивнула, сквозь слезы пытаясь улыбнуться.

Панды обнялись и пошли к главному входу. Мы надеялись, что они оглянутся, но они как будто мгновенно забыли о нашем существовании: что-то обсуждали, толкались и через тридцать секунд скрылись в дверях вокзала.

Назад мы долго шли молча. Как теперь разговаривать? О чем? Как сделать так, чтобы прошедшие два дня просто стерлись из нашей жизни? Эти вопросы не давали мне покоя. Марина шла, улыбаясь, и слезы, стекающие по ее лицу, казались символом счастья и радости.

– Что она тебе сказала? – осторожно спросил я.

– Она спросила, говорил ли мне кто-нибудь, что я очаровательна?

– Так, и она туда же, – попытался я съязвить, но, натолкнувшись на осуждающий взгляд Марины, произнес на плохом французском, – tu es adorable mon enfant. Ты очаровательна, дитя мое. Именно это тебе сказала вчера пожилая француженка. Панда что-то знала…

– Точно, – Марина остановилась, – господи, как давно это было! Целую жизнь назад.

– Но теперь ведь у нас новая жизнь, верно?

– Да. – Она взглянула на меня ясными чистыми глазами. Именно такими, которые свели меня с ума шесть лет назад. – Прошу, давай никогда про это не забывать.

– Обещаю.

Я обнял ее и еще долго мы стояли почти на том же самом месте, на рю Феликс Фор, где вчера нас фотографировал Панда-мальчик…

* * *

Вернувшись домой, Марина забрала вещи из квартиры Полины и переехала ко мне. Ни в июне, ни позже мы не писали, не звонили и даже не вспоминали про Панд. Жизнь закрутила нас в водовороте событий, житейских проблем и повседневных хлопот. Мы жили тихой, счастливой жизнью, не ругаясь и не ссорясь из-за пустяков.

Как-то осенью мне предложили съездить с лекциями в Калининград. Вспомнив про наших почти забытых друзей, я вернулся вечером в приподнятом настроении и предложил Марине ехать со мной. Днем я буду читать лекции, а вечером мы сходим с Пандами в ресторан и еще раз отблагодарим их за то счастье, которое они нам подарили.

Марина просияла:

– Милый, а давай позвоним им заранее, вдруг их нет в городе?

– Да, ты права, об этом я не подумал. Телефон, вроде у тебя был.

– Да, я спрятала его в нашу коробочку вместе с билетами в

Париж и прочими семейными реликвиями. – Марина засмеялась и побежала в спальню.

Вернувшись с коробочкой, она через секунду достала обрывок крафтового пакета, на котором Панда-мальчик нацарапал свой номер.

– Звони ты, – предложил я. Мне не хотелось показаться навязчивыми, я до сих пор помнил то, как Панды уходили на вокзал, и держал на них небольшую обиду за то, что они не помахали нам на прощание.

– Странно, автомат говорит, что такого номера не существует, – сказала Марина удивленно.

– Давай я попробую, скорее всего ты ошиблась с цифрами.

Я взял бумажку и аккуратно набрал на телефоне все цифры. Сверив их еще раз, я нажал кнопку «вызов».

«Номер неправильно набран или не существует». Ответ поставил меня в тупик. Нет, конечно, написать в спешке неправильный номер возможно, но я видел, как Панда писал его и при этом ни на секунду не задумался. Он знал его наизусть.

– Подожди, там есть еще адрес почты, – сказал я. – Сейчас отправим им письмо, заодно и номера попросим. Ну и отругаем за невнимательность. – Видя, как меняется в лице Марина, я сразу же сел за ноутбук и стал быстро писать сообщение.

Ответ пришел мгновенно. Практически в ту же секунду «Майлер-демон» сообщил мне совершенно неожиданную новость: почтового ящика с такими символами не существует. Я еще раз сверил адрес с бумажкой – ошибки не было.

– Так они вообще были? – Слова Марины слово в слово повторили те, что я говорил сам себе. Вспоминая детали нашей встречи, я осознал, что, когда мы общались с Пандами, никого рядом не было. Ни в отеле, ни в ресторане, ни в казино. Но ведь так не могло быть?!

Мы долго молчали. Почти час. Не поднимая друг на друга глаз, мы занимались своими делами и так же тихо легли спать. Ни в эту ночь, ни потом мы больше не вспоминали о Пандах.

Позже я поставил перед собой цель найти их и доказать хотя бы самому себе, что Панды существовали. Я искал их во всех соцсетях, я перерывал тысячи фотографий Канн и всей Лазурки, выложенные в Сеть в тот период. Я опрашивал случайных знакомых из Калининграда, мне казалось, что кто-то должен был быть знаком с ними. Всё был тщетно. Правило шести рукопожатий не работало.

Отношения с Мариной стали разваливаться на глазах. То ли от осознания, что тот фундамент, на котором они держались оказался вымышленным, то ли просто подошло время очередного

охлаждения чувств. Расстались мы через полгода. Я знал, что она снова встречалась с Полиной, потом бросила и ее, далее следы ее терялись. Да я и не искал ее больше.

Уже в процессе написания этой истории я вдруг отчетливо вспомнил, как назывались кроссовки пожилого француза, подарившего нам очередь в ресторан. Полез в Гугл-переводчик. Так вот, Ours en Bamboo в переводе с французского означает «бамбуковый медведь». Или панда.

Интересное совпадение, не правда ли?

Мидии в сливочном соусе Moules Mariniere

Это самый популярный и простой способ приготовления мидий. Название он получил от слова marinière – так французы называют тельняшку! Рецепт был очень популярен в рыбацких деревнях, потому что мидии (как и устрицы) были едой бедняков. Если вы только начинаете своё знакомство с этими моллюсками, то, «мидии мариньер» – это самое правильное и лучшее, с чего стоит начать.

Что взять

- 1 килограмм свежих мидии в створках
- 2 головки лука-шалота
- 4 зубчика чеснока
- 1 пучок петрушки
- 4 столовых ложки сливочного масла
- 1,5 стакана жирных сливок
- 1 стакан белого сухого вина
- 3 столовых ложки оливкового масла
- 0,5 столовой ложки порошка карри

Что делать

1. Подготовить большую кастрюлю с крышкой. На сильном огне нагреть оливковое и сливочное масло. Обжарить мелко нарезанные лук-шалот и чеснок. Добавить мидии, вино, сливки, нарезанную зелень петрушки и порошок карри. Хорошо посолить.

2. Всё перемешать и готовить на слабом огне 15 минут или до тех пор, пока все створки мидий не раскроются.

3. Подавать с хрустящим багетом и большим количеством сливочного соуса.

Рецепт яблочного тарт татена из 48 слоев

История пирога тарт татен началась в маленьком городке Ламот-Бёврон, расположенном примерно в двухстах километрах от Парижа. Своим названием пирог обязан двум сестрам Стефани и Каролине Татен, работавшим в семейном отеле.

Однажды, в разгар работы одна из сестер забыла положить на противень тесто, отправив в печь форму, заполненную только яблоками и сахаром. А учуяв запах подгорающих яблок, просто положила тесто поверх них и допекла пирог. Готовую выпечку находчивая хозяйка перевернула тестом вниз.

Что взять?

- 10 штук крупных зеленых яблок «Гренни Смит»
- 1 стакан коричневого сахара
- 1 пачку (200 граммов) сливочного масла
- 1 чашку крепкого черного чая
- Сыр маскарпоне
- Песочное тесто по вашему рецепту

Что делать?

1. В небольшой сотейник с толстым дном насыпать часть сахара так, чтобы он полностью закрывал дно, но не лежал горкой. Поставить сотейник на плиту, на средний огонь, и следить за тем, когда сахар начнет плавиться, образуя лужицы сиропа. Эти лужицы засыпать новым слоем сахара, пока не израсходуется весь. Вся смесь должна стать однородно коричневой без темных пятен или пузырей, в противном случае карамель будет горькой.

2. Добавить в карамель мягкое сливочное масло и хорошо перемешать венчиком. Смесь должна осветлиться и стать гладкой и тягучей.

3. Горячую карамель вылить на пергамент тонким слоем и распределить лопаткой, ликвидируя уплотнения. Дать карамели застыть. Затем, расколоть ее на кусочки и перемолоть до мелкой крошки в блендере.

4. Подготовить яблоки – очистить кожуру, вынуть сердцевину и нарезать одинаковыми, очень тонкими пластинками. На профессиональной кухне мы используем слайсер, его может заменить специальная терка с одним лезвием или кухонный комбайн.

5. Подготовить форму для торта, выстелить дно фольгой – так карамель не прилипнет.

6. Посыпать дно тонким слоем карамельной муки, далее выложить яблоки в один слой, затем, смазать сливочным маслом,

снова слой карамели, слой яблок, масла и так, пока ингредиенты не закончатся.

7. Идеально выглядит десерт, состоящий из сорока восьми слоёв!

8. Разогреть духовку до 150 °С и выпекать яблочную начинку не менее полутора часов. Очень важно следить за процессом, постоянно заглядывая в печь. Яблоки будут отдавать сок, который необходимо ложкой собирать с противня и возвращать обратно в форму.

9. Твердая корочка цвета жженого сахара ознаменует готовность начинки.

10. Песочное тесто по вашему рецепту (можно использовать крошку) раскатать тонким слоем 0,5 см и вырезать по диаметру формы. Выпечь и накрыть готовым коржом яблочную начинку.

11. Подавать яблочный пирог следует тёплым, перевернутым коржом вниз и украсив шариком охлажденного сыра маскарпоне.

Салоники, Греция. L'amour tout les jour

Я познакомился с ней в своем ресторане. Она пришла туда работать вместе с моей племянницей Диной на время летней практики. Они, будучи студентками бесполезного Университета профсоюзов, должны были сами озаботиться поиском предприятия, которое возьмет их на временную работу. Позиция хостес тогда только набирала популярность, и найти людей на постоянную работу было непросто. Поэтому они оказались в нужное время в нужном месте. Худенькая девочка с огромными испуганными глазами, не имевшая до этого ровным счетом никакого опыта работы, кроме летнего трудового лагеря, она тут же стала объектом для дедовщины со стороны опытных и циничных официанток.

Карина, так звали нашу новую хостес, пару раз даже убегала в слезах из кантина, комнаты отдыха персонала, где она опрометчиво рассказывала всем о своих историях. И справедливо натыкалась на острые комментарии бывалых официанток. Ей хотелось сопереживания и, наверное, некоей зависти, но получала она ту же зависть в виде острых и не совсем приятных комментариев.

> ***В ресторанах все чувства, взаимоотношения, дружба оголены до предела, до нервов. Если уж помощь, то настоящая, в самый трудный момент; если месть – то мгновенная, открытая и беспощадная.***

Хотя, надо признать, загадочный официантский мир намного справедливее и честнее того же банковского, в котором мне тоже удалось побывать. Не говоря уже о мире искусства и творчества. В ресторанах все чувства, взаимоотношения, дружба оголены до предела, до нервов. Если уж помощь, то настоящая, в самый трудный момент; если месть – то мгновенная, открытая и беспощадная. Никто не будет всыпать толченое стекло в обувь конкурентки. Никто не настучит начальству на вороватую коллегу. Во-первых, за это можно получить вилкой в бок прямо в раздевалке, а во-вторых, кто без греха? Ведь воруют в ресторанах решительно все. От гостей до собственника. Кого она удивит своим откровением?

Я знавал официанток, которые неделями бесплатно выходили на смены за подруг, попавших в переделку. Как-то всей семьей

собирали деньги на аборт юной Василисе, которую бросил бородатый хипстер-повар, и она не могла вернуться домой в Грозный. Официантку по кличке Снегурка часами слушали, когда она рассказывала о своем парне (это было в 1994 году, и понятие «бойфренд» еще не существовало), как о самом лучшем и талантливом молодом человеке в ее жизни. Он тогда устроился, по ее словам, в офис и сменил официантский фартук на офисный костюм. Она взахлеб рассказывала подругам о плотном графике Славика, о штрафах и премиях, размер и частота которых совершенно не поддавались какой-либо логике. Снегурка знала лишь то, что чаще всего начальство наказывало Стаса за мятый вид, и поэтому на зарабатываемые деньги покупала новые рубашки у фарцовщиков, галстуки и часто опаздывала на смену «собирая своего». Девушки слушали и тихо завидовали: «*Повезло бабе*…». Хотя давно уже знали, что Стасик ни дня не работал ни в каком офисе, а просиживал отглаженные Снегуркой штаны в зале игровых автоматов возле Нарвской. И только когда «штрафы» Стасика стали многократно перекрывать «премии», коллеги раскрыли глаза девочке и всячески поддерживали ее возмущение.

С Кариной же что-то не заладилось. Вроде она ни у кого не вызывала откровенной неприязни. И работала она безопасно, то есть никому не мешала. Да и кому может мешать хостес? Греческий ресторан хоть и пользовался популярностью у гостей, все-таки не был знаковым заведением, куда можно было попасть только по записи или зная хостес. Гостей Карина сажала в хаотичном порядке, следуя принципу «чтобы далеко не ходить». А учитывая тот факт, что в ресторане было целых пять залов, заполнялись они, словно сообщающиеся сосуды, куда последовательно перетекали гости.

И всё-таки персонал с ней если и общался, то очень мало. Карина, скромная, тихая и, как казалось, закомплексованная девочка, всегда ждала, когда ее о чем-то спросят или позволят рассказать какую-нибудь историю. Как это часто бывает, истории она, скорее всего, придумывала, приукрашивая несуществующими подробностями о своих победах над мужчинами, охапках цветов и бесконечных серенадах под окнами родительской квартиры в Купчино. Обычно рассказы свои она закончить не успевала, так как собеседницы теряли интерес к ним на второй минуте и беспардонно перебивали ее на полуслове. При этом Карина совсем не обижалась и хлопала красивыми глазами в ожидании следующей паузы. Тоненький голосок и милая непосредственная улыбка усиливала трагизм картины, и нормальный человек должен был обязательно почувствовать комок, подступивший к горлу из-за несправедливости.

Но ресторанный мир жесток. Потому что справедлив. Он не прощает мягкости и наивности…

Идти наперекор массам я привык с детства. И бороться с несправедливостью научился тогда же. Естественно, в моем лице Карина получила настоящего защитника. Не влезая в детали конфликтов, я всегда оказывался на ее стороне. Я называл ее ангелом и говорил всем, что ангела обижать преступно. Племянница в сентябре ушла учиться, а вот Карина, как ни странно, задержалась. Может быть, дело было в деньгах, которые она получала, а может быть, сыграло роль мое покровительство. Постепенно персонал привык, что Карину обижать не рекомендовано, и она постепенно вжилась в коллектив. Вернее, ее просто стали терпеть. Ангела эта поддержка, напротив, воодушевила. Она стала более уверенной с гостями, у нее появились подруги из числа молодых официанток, за ней стал ухаживать бармен Дима, который никогда не оставлял симпатичных коллег без внимания. Даже внешне Карина резко переменилась. Ее наряды потеряли студенческую небрежность, она стала одеваться смело и даже… революционно что ли. Я был рад таким переменам и искренне считал, что педагог и писатель Макаренко меня бы похвалил.

К несчастью, как это бывает, молоденькие девочки часто неправильно понимают почти отеческую заботу со стороны старших. И ближе к зиме я стал замечать, что Карина краснеет и прячет глаза при моем появлении, да и от доверенных работников стала поступать пугающая информация, что Карина влюбилась. И влюбилась, как вы понимаете, в меня.

Что было делать в такой, прямо скажем, щекотливой ситуации, я не знал. Чувство самосохранения подсказывало мне единственно верное решение – уволить Карину мгновенно. Без всяких причин, без объяснений и оправданий. Но я этого не сделал. Нет, не испугался, это было бы не так позорно. Я не сделал решительно ничего, что позволило бы как-то разрешить эту проблему. Я посадил ангела себе на плечо и помог ему расправить крылья. А потом наступил мой день рождения…

* * *

Ноябрь выдался холодным и снежным. И хотя такая погода благотворно влияла на выручку – гости, желая продлить лето, бронировали столики в ресторане гораздо чаще, чем месяц назад, – я был немного подавлен. Нет, конечно, бывало и хуже. С детства привыкаешь встречать день рождения в футболке. Ну или

в рубашке, если с погодой не повезло. И так семнадцать лет. Потом приезжаешь в Москву и пять лет в недоумении вращаешь глазами, пытаясь понять, почему тут так холодно в конце ноября. И надеешься, что это временно. А потом переезжаешь жить в Питер… Так что снег в том году был еще не самым кошмарным погодным катаклизмом.

Получив достойную порцию поздравлений от работников смены, я спрятался в кабинете и надеялся переждать оставшийся день, отвечая на поздравления повзрослевших одноклассников из одноименного сообщества. Часы показывали 15:30. Нелюбовь к празднованию дня рождения появилась у меня сразу после окончания школы. Эта особенная черта была присуща всем мужчинам нашей семьи.

Торопливый стук в дверь свидетельствовал о нервном напряжении посетителя. «*Либо поставщик, либо… одно из двух*», – подумал я. Все знали: в такой день меня лучше не трогать. Поэтому сотрудники старались бесшумно проскользнуть мимо. «*М ожет, ошиблись? Или проверка?*» – не мог угомониться мой мозг. Предположить, что кто-то, кто знает меня, может в трезвом уме и ясной памяти нарушить мою аскезу примирения с еще одним прожитым годом.

– Александр Борисович, можно? – Из-за двери донесся сбивчивый и невротически заикающийся голос нашей хостес.

– Карина? – Я постарался назвать ее имя, используя самые страшные интонации своего голоса. – Вы же сегодня не работаете?

– Да, я-я на секундочку заехала. Можно зайти?

Дверь всё еще была закрыта, и этот диалог доставлял мне определенное удовольствие. Всегда приятно быть для своих работников грозным и неприступным.

– У вас что-то произошло? Что вас заставило приехать на работу в выходной?

– Н-у-у, Александр Борисович… Я просто… я просто хотела поздравить вас.

– Карина, ангел, а вам не говорили, что я не люблю поздравлений? Ни индивидуальных, ни коллективных?

– Д-да, я п-п-росто хотела поменяться на сегодня, но дев-вочки не с-согл-ласисис-сь. – Карина начинала заикаться всё сильнее.

– Ну входите, Карина, раз уж пришли. – Я испугался, что нанесу своим дальнейшим поведением окончательный урон ее неустойчивой психике.

Дверь осторожно открылась и в образовавшуюся щель протиснулась, нет, проскользнула роскошная молодая женщина в

невероятно красивой длинной шубе, из-под которой виднелись острые носы сапожек из тончайшей кожи.

Узнать в этой роковой, небесной красоты девушке нашу хостес было невозможно. Если бы не наполненные ужасом глаза и тот самый тихий голосок, я бы просто потерял бы сознание, посчитав, что мне из Голливуда прислали «живое письмо».

– К-к-карина? – Пришел черёд моему невротическому заиканию. – Это вы? Вы как здесь?

– Александр Борисович, – моя хостес, оказавшаяся переодетой принцессой, тараторила, чтобы успеть все сказать до того момента, пока я ее не выгоню, – мне сказали, что к вам нельзя в день рождения, но я так хотела вас поздравить и поблагодарить за то, что вы для меня сделали!

– Да я бы никогда ее не выгнал бы, она могла вообще не торопиться. Я сидел в кресле, не в силах что-то ответить. Наконец, первый шок прошел, и я смог собраться:

– Не надо было, Карина, родная. Но спасибо вам!

В руках у Карины был пластиковый контейнер. Она аккуратно поставила его на край стоящего в углу стола для принтера.

– У меня два подарка, я не знала, как вы отнесетесь к первому, поэтому приготовила вам второй. – Карина смешно указала пальчиком на стоявшую коробку. – Там греческий десерт. Рецепт из книги, которую я нашла тут, на кухне. Называется катаифи. Я не пробовала, но должно быть вкусно. Мне рецепт перевел Афанасиос. Он сказал, что вам должен понравиться. У греков он называется «Волосы ангела».

– Конечно, понравится, ангел, Тем более, он даже называется, как и ты! Спасибо большое! – Я был поражен тому, какой трогательной оказалась девочка! Найти рецепт, выведать тонкости приготовления не самого простого блюда у нашего неразговорчивого греческого шефа, приготовить, и привезти на работу! Да еще и одеться так!

– Ну, вы попробуете и тогда скажете, только правду, хорошо? – строго и в то же время немного по-детски сказала Карина. Потом сделала шаг назад и, упершись спиной в закрытую дверь, глубоко вдохнула, словно перед прыжком:

– И теперь, Александр Борисович, первый подарок. Он точно понравится меньше второго, но зато он совсем от души.

Дальнейшие события еще долго крутились в моей голове. Медленно растягивая каждую секунду, словно в замедленном фильме, я вспоминал, как в глазах Карины блеснула совсем не детская искра, как руки ее причудливо, но красиво изогнулись, словно давая неслышную команду шубе. Как шуба, дождавшись своей очереди в этом спектакле, плавно и грациозно сползла с

плеч хозяйки и так же медленно ползла дальше вниз, открывая потрясающе красивое тело, наготу которого прикрывало сплетенное крохотными феями черно-красное кружевное белье. Нет, в некоторых фильмах и журналах я видел подобные модели, но поверить в реальность такой красоты был не в силах. Теперь же всё это великолепие стояло в двух метрах от меня. Весь процесс появления подарка растянулся в моей голове почти на полчаса.

Наконец, минут через пять моего времяисчисления шуба достигла пола и призывно там расположилась. На ней, словно на пьедестале, стояла самая красивая женщина, которую я видел в жизни.

– Вот, – только и сказала Карина, – я честно не знала, что могу вам подарить, но это всё, что мне дорого. И что должно быть вашим.

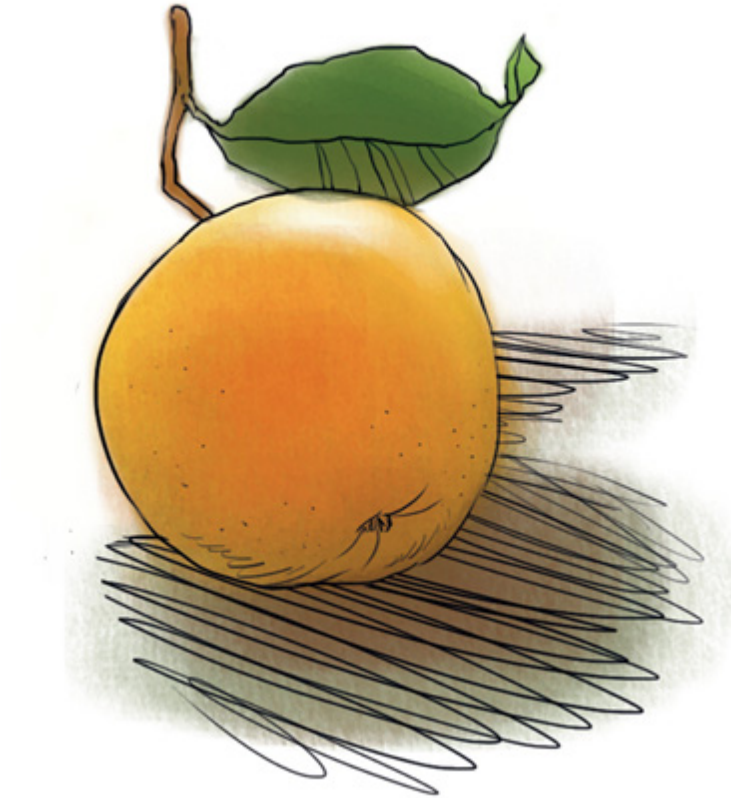
Потерять дар речи легко. Вот выйти из этого состояния гораздо сложнее, особенно, если причина потери продолжает стоять перед тобой. И если она восхитительная. Нет, меня не смущала незапертая на ключ дверь. В тот момент ее просто не существовало в моем сознании. Как и все остальное. Только она, шуба и где-то там, совсем далеко, – контейнер с катаифи.

Карина не сводила с меня взгляда. Выверенным движением ноги откинула немного в сторону подол шубы и сделала шаг мне навстречу. До моего кресла оставался какой-то метр с небольшим, когда в коридоре раздались шаги. Карина остановилась и вопросительно посмотрела на меня.

– Мне закрыть дверь?

«*Да, конечно закрой!!! А потом иди ко мне, вернее, ложись прямо на эту явно мамину шубу!*» – должен был, наверное, по мнению девушки, закричать я. Ну или зашептать хотя бы.

Но я струсил… Глядя на волшебное создание я испугался. Банально, обыденно и привычно для себя.



– Нет, Карина, ничего закрывать не надо. Надо аккуратно поднять шубу, надеть ее и идти домой, – как можно более спокойно сказал я. Скрыть волнение было легко, ибо меня одновременно раздирали прямо противоположные чувства – страсть и страх. Соответственно, разные знаки уравновесили мое поведение, и я казался спокойным и рассудительным.

– Вам не понравился подарок, – обреченно произнесла Карина, – я же говорила.

– Карина, это полная ерунда! Спасибо тебе большое, Ты очень красива. Но ты же понимаешь, я не могу принять столь дорогой подарок – это слишком серьезно.

Это сказал я? Мне хотелось мгновенно найти и посмотреть в зеркало, чтобы запомнить свое выражение лица и презирать себя потом всю оставшуюся жизнь! Голливуд, да какой Голливуд! Все Голливуды мира прислали тебе самый лучший подарок! Приз!

Награду неизвестно за что! Нобелевскую премию красоты и волшебства! А ты, ты отказался от нее. «Не готов». Теперь все остальные дни рождения ты будешь получать лишь открытки из

ЖЭСа и по круглым датам – поздравительную эсэмэску в бегущей строке какого-нибудь «Дома-2»! Тебя мгновенно прокляли и презрели все мужчины планеты. Включая самого себя! Потому что ты, в отличии от остальных, еще все это и видел своими глазами!

Карина стояла в нерешительности. А может, наоборот, в провокационном ожидании любого моего движения. Но я окаменел, словно от взгляда Горгоны. Прошло еще несколько длинных и мучительных секунд. Наконец Карина развернулась, медленно (о боги!), наклонилась и подобрала шубу за воротник. Так же медленно поднялась и стала искать рукав. Прошел еще час, когда она перешла к поиску второго. Я думал, что за эти полдня меня хотя бы начнут искать сотрудники. Но никто не кричал, не бегал и не ломился в дверь.

Запахнув полы шубы, Карина еще раз посмотрела на меня умоляющим взглядом и произнесла:

– Запомните, это теперь всё ваше.

Часы в голове гулко пробили начало нового дня. Паралич не проходил. Горгона пощадила только веки, которыми я и изъяснялся с Кариной.

– Я пойду? С днем рождения, Александр Борисович. До свидания.

Я моргнул.

Дверь закрылась, и от моего видения остался лишь аромат духов да коробка с десертом. Усилием воли я перевел взгляд на часы. 15:37. Пока у меня пролетел день, на земле прошло всего лишь семь минут. Семь минут.

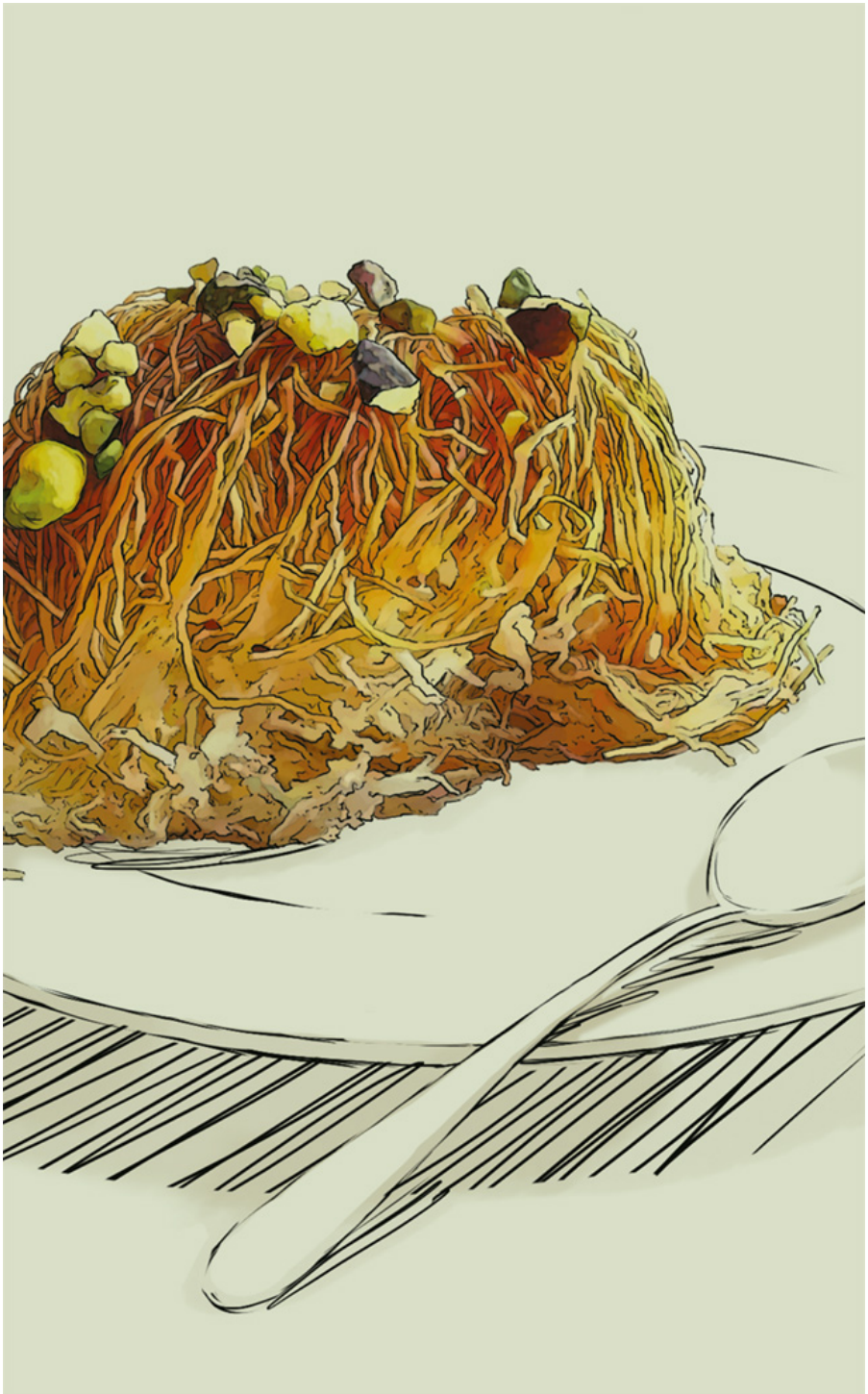
Катаифи я съесть не смог. Я боялся, что там могло быть какое-нибудь приворотное зелье. Или, в лучшем случае, яд.

* * *

Примерно через полчаса, когда я вновь почувствовал свои конечности, мне удалось подняться и отнести десерт в кантин. Где его практически мгновенно съели ушлые официантки. Им уж точно были не страшны ни яд, ни зелье.

Карину я больше не видел. На следующий день после дня рождения я уехал на две недели в Казань, в командировку. Она уволилась в последний день ноября и больше не встречалась мне наяву.

Рецепт катаифи



Катаифи – популярный, весьма аппетитный, древний десерт, который в Грецию привезли турки. Готовится он из особого вытяжного теста фило, поделенного на тонкие плети, получившего название «Волосы ангела». Из этого особенного теста приготавливают не только катаифи, но и прочие популярные восточные сласти. Основная особенность катаифи – это орешки, как правило, фисташки и миндаль, розовая вода, лимонная цедра и прочие пряности.

Что взять Тесто

• 2 стакана воды
• 1,5 стакана муки
0,5 стакана кукурузного крахмала
• 2 столовых ложки растительного масла
• 0,5 чайной ложки соли

Начинка

• 0,5 стакана грецких орехов
• 0,5 пачки (100 г) сливочного масла
• 1 стакан сахара
• 0,5 стакана воды
• 0,5 чайной ложки молотой корицы
• Молотая гвоздика – щепотка
• 1 лимон (цедра)
• Палочка корицы

Что делать

Тесто

1. Просеять муку, крахмал и соль, добавить воду и растительное масло. Взбить миксером по получения однородной массы.

2. Протереть смесь через сито, чтобы убрать возможные комочки. Тесто должно получиться похожим на блинное. Накрыть пленкой и оставить на 15 минут.

3. Разогреть сухую сковородку с антипригарным покрытием и установить среднее значение температуры.

4. Заправить тесто в кондитерский мешок и срезать носик таким образом, чтобы оно вытекало очень тоненькой струйкой.

5. Выдавливать тесто тонкими нитями на горячую сковороду по спирали. Несколько мгновений и подсушенные «волосы Венеры» снять лопаткой и убрать на приготовленное заранее блюдо.

6. После приготовления всего объема накрыть нити

полотенцем и дать остыть.

Десерт

1. В сотейнике соединить сахар, лимонную цедру и палочку корицы, добавить воду. Довести до кипения и варить на медленном огне пять минут.

2. Измельчить в блендере орехи и смешать их с пряностями.

3. Сливочное масло растопить.

4. Обильно смазать форму для запекания.

5. Сформировать из нитей катаифи полоску, шириной 5–7 см, смазать ее край сливочным маслом и выложить столовую ложку ореховой начинки, скрутить рулетом.

6. Заполнить рулетами керамическую форму и обильно смазать остатками сливочного масла и посыпать орехами. Выпекать при 180˚С 40 минут.

7. Готовые рулетики остудить и полить приготовленным сиропом. Подавать на следующий день.

Антверпен, Бельгия. Алмаз Мадлен

Приехать в любимый город в шесть утра – большое удовольствие, скажу я вам. В этот момент ты чувствуешь особенное единение с твоим городом. Ведь ты просыпаешься вместе с ним, как с любимой женщиной. Ты наблюдаешь как он медленно раскачивается, умывается после бурной ночи, потягивается и издает звуки, которые потом в течение дня ты уже никогда не услышишь. Ты пьешь с ним первую чашку кофе и понимаешь – таким город может показаться только тебе. Потому что ты *свой.*

> ***Запах кофе и милая голландская песенка, которую намурлыкивала внизу Мадлен, немного примирили меня с будущим и, решив считать предстоящий завтрак интересным приключением, я стал спускаться вниз. Милая песенка с каждым шагом все больше стала напоминать боевой марш голландских дальнобойщиков. Как вообще можно было назвать голландскую песню милой?***

А если этот город занимает первое место по числу самоубийств среди мужчин среднего возраста – не полюбить его утром просто невозможно. Потому что в каждом встреченном утром жителе Антверпена ты видишь человека, который чудом пережил прошлую ночь. Уговорил себя, неправильно рассчитал крепеж крюка или не нашел пистолет… И непонятно рад он новому дню или мучительно ждет вечера.

Вот так, вглядываясь в загадочные глаза мужчин, я неожиданно подошёл к своему отелю Grand Cru Apfeltafel.

Судя по фотографиям, которые я видел на сайте, он мало чем отличался от большинства маленьких отелей старого города. Первый этаж дома занимал бар, через который можно было пройти к лестнице, ведущей к номерам. А их в отеле было всего три. По количеству этажей. Именно это и привлекло меня в «Золотом яблоке».

Естественно, бар был закрыт. И хотя при бронировании я указал время приезда и даже получил одобрение от менеджера, меня тут явно никто не ждал. Помявшись у двери в надежде на гостеприимство отельера, я, собрав всю решительность в кулак, протянул руку к звонку на соседней с баром двери. Мне показалось, что дверь эта также принадлежала тому же дому, а значит, могла быть спасительным порталом в мир тепла и уюта.

– Nee! – одновременно строго, звонко и решительно откуда-то сбоку раздалось предостережение, и я машинально убрал руку за спину. Если эти люди вешаются чаще, чем женятся, спорить с местными женщинами совершенно не хотелось. Я даже не стал оглядываться, сделав вид, что я просто интересуюсь конструкцией китайских кнопок для звонка.

Тем временем ко мне приближалась… повозка? Адская колесница? Машина по переработки непокорных мужчин? Грохот, лязг металла и шипение покрышек нарастали и не оставляли шансов спрятаться.

– Goede morgen. – Голос из «Симпсонов» был совсем рядом, угрожающий звук сменился ожидаемым грохотом торможения, и я оглянулся.

Истинно счастливая женщина смотрела на меня светлыми, полными радости глазами.

– Ik had haast, maar had nog steeds geen tijd. Zo is deze stad altijd.

– Простите, только английский, пожалуйста, – попытался я прервать ее мелодичное трещание.

– Ах, да, конечно, – мгновенно перешла она на идеальный английский. – Я знала, что вы придете к девяти, но не верила, что именно в девять. Я просто забыла, что вы не бельгиец. Привет. Я Мадлен.

– Доброе утро. Меня зовут Алекс. Разве бельгийцы любят опаздывать?

– Опаздывать? – Хозяйе голоса мультипликационной героини на секунду застыла. – Бельгийские мужчины вообще не имеют права называть себя мужчинами!

Так, европейская феминистка с «ангельским» голосом, подумал я. Интересно, себя она, конечно, виновной не считает. И, словно прочитав мои мысли, женщина выдала следующую порцию смешных английских слов от Мардж Симпсон.

– О нет, я совсем не феминистка, – она жестом остановила мою слабую попытку изобразить несогласие с ее выводом, – я очень люблю мужчин. И совсем не считаю, что плохо опаздывать. Просто, кроме этого, мужчина должен обладать другими качествами, на фоне которых опоздание должно быть милым… – она пощелкала пальцами в воздухе, – kleinigheid[9], ну вы понимаете…

– Да, конечно, – противостоять Марджи не мог даже Гомер Симпсон, поэтому я с готовностью признал правоту собеседницы. Разговор этот явно затягивался, финал вообще был непредсказуем.

А, учитывая тот факт, что от правильного ответа зависело

мое заселение в отель, ошибаться с ответом было нельзя.

– Я совсем вас заговорила этими бельгийцами. – Мой прогиб был засчитан, и женщина полезла в необъятного размера сумку, чтобы найти там ключи от входной двери. – Сейчас я открою дверь.

Воспользовавшись этой минутой тишины и тем, что хозяйка практически с головой влезла с свой мешок, я беззастенчиво стал ее рассматривать, понимая, что ее комплимент относительно небельгийского происхождения можно было воспринять как легкий флирт, который нельзя было сбрасывать со счетов. Бесформенное шерстистое пальто хорошего качества цвета весенней хвои явно скрывало хорошую фигуру, которую мадам норовила показывать всем на улице, не застегивая пальто, но намеренно надев под него удивительный, цвета топленого молока, свитер крупной вязки, который заканчивался где-то в районе коленей. Татуированные мелкой вишневой искрой черные плотные колготки, ужасные до тошноты желто-коричневые ботинки с тупым носом и омерзительными кожаными застежками на впечатляющей лодыжке. Коротко стриженная голова была очень хороша, если бы не вызывающий недоумение голубой фетровый берет с молнией на лбу, которая никогда и ничего не застегивала. Казалось, что одевалась она в приступе обострившегося диссоциативного расстройства. Одна личность любила себя и знала себе цену, но вторая всячески пыталась исправить это впечатление. И сделала это, перемешав все цвета на одном человеке.

Европейские женщины вообще всегда вызывали у меня смешанные чувства. Пытаясь выглядеть хорошо, они зачастую настолько изощренно издеваются над своим образом, что поневоле начинаешь понимать растущее в геометрической прогрессии гей-сообщество ведущих стран. Если же им каким-то образом удавалось найти компромисс между собой и своим гардеробом, почти всегда на помощь им приходит парфюм. Даже арабские женщины не используют всевозможные духи для отпугивания мужчин, как это делают в старушке Европе.

– Verdomde sleutel! – Голова вылезла из необъятного мешка. – Я же специально положила его сверху, чтобы сразу достать! Вы не торопитесь?

– Конечно-конечно, я не тороплюсь.

Конечно, не тороплюсь. Выехать из города в час ночи в сторону Финляндии, пройти границу, добраться до пустынного аэропорта Лаппеэнранты к трем часам утра, долететь до Брюсселя с пересадкой в Риге и вбежать в последнюю секунду в поезд «Брюссель – Антверпен» – куда я еще мог торопиться? План на

сегодняшний день не блистал открытиями: упасть, минуя душ, на кровать и проспать пять часов! Это же совсем не то, куда надо торопиться!

– Бинго! – неожиданно возвестила хозяйка, вынимая руку из кармана хвойного пальто. – Я никогда не забываю. Я же специально положила ключ в карман, чтобы долго не искать!

«*И тебе это удалось*», – подумал я и изобразил милую улыбку.

Она приложила магнитный ключ к двери и распахнула старинную створку.

– Это дом моего деда, я родилась тут и провела первые пятнадцать лет жизни.

Сил на какой-либо подходящий комплимент у меня уже не оставалось, и я, не сняв с лица улыбку, решительно шагнул внутрь.

Бельгийские отели всегда прельщали меня своим нестандартным подходом к оформлению номеров. Уж если где-то и нужно подпитываться новыми идеями для дома и бизнеса, лучше отелей Бельгии сложно что-то найти. И не только потому, что Бельгия славится интереснейшими шоу-румами местных мебельных фабрик. Для отельеров оформление каждого номера – это еще и способ выражения собственных жизненных принципов и отношения к окружающему миру. Отдельным пунктом, отличающим номера бельгийских отелей от других, является отсутствие дверей в ванные и туалетные комнаты. И, если первое иногда даже добавляет определенной интриги в размеренную жизнь, то отсутствие двери в туалет всегда вызывало у меня вопросы. И не только у меня. Несчастные сограждане из стран бывшего союза в праведном гневе ставили тройки в отзывах о бельгийских отелях на сайтах бронирования. Правда, всех остальных это устраивало. Странные европейцы…

Старинная лестница уходила вверх практически от входной двери. Именно это и было причиной (наряду с отсутствием туалетных дверей в номерах) не очень высокой оценки отеля на букинге. Подниматься по почти отвесной лестнице, напоминающей скорее штормтрап, с багажом было абсолютно нереально. Представив, как со второго этаже вниз летит какая-нибудь американская старушка с чемоданом, я невольно усмехнулся, что мгновенно заметила хозяйка отеля.

– Такие лестницы тут почти в каждом отеле. – Легкая обида заморозила ставший мне уже родным голос. – Я никогда не видела в старых домах широкой и хм… schuin afl opend лестницы, ну вы понимаете. – Она повернулась назад, чтобы понять, правильно ли я понял значение слова «афлопенд». Однако,

заметив, что мои глаза в этот момент находились на уровне задней стороны ее коленок, Мадлен здраво поняла, что сейчас меня должны интересовать иные вопросы. Подойдя к двери моего номера, она дождалась меня, и в какой-то момент мы оказались стиснуты стенами узкого предбанника настолько, что я явственно ощутил, что причиной ее взволнованного дыхания оказались не восемнадцать ступенек, которые она только что преодолела. – В конце концов у таких лестниц есть и преимущества, правда? – Дыхание стало невыносимо близким, а духи излишне агрессивно цветочными.

– Несомненные. – Я понял, что окончательно вошел в круг мимолетного доверия и взялся за ручку двери, в надежде, что открывшаяся дверь погасит вспыхнувшую в глазах похотливую искру. Дверь меня не подвела, и я буквально ввалился в свой номер.

Немного разочарованная, но не потерявшая присутствия духа Мадлен, оглядела комнату и привычно прошлась по знакомому за долгие годы маршруту. Она прошлась по комнате с видом настоящей хозяйки, не глядя обходя углы и мягко переступая через провода стоящих светильников.

– Алекс, тут есть всё необходимое. Я живу в Эландие, это другой район Антверпена и бываю тут только с девяти утра до пяти вечера. – Она помедлила. – Если нет никаких дел.

Надеюсь, подумал я, сегодня у тебя никаких дел не будет. Проводить вечер с явно ненормальной хозяйкой странного отеля мне не хотелось.

– Размещайтесь. – Она засмеялась. – Вы хотите поесть? Завтрак и кофе я приготовлю через полчаса в моем кафе.

– Да, – мгновенно соврал я. – Если можно, я спущусь ровно через полчаса. Это был единственный способ отправить ее вниз, потому что я отчетливо представил, что последующие часы буду слушать истории о непростом детстве Мадлен и ее грехопадениях.

– Тогда пойду включу kof ezetapparaat, у меня много интересных историй про этот дом. – Она распорядилась моим свободным временем, желанием поспать и просто погулять по старому городу.

– Отлично, тогда через полчаса внизу.

День был испорчен, и с этим надо было смириться.

Закрыв за Мадлен дверь, я оглядел комнату, пытаясь понять хоть что-нибудь о хозяйке и уровне безумия предстоящих рассказов.

Большая светлая комната была разделена диваном песочного цвета, на котором в аккуратном и педантично организованном

беспорядке были разбросаны подушки всех цветов. При этом они не просто диссонировали с общей цветовой гаммой комнаты, но даже некоторым образом ее дополняли. У такого ужасного цветового безумия был явный стиль. Правда, скорее всего, непонятный большинству гостей. Массивный журнальный стол напоминал верстак. В целом комната была одновременно и пустой и, в то же время, наполненной невероятным количеством странного вида предметов, которые составляли вместе строгий и выверенный до мелочей ансамбль. Мадлен явно понимала толк в оформлении интерьеров, что, однако, не помогало ей в оформлении личного гардероба. Намеренно разбросав немногочисленные вещи по комнате и выразив тем самым протест предстоящему времяпрепровождению, я прислушался. Запах кофе и милая голландская песенка, которую намурлыкивала внизу Мадлен, немного примирили меня с будущим и, решив считать предстоящий завтрак интересным приключением, я стал спускаться вниз. Милая песенка с каждым шагом все больше стала напоминать боевой марш голландских дальнобойщиков. Как вообще можно было назвать голландскую песню милой? Так думал я, пытаясь замедлить шаги и повернуть вспять.

– Алекс! – не дав мне принять позорное решение, позвала Мадлен. – Вы любите настоящие вафли?

– Вафли? О да, конечно. Я вообще приехал в Антверпен именно за ними – я не соврал, потому что главной причиной моего бельгийского блицкрига были как раз вафли. Точнее секрет их приготовления. Так или иначе, почти двадцать лет я тешил себя надеждой открыть в Санкт-Петербурге кафе с настоящими бельгийскими вафлями. В городе открывались подобные заведения. Открывались, разорялись и закрывались, оставляя нишу свободной для меня. Я и сам пытался сделать это не раз, но не зная секрета приготовления самых настоящих бельгийских вафель, все мои попытки оказывались безуспешными. В конце концов, может быть сейчас, благодаря Мадлен я и решу эту загадку десятилетия?

– Тогда сейчас я попрошу принести нам парочку великолепных образцов! Вы же знаете, что правильные вафли родом из Льежа? Только там вам сделают их по правильному рецепту.

– Может быть, вы и секрет мне раскроете?

– Может быть, – голос Мадлен приобрел опасные нотки шантажа, – сначала завтрак и первый кофе, а потом Гретта принесет нам вафли. Я уже позвонила ей, потому что от ее вафель не отказывается даже принцесса Елизавета. Вы счастливый

человек: Гретта из Льежа.

Ну, в конце концов, если мне удастся заполучить рецепт правильного теста, провальной поездку назвать будет сложно. Я думаю, что, если бы мне заранее предложили поговорить с сумасшедшей бельгийкой и получить взамен рецепт, я считал бы себя счастливчиком. Так что во всем можно отыскать плюсы.

Воодушевленный результатом переговоров, я уселся за старинный стол, стоявший прямо в центре зала. И хотя само кафе было крохотным по площади, столь массивный стол визуально расширял пространство и казалось, что кафе вмещает гораздо больше мест, чем было на самом деле. Общее убранство выдавало авторство Мадлен: расставленные повсюду казавшиеся совершенно неуместными предметы составляли какую-то удивительную гармонию и создавали впечатление, что приобретались они именно для этого места.

Мадлен завершила бравурный марш каким-то нечленораздельным хрипом и громко поставила передо мной бело-голубую тарелку с нарезанной ветчиной, сыром, странным оранжевым маслом и помидорами. Следом передо мной приземлилась корзина с ароматным хлебом и казавшийся серебряным кофейник. Я был уверен, что кофеварка в кафе сможет приготовить нормальный эспрессо, но Мадлен думала иначе. Она со снайперской точностью чемпиона по кёрлингу запускала к моему краю стола всё новые и новые тарелки с джемами, круассанами, сахарницу и чашку. Справившись с этой произвольной программой на отлично, она села напротив и уверенно разлила кофе в две чашки. «*Завтракать будем вместе*», – с грустью отметил я и начал вяло составлять себе сэндвич.

– Я забыла сказать, что после пяти вечера вход через соседнюю дверь. Ключ от бара только у меня. Заходить в него нельзя. – Мадлен достала магнитный ключ и вдруг застыла, глядя на небольшой ключ, висящий на одном кольце с магнитным. Такие ключи обычно закрывают маленькие хорошие замки, сейфы и потайные двери в фильмах.

– Да, конечно, я так и понял.

– В бар я никого не пускаю. Он больше не работает. Только завтрак и всё.

– Жаль, хороший бар, наверное, гости отеля жалуются на шум? – Решение закрыть бар было, на мой взгляд, спорным, но я мысленно зауважал Мадлен за ее пренебрежение к деньгам, получаемым любой ценой.

– Жалуются? – Мадлен отдернула руку от чашки, словно обжегшись. – Да мне всё равно, шумно им или нет!

Да, в бескорыстность Мадлен я поверил преждевременно, что же, тем интереснее.

Внезапно хозяйка прямо на моих глазах преобразилась: она обмякла в кресле, глаза мгновенно заблестели совсем не хищным блеском, а в голосе пропала, казавшаяся вечной, озорная нотка.

– Раньше этот бар был очень популярным на Бергстраат. Тут работал мой дед и отец. Вы видите этот барельеф? – Она чуть не упала, пытаясь показать мне полустертый образ какого-то священника. – Это святой Георгий – подарок Фердинанда Роденбаха моему прадеду! Мы первыми в Антверпене стали торговать «Роденбахом гранд Крю»!

– Вот почему отель называется «Гранд Крю», – предположил я. – Это моё любимое пиво!

Я не соврал, «Роденбах», который по праву называют Бургундией Бельгии, отличается насыщенным букетом, изысканным кисло-сладким вкусом и долгим послевкусием.

– Да, но я не смогла продолжить дело своей семьи, – она всхлипнула, – я хотела помочь, сделать так, чтобы они там, – она посмотрела сквозь потолок, – гордились мной. Но получилось совсем не так.

Над массивным столом повисла тягучая неловкая тишина. Мадлен словно испарилась, оставив на своем месте неподвижное тело. Она даже перестала дышать, как мне показалось. Я аккуратно отпил кофе и почувствовал от этого еще большую неловкость. Сидеть в тишине я был, конечно, не против, но чтобы она была такой гнетущей…

– Вы знаете, Алекс, я ведь очень богата, – вдруг заговорило бездыханное тело Мадлен. – Я богата и очень несчастна.

Неловкости в происходящем стало еще больше. Познакомиться с богатой одинокой женщиной и даже немного заинтересовать ее – я готов был плюнуть на рецепт вафель. Но то, каким образом Мадлен сообщила мне, в общем-то, очень позитивную новость, меня почему-то не воодушевило. Как надо было ответить на это признание? Я терялся и в более невинных ситуациях, тут же я чувствовал себя как Карпов, которого Каспаров как-то загнал в цугцванг. Сказать ей: «*О да, как я вас понимаю*»? Даже для меня это было слишком. Встать и приобнять ее? Вариант, без сомнения, очень перспективный, но крайне рискованный. Для него надо было тренироваться в более подходящих случаях. Просто молчать, потупив взор? Да, именно это показалось мне самым подходящим и безобидным.

– Алекс, вы должны мне помочь! Вы знаете толк в отелях и барах. – Интересный вывод, с которым я решил не спорить. – Мне тяжело одной заниматься «Гранд Крю». У меня есть цель, о

которой я не могу не думать, но никто не хочет мне помочь в ее достижении.

Она вновь собралась и в голосе появилось одновременно и возбуждение, и решительность:

– Поймите, Алекс, то, что я богата, знают не все. Мне нужно немного помочь. Я совсем одна. Вы можете мне помочь? – Мадлен выстрелила рукой в мою сторону, и ладонь ее чуть не сломала мне пальцы. – Я должна рассказать вам, и мы вместе поймем, как быть.

Такого поворота событий, происходящих со мной за последний час, я просто не ожидал. Я был ошарашен и глоток кофе только усилил это эмоциональное опьянение.

– Да, конечно. Я с радостью сделаю всё, что в моих силах.

Мадлен вскочила, не отпуская при этом мою руку.

– Пойдем наверх, я всё расскажу тебе там, наверху, окей? Пока никого нет, ты должен выслушать меня! Они потом не разрешат мне говорить!

Повинуясь приступу ненормальной (в чем я теперь был точно уверен) хозяйки отеля, я стремительно последовал за ней. Ну, вернее, как последовал… Если быть точным, она просто не оставляла мне вариантов, таща меня за собой. Секс с сумасшедшей? Это же не преступление? За это же не лишат визы? А вдруг она очнется в самый неподходящий момент? Что делать тогда?

Так думал я, волочимый отважной Мадлен к лестнице. «*Ну почему в этом чертовом отеле никого нет? Никто не придет? Не принесет круассаны, багеты… ВАФЛИ!!!*» Спасение пришло в голову молниеносно.

– Мадлен, а как же Гретта? Она же должна принести вафли!

– Гретта? Вафли? – Триггер явно сработал, и Мадлен ослабила хватку. – Да, она нам будет мешать.

Мадлен отпустила мою руку и медленно ушла за стойку. Десять секунд, которые грозили мне всем – богатством, гибелью, тюрьмой – закончились. В абсолютном бессилии я вернулся за стол.

Мадлен стояла ко мне спиной и, судя по движениям плеч, усердно и медитативно мыла невидимую чашку.

– Они все считают меня ненормальной. И Гретта, и Эрих, и даже мама.

«Господи, как сильно меняется ее голос», – подумал я.

– Никто никогда не мог понять, что жить с этим очень тяжело.

– Расскажите мне, Мадлен, я постараюсь понять Мадлен не поворачивалась, терла чашку. Так продолжалось еще несколько

минут, пока она, неожиданно не стала говорить. Теперь голос ее звучал тихо, абсолютно нормально и спокойно. Таким голосом актеры обычно читают аудиокниги – с легкими, ничего не значащими эмоциями.

– Алекс, вы видите на столе ключ от бара? Ну, magnetische sleutel?

Услышав слово «магнитишен», я понял, что магнитный ключ, а скорее всего этот второй на кольце, имеют интересную историю, и приготовился слушать. Мне понравилось, что Мадлен вернулась в нормальное состояние и о последствиях можно было пока не думать. Во всяком случае, до прихода Гретты.

– Да, этот пластиковый?

– К черту пластиковый. – Мадлен на секунду разозлилась. – Я имею в виду второй. Вы знаете, от чего он?

– Нет, но я вижу, что ключ хороший, настоящий.

– Этот ключ от богатства. – Мадлен продолжала терзать чашку. – Которое я не могу получить.

– Да? Расскажите, пожалуйста? Это очень интересно.

Пытаясь снизить накал происходящего спектакля, я пытался

вложить в свой голос интонации врачей-психологов, которые слышал в свое время в сериалах. Изображать голосом участие, говоря при этом на английском языке было непросто, но результата я все-таки добился: Мадлен повернулась ко мне, оставив наконец чашку в покое. Вернее, повернулась она не ко мне, а всего лишь в мою сторону. На протяжении всего рассказа она смотрела то выше, то ниже, то сквозь меня. Но ни разу не посмотрела прямо в глаза. Видимо, это и помогла запомнить ее рассказ в точности.

* * *

– Это началось… Господи, шестнадцать лет назад! Мой ребенок мог бы уже учиться в колледже…

Первый раз он забронировал верхний люкс в декабре 2001 года. Я только начала этот бизнес и слабо понимала, что к гостю надо относиться только как к гостю – ничего личного. Он был очень обходителен. Сорокалетний успешный бизнесмен. Настоящий бельгиец, не те, что сейчас шатаются по стране в поисках сильных женщин. Он был высоким, красивым мужчиной, с загорелым лицом и удивительными слегка пепельными волосами похожими на облако. Константин работал в Кимберли, в Южной Африке, и занимался торговлей алмазами. Тогда он приехал на зимний салон Де Бирс на неделю.

Мы подружились. Он обладал очень приятными манерами. Я была гораздо младше его, но никто не замечал разницу в возрасте. Он быстро вошел в мою семью. Почти ежедневно мы все собирались за этим столом, и Константин угощал всех «Роденбахом» и рассказывал удивительные истории о работе, Африке и алмазах. Тот год был очень снежным, и всё это было похоже на рождественскую сказку.

Уехал он за неделю до Рождества, оплатив при выселении номер по самой высокой цене. Я была против, но он настоял на этом, заявив, что его компания привыкла оплачивать дорогие отели. Окей, подумала я, и посчитала месяц по новогоднему тарифу.

Да, еще он попросил заранее забронировать все три номера на время июньского салона. А это почти две недели! Он сказал, что приедет с коллегами и им будет очень удобно жить в одном отеле. Хотя в этом не было необходимости, Константин настоял, и я выставила счет, который он пообещал оплатить сразу по возвращению в Кейптаун.

Последнюю ночь мы почти не спали. Гуляли по городу,

ходили в зоопарк и Морской музей. Он обожал чертово колесо, и мы по несколько раз поднимались смотреть на Антверпен с высоты птичьего полета.

Он планировал открывать собственное бюро в городе и хотел, чтобы я работала в нем. У нас было столько планов.

Но, странным образом, деньги на счет за июньское бронирование не поступили. Тогда звонить по мобильному телефону на другой континент было непозволительной роскошью. Да и знала я только номер его офиса. Но звонить я не стала. Было понятно, что он, как и все мужчины просто забыл обо мне и своих обещаниях.

Однако, за два дня до Рождества нам позвонила его помощница и сообщила, что бронь на июньский салон актуальна и попросила выставить инвойс на месячную аренду отеля и бара! Понимаете? Константин бронировал не только три номера, но и весь бар! На целый месяц! Мы подготовили счет, и он тут же перевел нам деньги. Вот такой подарок на Рождество.

Прошло полгода. Все мы ждали его приезда. Мама сделала bonbon, а папа и Эрих, мой брат, забили бар алкоголем под завязку.

Константин опоздал на день, но приехал в одиночестве. Его облачная голова была всё так же прекрасна, хотя, в глазах я заметила новую музыку. Она была очень минорная. Его рассказы в первый вечер были все такими же интересными, но вот веселья в них было уже не так много. Скорее, каждая история заканчивалась какой-то злой шуткой. Кто-то обязательно разбивался, терял деньги, упускал добычу… Я не придала этому особого значения, потому что… потому что очень скучала по нему. Когда все разошлись, мы остались в Константином вдвоем, уже довольно пьяные, чтобы… ну вы понимаете, говорить и делать что-то серьезное. Рано утром он ушел на аукцион, потому что надо было продавать там те алмазы, которые он привез.

Вы знаете, как устроена биржа Де Бирс? Дважды в год на крытый рынок возле еврейского квартала добывающие компании привозят алмазы. Это не те алмазы, которые в кольцах и колье. Это камни, которые надо чистить, деть огранку и готовить к продаже. Целую неделю люди продают и покупают камни, которые могут стать бриллиантами, а могут оказаться алмазной пылью. Это очень сложный бизнес.

Так вот, в первый день аукциона Константин ушел утром на биржу и оставил мне письмо, в котором сообщил, что сейчас у него сложное время. Его конторе за полгода не удалось купить у добывающих компаний ничего хорошего, поэтому ему после аукциона придется уехать. Отель при этом свободен, и я целый

месяц могу сдавать его, не ожидая его партнеров. Представляете? Он даже не мог нормально объяснить мне этот поступок! Естественно, мы сдали все номера, ведь в это время найти жилье в городе довольно сложно. И, конечно, мы не стали возвращать деньги Константину! А почему мы должны были это сделать? Он не предупредил нас заранее, и мы уже могли бы не сдать номера. Это же бизнес!

Константин пропал из моей жизни почти на десять лет, я неудачно вышла замуж за соседского сына, абсолютного лентяя и деревенского увальня. Слава богу, мы оба поняли, что в будущем нас ждет кошмар, и разошлись, не дожидаясь десятилетия совместной жизни. Кроме того, мы так и не смогли родить детей, а для папы было очень важно иметь наследника.

И вот, в 2011 году, когда я уже плотно занималась «Гранд Крю» (папа умер в 1999 году, а Эрих увлекся производством мебели), мне пришел заказ от компании «Гранд Крю Кимберли» на аренду всего отеля на время аукциона Де Бирс. В дополнительных запросах спрашивали возможна ли аренда бара. Вы понимаете? Это был его почерк! Наглый, абсолютно неуважительный по отношению ко мне поступок!

Естественно, я указала самые высокие расценки на каждый номер, а за бар запросила двойную цену. Не прошло и трех часов, как этот наглец согласился на все условия, подчеркнув в письме, что уважает конкуренцию! Какая наглая приписка! Я пожалела, что не увеличила цену втрое!

В назначенный день я уехала из Антверпена по делам в Гроббендонк к Эриху, потому что его бизнес находится там. Однако уже через полдня мне позвонила Гретта, да, да, та самая Гретта, и сообщила, что в «Гранд Крю» неспокойно.

Если бы вы знали, как зла я была. Неспокойно в «Гранд Крю» не было никогда со дня заселения нашей семьи в этот дом в 1821 году. Этот дом был образцом правильного поведения для всего Антверпена.

Добралась до города я только к вечеру. В баре было многолюдно. Мне очень не хотелось туда входить, но проблем с полицией хотелось еще меньше.

В баре меня ждал шок! Все столы были заняты dialkene, бездомными! Они пели, танцевали и пили «Роденбах»! Естественно, за стойкой я увидела его. Заметно постаревший, сутулый и абсолютно седой Константин чувствовал себя своим среди клошаров[10]. Он пел с ними песни, вскидывал руки в каком-то танце и вообще выглядел очень довольным.

Увидев меня, он радостно завопил, что к ним пришла лучшая хозяйка и самая близкая его подруга!

За десять лет этот человек не нашел других слов, чтобы представить меня им, даже им!

Мне пришлось улыбнуться и поздороваться с ним. Он был весел, шутил и говорил, что пригласил в гости самых близких людей, которые были искренне рады ему. Я пригрозила, что такое мероприятие вряд ли останется без внимания соседей, а значит, полиции, и попросила его завершить этот безумный фестиваль.

Константин поблагодарил всех бездомных и пригласил, несмотря на мои протесты, на следующий фестиваль в июне, а потом стал помогать мне наводить порядок.

Надо сказать, что клошары вели себя намного лучше большинства бельгийских мужчин и не оставили после себя большой беспорядок.

Константин почти не рассказывал о себе, не спрашивал он и обо мне. Я испытывала страшную неловкость от того, что не могу высказать ему все слова, которые тщательно готовила все эти десять лет.

Из его пьяного монолога я поняла, что он женился, бизнес его благодаря удачному браку окреп и теперь, он приезжает на аукцион только для вида.

Сейчас же он подгадал поездку в Антверпен к аукциону, чтобы лечь в клинику для лечения людей с алкогольной и психологической зависимостью.

Это была ужасная новость. Передо мной сидел человек, из которого вынули стержень. Вернее, стержень у него остался, но под воздействием окружающих, стал ржаветь и рассыпаться.

На следующее утро Константин попросил сходить с ним в парк и прокатиться на том самом колесе обозрения, на котором мы катались десять лет назад. После он уехал. Я не знала адрес его клиники, но даже если бы знала, вряд ли стала бы навещать его. Спасать человека против его воли у нас в семье не принято.

Его визиты стали регулярными. Он бронировал весь отель и бар на одну ночь, приглашал в него всех местных алкоголиков и бурно провожал себя в клинику. Нам было не очень удобно перед соседями, но два раза в год они могли это потерпеть.

Так продолжалось три года. Летом 2014 года он вновь приехал на аукцион. Правда, на этот раз он попросил меня встретить его в аэропорту. Константин был наш постоянный клиент, и я не могла не поехать. И да, мне было приятно, что он именно меня попросил его встретить.

Из багажа у него был только чемодан и увесистый рюкзак фирмы Diesel.

– Сначала в банк, Мадлен, – попросил он. Хотя я не

собиралась работать таксистом, мне пришлось уступить его просьбе.

Подъехав к банку возле Стадс-парк, Константин попросил сопроводить его. В банке нас уже ждал управляющий. Проводив нас в подвальное хранилище, сотрудник банка ушел, оставив меня в недоумении, а его в состоянии решимости.

– Мадлен, в этом рюкзаке один из самых больших алмазов, которые когда-либо видел за свою жизнь! Я привез его сюда, потому что ты единственная, кто может помочь мне им распорядиться. Я назвал его в твою честь. И в контракте на продажу указал, что бриллиант тоже должен будет носить имя Мадлен. Я боюсь, что, напившись сегодня, я потеряю его и окончательно разрушу свою жизнь. Завтра у меня начинается последний курс реабилитации. В декабре, когда я вернусь сюда, мы сможем выставить его на аукцион и начать новую жизнь. Поверь, ты не прогадаешь. Я сделаю твою жизнь счастливой и беззаботной!

Что я могла возразить? Я любила его, я тоже хотела изменять жизнь, мне нравился этот план.

Константин раскрыл рюкзак и выложил в специально подготовленный банкиром ящик несколько странных камней, один из которых привлек внимание. Он был похож на кусок красного стекла, мутный и почти правильной кубической формы.

– Это самый дорогой алмаз. – Константин взял камень. – Сейчас размер его около 10 карат. После продажи он может стоить до пяти миллионов долларов!

Пять миллионов долларов! У меня даже закружилась голова. Константин положил камень обратно в ящик, закрыл его на два ключа. Второй ключ он отдал мне.

– Теперь я спокоен. Взять его самостоятельно не смогу, как бы пьян я ни был.

Выйдя из банка, я отвезла Константина в «Гранд Крю», а сама, не желая видеть предстоящую вакханалию, уехала в Эландие, в свой новый дом, который остался мне после развода.

Следующим утром Константин уехал в клинику, оттуда домой, в Кимберли. Мы общались с ним часто через Фейсбук. Он сообщал мне о каких-то событиях и рассказывал о наших будущих планах. Мы договорились прокатиться на всех колесах обозрения, которые были в столицах мира. По словам Константина, нам на это потребовалось бы не меньше десяти лет. Я была не против.

И всегда конце сообщений мы посылали друг другу фотографии наших ключей.

Это было лучшее время в жизни.

Зимой он по старой традиции забронировал отель с 23

декабря на неделю. Была небольшая проблема, потому что одна из комнат была уже забронирована на Рождество, но Константин связался с этими клиентами и снял им королевский сьют в Хилтоне. Он хорошо тратил деньги.

20 декабря Константин перестал отвечать на мои сообщения. Я особо не переживала, так как понимала, что перед переездом у него, скорее всего было много дел и просто не было времени.

23-го он не приехал. И 24-го тоже.

Я позвонила в его контору, долго никто не отвечал, пока наконец звонок не переадресовали на мобильный его секретаря. Она сказала мне, что Константин уехал с семьей на Мадагаскар и поэтому перенес приезд на 27-е. Я была в бешенстве. Оказывается, несмотря на заверения, что он не общается с семьей уже пять лет, он спокойно продолжает проводить с ней праздники.

Рождество в семье прошло в тишине и недоумении. Родственники пытались меня развеселить, но получалось это плохо.

Естественно, к 27-му я сдала два номера, чтобы они не простаивали в Новый год. Я решила оставить ему только этот номер на втором этаже – тот самый, в котором сейчас живете вы.

Но он не приехал ни 27-го, ни 28-го… 31 декабря я вновь позвонила в его контору. Ответила все та же секретарша.

– Простите, вас беспокоят из Антверпена. Мистер Константин забронировал номер на две недели и до сих пор не приехал. Спросите у него, может быть мы можем пересдать его номер. – Я была взбешена от ненависти к самой ситуации. Несмотря на свое мерзкое поведение, Константин опять заставил меня звонить ему.

После пятисекундной паузы секретарша сказала:

– Я думаю, он не против.

– А вы можете сказать, приедет ли он после Нового года?

– Нет, не думаю. Мистер Константин умер три дня назад.

– Что?

– Он случайно упал с колеса обозрения в Кейптауне. Или не случайно… Его кремировали сегодня.

В этот момент мир потерял все краски. Нет, это не фигура речи. От переживаний я мгновенно перестала различать цвета. Мир стал для меня абсолютно монохромным. Я даже сейчас не различаю половину цветов. Поэтому все говорят, что я сумасшедшая и потому одеваюсь безвкусно и аляповато.

– Гретта, Алекс приехал из России за секретом льежских вафель. Расскажи ему, в чем кроется ваш секрет?

– Секрет? – Гретта засмеялась. – Секрета нет, просто их надо делать в Бельгии…

Через месяц ко мне приехали представители его жены. С ними был адвокат, который пытался узнать, у кого мог быть второй ключ от сейфа, который нашли при нем после гибели. Естественно, я им ничего не сказала. А почему? Она совершенно не следила за ним, он пил и вообще был несчастен. Дарить ей бриллиант просто потому, что он не развелся с ней? Ну уж нет.

И вот уже почти пять лет я хожу мимо банка в Стадс-парк и понимаю, что там, в подвале, лежит алмаз Мадлен, который мог сделать меня богатой, а сделал несчастной.

* * *

Прошло чуть больше часа с того момента, как я пришел в «Гранд Крю» в надежде переодеться, выспаться, погулять и узнать секрет льежских вафель. Ничего из перечисленного я не успел. Но, черт возьми, этот час можно смело назвать самым насыщенным в моей жизни. Я сидел не в силах пошевелиться. Мадлен казалась мне абсолютно беззащитной, несчастной девушкой, ставшей жертвой любви, страсти и обманутых надежд. Все свои грязные мысли я стыдливо спрятал в самые глубинные места совести, понимая, что они будут еще долго терзать меня.

Незаметно для меня, да и для Мадлен, тоже дверь открылась, и бар наполнился удивительным пьянящим запахом сдобного теста. На пороге стояла Гретта – обладательница того самого секрета.

– Goedemorgen, lieverd. – Голос похожий как две капли воды на звонкий колокольчик Мадлен, немного сбил меня с толку.

– Алекс, это моя сестра, Гретта. Она принесла вафли. – С каждым словом размеренная речь Мадлен вновь обретала беззаботный тон, для которого явным камертоном служил голос сестры. – Гретта, Алекс приехал из России за секретом льежских вафель. Расскажи ему, в чем кроется ваш секрет?

– Секрет? – Гретта засмеялась. – Секрета нет, просто их надо делать в Бельгии…

Рецепт льежских вафель

Льежские вафли впервые были приготовлены поваром принца Льежского в XVIII веке. Экспериментируя с выпечкой, он добавил кусочки сахара прямо в тесто, благодаря чему готовое изделие получилось плотным, вкусным, с вкраплениями карамелизированного сахара. Такие вафли круглой или овальной формы можно есть холодными или горячими.

Что взять

• 1 стакан жемчужного сахара (его можно найти в кондитерских магазинах)
• 3 стакана муки
• 1 стакан молока
• 3 крупных яйца
• 1 пачку (200 г) сливочного масла
• 2 столовых ложки дрожжей
• 1 стручок ванили
• 2 столовых ложки белого сахара
• 1 щепотку соли

Что делать

1. Слегка подогреть молоко, добавить дрожжи, белый сахар и хорошо перемешать смесь. Дать постоять 10–15 минут.

2. В отдельной емкости растереть яйца с щепоткой соли и семенами ванили, добавить муку частями и влить молочную опару. Хорошо перемешать смесь лопаткой. Накрыть тесто пленкой, полотенцем и убрать в теплое место на час.

3. В увеличившееся вдвое тесто всыпать жемчужный сахар и хорошо перемешать. В вафельницу выложить по столовой ложке теста для одной вафли и выпекать 2 минуты.

45

Бангкок, Таиланд. Моя сорок пятая

Если вы побывали в Таиланде, но не видели Бангкока – вы не были в Тае. Если вы жили в Бангкоке и не зашли вечером на Сой Ковбой – вы не видели Бангкока. Если вы заглянули на Сой Ковбой вечером и не заглянули в «Баккару» – вы не видели жизни. Вы лишили себя того, о чем мечтают все мужчины мира, вешая на стены домов вырезки из «Плейбоя».

«Баккара» – легендарный гоу-гоу бар. Его снимают в фильмах, о нем рассказывают в передачах типа «Шокирующая Азия» и описывает в своих путеводителях даже Animal Planet. «Баккара» – символ того Бангкока, о котором говорят шепотом и с придыханием.

> ***Я явственно видел жуткую картину, на которой ангел попал на сборище ведьм и прочих пособников темных сил. Они пытались достать ее когтистыми лапами, тянули к ней длинные раздвоенные языки, но всё было напрасно – луч света моего сердца создавал надежный круг в который темным силам было не попасть.***

Свою историю этот бар начал в далеком 1982 году, когда владельцу последнего дома на некогда заброшенной Сой Асок предложили переделать его под ночной бар. С момента открытия на этой улице первого бара Т. Дж. Эдвардсом, военным летчиком афроамериканского происхождения, прошло уже восемь лет и, по сути дела, только три дома остались нетронутыми. Да и сама улица получила название Сой Ковбой, именно благодаря Ти Джею, разгуливающему по улице в ковбойской шляпе.

Сейчас на улице сорок два бара, их названия меняются вместе со сменой владельцев, девушки взрослеют, удачливые уходят на повышение в какие-нибудь европейские города в качестве жен, остальные плавно перетекают на улицы попроще, чтобы закончить карьеру в каком-нибудь второсортном заведении с обязательным пинг-понг шоу (где они демонстрируют совершенно неизведанные возможности своих половых органов).

Поставщиком девушек столь популярной в мире профессии издревле славится провинция Исан. Незаслуженно недооцененная часть Таиланда вообще имеет отношение почти ко всем культурным достопримечательностям центральной части страны. Это и петушиные бои, и муай-тай, или тайский бокс, и красочные фестивали. Одно искусство мор лам чего только стоит. Именно

оно в голове туристов и ассоциируется с традиционным тайским песнопением. Хотя предки исанцев пришли на северо-восток Таиланда из современного Лаоса.

Надо признаться, что жриц любви из Исана не очень-то жалуют. У них, по слухам, и кожа темнее коренных таек, и лица более грубые… Да и вообще, прямо скажем – не лучшие представительницы древнейшей профессии. Но что делать, если Исан на регулярной основе отправляет в столицу всё новых и новых своих дочерей. Другим просто не остается места.

* * *

Бангкок я открывал для себя несколько лет подряд. Причем, каждый раз он открывался для меня с абсолютно новой, трепещущей воображение стороны. Первый визит: аэропорт, цветные, словно детские игрушки, машины такси, пиво сопоставимое по цене с водой. И как финал этого аттракциона – знаменитый Каосан-Роуд. У меня было полное впечатление, что рай на земле не просто существует, он совсем не такой, как все думают. Потому что настоящий рай – это как раз эта, в общем-то, небольшая улица, которая, однако, в концентрированном виде предлагает ее посетителям все удовольствия рая. Счастливые лица абсолютного большинства гуляющих по улице только подтверждали этот вывод. Я влюбился в Каосан мгновенно. Вернувшись домой, я, кажется, еще в такси снова купил билеты в Бангкок. И уже через месяц, бросив свой рюкзак в одном из кошмарных отелей, коих на Каосане было великое множество, отправился в райские кущи. Мне нравилось там всё – еда, грязные тротуары, бегающие крысы, индийские ателье по пошиву катастрофично убогих костюмов, грохот музыки из баров и люди! Люди! Орущие англичане, похотливые индусы, соотечественники с испуганными лицами и еще великое множество туристов со всех континентов. Их всех объединяло одно – они «пожирали глазами» Каосан не в силах, как и я, поверить в реальность происходящего.

В тот раз я задержался в Таиланде на месяц, поменяв три недели пляжного отдыха на беззаботное прозябание на главной улице дауншифтеров. Как можно гулять по другому Бангкоку да и зачем? Я искренне считал, что нашел ту самую Шамбалу, которую все безуспешно ищут на Тибете. Я быстро сошёлся с какой-то странной группой таких же, как я, фанатов Каосана, переехал из отеля (который, как мне объяснили новые друзья, стоил неоправданно дорого – целых 12 долларов за ночь) в какой-то интернациональный сквот в глубинах квартала. Мы учили языки

друг друга, подолгу разговаривали о несправедливости мира, исследовали бары, кормили рыб в заброшенном и затопленном водой торговом центре неподалеку. И если бы не ужасающее санитарное состояние моих соплеменников и не регулярное испытание сознания с помощью каких-то отвратительных по силе воздействия таблеток, которыми меня угощали соседи Гуко и Фрида из Берлина, я бы, наверное, до сих пор шлялся по улицам района Талат-Йот. Ну или кормил бы сомов в великой Чао-Прайе, что скорее. От того периода у меня остались смутные воспоминания и огромная татуировка, покрывающая всю спину. Обстоятельства ее нанесения мне неизвестны, помню лишь, что делали ее семнадцать часов с небольшими перерывами, когда я терял сознание. В общем, отделался я сравнительно легко.

Человеку надоедает всё. Даже рай, если нет альтернативы. Свой следующий визит в Бангкок я планировал долго и тщательно, и с удивлением отметил для себя, что все возможные районы проживания находились в стороне от некогда любимой улицы. Нет, я не боялся вновь окунуться в водоворот фальшивого, как я теперь понимал, рая. Просто в Бангкоке можно было найти гораздо более интересные, загадочные и манящие места.

К несчастью, за городом любви и свободы закрепилась примитивная туристическая слава, которая исковеркала два этих понятия – любовь и свобода. И, рассказывая о Бангкоке друзьям и знакомым, я всегда, рано или поздно натыкался на самый распространенный вопрос: ну а «там» был? После чего любые рассказы о пуританском районе Лад-Прао, или чудовищном Пинк-Лао казались неуместными. Всем был интересен именно этот аспект Бангкока.

Для человека, побывавшего в Таиланде и чудом избежавшего Пхукет и Паттайю, доподлинно известно – если тайские жрицы любви и вызывают какие-то желания, то только зажмуриться и громко произнести: «*Чур меня*». Причем, для убедительности произнести трижды. При всей любви к этому, в общем-то, не самому страшному народу, назвать тайских женщин привлекательными не позволяет любовь к человечеству. Именно поэтому поход в бар с проститутками требует серьезной подготовки. Нужно или долго собираться с мыслями и убеждать себя в том, что походом этим ты помогаешь не только девушке, но и ее семье, живущей порой только на ее деньги в каком-нибудь Корате или, не дай бог, Кон-Кхене. Или напиться почти до беспамятства. Хотя во втором варианте есть скрытые нюансы – неизвестно, что произойдет, прежде чем ты начнешь осознавать происходящее.

Решив подготовить для друзей, которые не могли себе

позволить ничего подобного, список ответов на «часто задаваемые вопросы», я воспользовался двумя алгоритмами подготовки. Воодушевившись благой миссией, связанной с грядущей потерей нескольких тысяч бат, я выпил для укрепления этого самого воодушевления несколько порций местного рома «Сэнг Сом» с лаймом и приступил к планированию экспедиции. В Бангкоке есть три основных культурных центра, которые в состоянии удовлетворить самые сокровенные мысли и желания: Нанаплаза, Патпонг и Сой Ковбой. Первая точка является территорией ледибоев и почему-то пользуется особой популярностью у арабской и индийской молодежи. Европейцев такой диковинкой не удивить, поэтому самые продвинутые ищут приключений на Патпонге. И только самые рафинированные эстеты идут на Сой Ковбой. И ищут они на дне ночной жизни жемчужину под названием «Баккара».

* * *

Клуб «Баккара»… Уж если и есть симпатичные тайки на Сой Ковбой, то сначала они попадают сюда. Придирчивые менеджеры тщательно отбирают девушек и при наличии малейших изъянов отправляют претенденток к конкурентам. Боится ли «Баккара» конкуренции? А боится ли Солнце? А Эверест? А Марианская впадина? Вот и «Баккара» нет.

Пройдя сквозь армию зазывал непонятного пола, я подошел к «Баккаре» в строго определенное для себя время. Именно в одиннадцать вечера на сцены бара (их в заведении три) выходит бриллиантовый состав. Девушки, работающие только с ВИП-гостями (раньше это были преимущественно японцы, которых постепенно заменили китайцы), не распыляются на шелуху, вроде меня, и раньше полуночи их не увидишь. В компанию к ним подтягиваются и представительницы золотого состава, которые успели найти и обилетить клиентов с семи вечера. И в качестве шаров бинго в этот лототрон боссы «Баккары» обычно забрасывают пару-тройку новеньких. Их, как говорят знатоки, легко распознать по неуклюжим движениям и смущенному виду. Именно за эту непосредственность цена на них доходила до уровня бриллиантовых, то есть самых роскошных и опытных жриц любви.

У входа в бар не было никаких зазывал – еще одно подтверждение класса заведения. Наученный историями интернет-экспериментаторов, я, не дожидаясь команды фейсконтроля, сразу же на улице заказал себе всё тот же «Сэнг

Сом».

Желая сойти за завсегдатая, я небрежно и нарочито громко, скорее для охраны, произнес:

– Ныв Сэнг Сом, сай манао салай, нам кхенг (один «Сэнг Сом», слайс лайма и лёд), – для важности приправив слова пятисотой купюрой и не взяв сдачу. Я прекрасно знал, что сдачу в 80 бат и так не дадут, но важно было сделать это так, чтобы создавалось впечатление, что я и раньше не брал эту «мелочь».

Держа мгновенно запотевший в руке стакан, в котором одиноко тонул кружок лайма, я приблизился ко входу и очутился в толпе галдящих индусов. Путь внутрь им преградил грузный лысый босс фейсконтроля, напоминающий копа из сериала «Во все тяжкие». По словам знатоков, Майк, так его звали, действительно, служил раньше в полиции Сакраменто, но десять лет назад перебрался в Бангкок, открыл бар, быстро разорился и стал фактически лицом «Баккары», снискав себе славу самого сурового фейскон-трольщика города.

Успешно защитив свой ром от десятка шивообразных многоруких индусов, я вплотную подошел к охраннику и, устало покачав головой, сочувственно произнес:

– Привет, Майк. Сегодня, похоже, тяжелый день.

Отчетливо, словно через невидимые запятые, я выдавил из себя каждое слово и приготовился к отпору. Причем, совершенно непонятно почему. Я был не пьян, прилично одет, с бокалом, купленным в специально построенном для этих целей welcome bar. И всё-таки советское законопослушное детство и природная застенчивость отчетливо сверлили мне мозг, словно говоря: «*Ишь ты! Куда захотел? А родители знают? А директор школы?*»

Но Майк видимо был так одурманен клёкотом индусов, что, не глядя на меня, взял за плечо и, машинально придав ускорение рукой, буквально втолкнул меня в плотную штору. Та чудесным образом распахнулась, и я оказался внутри. Я был в «Баккаре»!

Первый этаж представлял собой квадратное помещение, по периметру которого были установлены диваны с прикрученными к полу столами. Все диваны были заняты китайцами, лишь изредка попадались представители тех индусов, которых Майк не пускал внутрь, видимо руководствуясь какими-то нормативами, типа «на трех китайцев один индус».

В центре же зала на почти метровой высоте была установлена сцена, на которой в странном сомнамбулическом состоянии топтались они – самые красивые девушки Сой Ковбой. То ли от этого жалкого зрелища, то ли от обилия посетителей из двух самых густонаселенных стран, я мгновенно протрезвел. Сквозь сизый дым сигарет, который вился от каждой китайской руки, на

меня и не на меня смотрели двадцать, нет сорок апатичных девушек, которых можно было назвать как угодно, но только не симпатичными. Еще большую жалость вызывала их одежда школьниц – короткие клетчатые юбочки, белые блузки, гетры и кеды. Видимо, мода в «Баккаре» осталась со времен щедрых японских дедушек, глубоко врезавшись в сознание боссов бара, и они никак не хотели менять сложившийся десятилетие назад образ.

На блузке каждой из сонных мух был приколот номер. Смысл этой нумерологии мне был известен по постам в Интернете, но желания запоминать, что она означает совершенно не было.

Вокруг сцены также сидели китайцы, но было видно, что рангом и возрастом они были повыше тех, что расположились по периметру. И смотрели они почему-то не на девушек, а куда-то выше, в потолок. Подняв глаза, я обомлел, мгновенно зауважав стратегически верно расположившихся китайских пенсионеров – потолок первого этажа представлял собой толстенное стекло, на котором на втором этаже, танцевала еще одна группа девушек. Их отличительной особенностью в одежде было то, что под юбкой у них не было белья. И задранные головы сидящих у сцены этажом ниже ожидаемо кружились не только от тока крови.

Я стал искать лестницу на второй этаж. Снизу показалось, что на втором этаже девушки энергичнее и живее. Лестница была узкой, винтовой по ней поочередно поднимались и спускались гости, девушки, официанты и еще какие-то подозрительные лица. Дождавшись своей очереди, я взлетел наверх и оказался в самой настоящей «Баккаре». Той самой, которую уважают и ценят тысячи мужчин со всего света.

Мягкий свет, более уютные диваны, гораздо более солидная публика и они – действительно симпатичные девушки. Особенно, если сравнить с нижним кругом этого ада.

Ко мне моментально подскочила девушка и жестом пригласила меня занять место у дальней от бара стены. Отсюда открывался хороший обзор и я, наконец, удовлетворенно выдохнул. Первые два непростых шага этого квеста были пройдены. Оставались пустяки – выбрать девушку, запомнить номер на блузке, сообщить о своем выборе в баре, договориться о цене и всё! Так думал я, усаживаясь поудобнее и готовясь к долгому и тщательному выбору. И тут увидел ЕЕ.

Если у вас когда-нибудь в жизни загорался внутренний луч света и освещал невидимым для других пучком света что-то невероятно важное и уникальное для вас – можете дальше не читать. Ибо всё, что произошло со мной далее известно вам не понаслышке.

Для остальных могу сказать, что никогда ни до, ни после я не сталкивался с таким, удивительным по силе воздействия оптическим обманом. Все остальное в зале мгновенно померкло, погрузившись в чернильную черноту. Я видел только ее, и ничего больше. Она была Сорок пятой.

Волосы цвета солнечной соломы ритмично двигались в такт музыке, то разбиваясь, то вновь собираясь в каре. Идеальные ножки смотрелись еще идеальнее в белых кроссовках Ugly shoes. Стоя в центре сцены (хотя может, мне просто так казалось), она немного смущенно и застенчиво еле заметно топталась, пытаясь попадать в ритм. В голове моей для нее пела Рене Флеминг «Последнюю розу лета», и это было прекрасно. Я явственно видел жуткую картину, на которой ангел попал на сборище ведьм и прочих пособников темных сил. Они пытались достать ее когтистыми лапами, тянули к ней длинные раздвоенные языки, но всё было напрасно – луч света моего сердца создавал надежный круг в который темным силам было не попасть.

Сказать, что я был влюблен, это просто испортить те чувства, которые я испытал, увидев Сорок пятую. Если бы я вовремя не очнулся, то просто свалился бы бездыханным трупом, ибо всё время, пока я смотрел на нее, дышать я не мог. Мне казалось, что любое неосторожное движение, вздох, моргание и даже стук сердца тотчас же разрушит защиту, которую я дарил ей. На ее блузке был приколот номер 45.

Для демонов тем временем поменяли трек, и они в едином порыве стали снимать с себя блузки. Делали они это так буднично и даже вяло, что сидящие рядом со мной гости бара даже не сразу поняли, что этот бонус предлагался им для скорейшего решения, кто с кем куда отправится. Я напрягся. Что же она? Тоже будет раздеваться, как все они? Это разрушило бы не только ее образ, но, скорее всего, и оставшуюся веру в силы добра.

Сорок пятая потупила взор, головка ее склонилась, скрыв ангельское личико под завесой волос. Не глядя на танцующих рядом девушек, она протиснулась к стенке и застыла там, стараясь оставаться незамеченной для суровых, как мне виделось, боссов.

Как она здесь оказалась? Кто посмел нумеровать ангелов? Как вытащить ее из этого жуткого плена? Мысли крутились в каком-то безумном водовороте. Рене Флеминг испарилась из моей головы, уступив мою внутреннюю акустическую систему какому-то тайскому исполнителю, который принялся выбивать из ушей перепонки. Я очнулся и понял, что надо срочно спасать моего ангела.

Судорожно порывшись в кармане, и, ожидаемо не найдя там ни ручки, ни карандаша, я молящим взглядом стал привлекать к себе снующих официантов и специальных девушек, в основные функции которых и входил ритуал заказа понравившейся танцовщицы. Наконец, та самая девушка, которая пятью минутами ранее нашла мне место, обратила внимание и подала ручку и маленькую бумажку розового цвета, которая оказалась бланком заказа.

Как и всё в Таиланде, процедура была предельно проста и доходчива. В бланк нужно было вписать номер выбранной

девушки, определиться со временем (опция short-time предполагала краткосрочное знакомство и последующее общение, а вот для серьезных планов существовал вариант long time, который позволял забрать девушку со сцены до утра), отметить, нужен ли отель на время знакомства, хочешь ли ты заказать девушке приветственный коктейль (Lady drink, обычно он состоит из колы и льда, хотя стоит как самый, что ни на есть Long Island ice tea). Напротив каждого пункта стояла цена, поэтому общую сумму предстоящей катастрофы клиент мог оценить до момента заказа. Отдельной строкой был указан «Штраф бару» (Bar fee) за то, что ты уводил лучшую (в смысле каждую) девушку, без которой на танцполе было уже не так, как с ней.

Суетясь, но, не теряя при этом головы, я принялся отмечать нужные мне пункты: 45, без отеля, естественно, Lady-drink и да, конечно, short-time. Эту хитрость я тоже почерпнул из блогов: «никогда не соглашайся на лонг-тайм» кричали с экрана ноутбука знатоки, ибо после первого… знакомства девушка начинает плакать и проситься домой, где ее *«уже очень давно ждут дети и муж (больная мама, безногий брат)»*. При этом девушка, естественно, сразу возвращается в бар, пытаясь найти нового лоха и выстрелить в эту ночь дуплетом.

Официантка приняла от меня заказ, мельком взглянула на мои отметки и объявила сумму: две тысячи шестьсот бат. За спасение ангела? Всего? Я энергично закивал головой. Девушка неторопливо повернула голову к сцене, чтобы позвать моего ангела, и тут я заметил, что Сорок пятой нет! Ее не было на сцене, я не нашёл ее в углу зала, где толпился выводок новеньких девушек в ожидании выхода на сцену. Она исчезла! Официантка вернула голову на привычное место:

– Sorry, she’s probably already taken. Choose another girl – сказано это было так обыденно, что я на секунду повелся на рекомендацию официантки и принялся вглядываться в танцующих топлес проституток. Как вдруг разум подал напряжение на все органы чувств: как это кто-то взял? Моего ангела? Как это возможно?

Я встал, и, словно, в тумане пошел по периметру зала, пытаясь в водовороте лиц увидеть ту самую, встреча с которой была предначертана мне судьбой. Поверьте, это не просто слова! Я знаком с чувством влюбленности, я был влюблен и не раз. Я любил и был любим. Но все эти чувства в моей памяти просто стерлись в эту ночь. Я хотел отдать всё, абсолютно всё без остатка, нет, не за ночь! Просто за еще одну встречу, за возможность увидеть ее еще хоть раз. Уткнувшись в дверь с корявой надписью «touliet», я машинально открыл ее в надежде

найти там Сорок пятую, и впервые в жизни оказался в туалетной комнате унисекс. Причудливые особенности местного менталитета тут приобретали совершенно откровенные формы. Девушка спокойно мочилась в писсуар, используя для этого вполне себе мужское достоинство, каким-то образом оказавшееся у нее под юбкой. Стоявшие рядом танцовщицы спокойно надевали блузки, поправляя совсем не натуральную, но не вызывающую отторжения грудь. В туалете царила атмосфера толерантности. Сорок пятой там не было.

Спустившись на первый этаж, я с грустью отметил, что китайские посетители одержали победу над индусами, и табачный дым полностью вытеснил запах индийского карри. Из-за клубящегося сигаретного смога даже девушек было не видно. Что, однако, не только не портило картину, но и наоборот, делало ее еще более загадочной – неуклюжие топтания казались грациозным танцем в дыму.

Не обнаружив в этой фантасмагорической картине предмет своих поисков, я вышел на улицу.

Желание посещать какие-либо другие бары казалось мне кощунственным. Я шёл, не замечая хвативших меня зазывал. Впервые в Бангкоке мне захотелось в отель.

Появившееся уже поздней ночью намерение найти Сорок пятую следующим вечером, хоть и было, во многом вызвано еще четырьмя добрыми порциями традиционного рома, натыкалось на наличие билета в Санкт-Петербург ночью того же дня. Однако, утром мысль эта окрепла и приобрела очертания строгого плана действий. Прийти в «Баккару» в шесть вечера, найти Сорок пятую, быстро забрать ее и попытаться познакомиться до отъезда в аэропорт. Взять номер телефона, естественно, рассказать о своих чувствах и ни в коем случае не позволять себе лишнего. Ведь намерения мои, хотя и были расплывчатыми, но явно не ограничивались одной ночью.

Словно боясь опоздать к намеченному времени, я уже с четырех часов дня околачивался в расположенном рядом торговом центре «21 terminal». Пересмотрев всю одежду на семи этажах и выпив несметное количество напитков, я планировал, проговаривал и корректировал предстоящий разговор со своей мечтой. Вы когда-нибудь мысленно обдумывали разговор с мечтой всей своей жизни? А с проституткой в самом популярном баре? А теперь представьте, что мне предстояло объединить эти два персонажа в один. Представили? Вот-вот.

«А ты была в России? Нет? А хочешь посмотреть?» – нет, рано говорить об этом решил я и построил свой будущий диалог на предложении короткой поездки к морю. Там, заодно можно и

познакомиться поближе. Хотя, с другой стороны, она же может и не дождаться меня. Ведь сегодня я улечу, обратный билет смогу купить не раньше, чем через неделю. А ведь неделя – огромный срок. Тем более для ангела. И уж тем более в аду.

Нет, я не сошел с ума и не потерял способность рассуждать цинично. Даже, несмотря на обычно парализующую разум влюбленность. Я понимал, где встретил девушку своей мечты. Меня самого забавляли истории про браки с проститутками и умиляли рассказы о том, что девушки этой профессии являются самыми верными и порядочными женами – мол, эффект «ненависти к шоколаду» у работников кондитерских фабрик. Но у меня были другие факторы, заслуживающие «особого порядка» рассмотрения ситуации. Во-первых, моя мечта явно была вчера в баре первый день. Нет, наверное, девственность она все-таки успела потерять у себя дома, в каком-нибудь Кратье, но то, что она абсолютно неопытна в этих вопросах, я был уверен. Во-вторых, всё ее поведение говорило о том, что ей претит вся эта разнузданная обстановка. Ее могли продать (я вспомнил страшные фильмы про торговлю живым товаром в странах Азии), заставить, она могла пойти на это из-за больной, смертельно больной матери… Наконец, в-третьих, она просто была ДРУГОЙ…

Стрелка часов нехотя двигалась к шести часам, как бы давая мне возможность передумать. Но разве сердце влюбленного может передумать? Оно может только приятно ныть в предчувствии скорой встречи. Дождавшись для приличия четверти часа, я влетел в бар так стремительно, что дремлющий на стуле Майк, даже не успел заметить, что у меня нет приветственного напитка.

На втором этаже только начиналась жизнь. Бармены расставляли бокалы, официанты лениво протирали столы, танцовщицы выходили на сцену в обычной одежде, слушая в наушниках свою музыку и делая селфи. На меня никто не обращал внимания. Заняв принесший мне удачу стол, я принялся рассматривать прохаживающихся девушек «*Хорошо бы забрать ее сразу, еще до того момента, как она переоденется и нацепит на себя этот пленительный, этот ужасный сорок пятый номер*». На сцену стали постепенно выходить 13-я, 271-я, 34-я и даже девушка под номером 666. Сорок пятой пока не было. Мысли путались, слова тоже. Придирчиво переведенные через переводчик и заученные фразы предательски перемешивались и меняли смысл всего, что я хотел сказать моей мечте. Ведь было очень важно правильно изложить всю суть моего интереса, раскрыть, если не сердце, то хотя бы честно рассказать о своих чувствах. Делать это на английском было не просто, поэтому я

даже записал несколько предложений в записную книжку телефона.

Незаметно для меня бар стал заполняться самыми нетерпеливыми, или, наоборот, самыми хитрыми клиентами. Примерно к семи вечера официанты засверкали розовыми бумажками: торговля живым товаром началась. Первой сцену покинула девушка с номером 116, на спине которой красовалась татуировка с изображением огромной львиной головы. Она явно была не новичком в баре и вообще вела себя даже слишком уверенно. Именно это, видимо, и оценил тщедушный итальянский (как мне показалось) старичок в кипенно-белом поло «Marco O'Polo» с поднятым воротником. Отлистав дрожащими руками три тысячных купюры официантке и яростно завертел головой в ответ на вопрос последней о напитке для 116-й и для себя. Дед явно был тут если не завсегдатаем, то уж порядки знал неплохо.

Весь вечер я пил только колу, чтобы с одной стороны сохранять ясность рассудка при серьезном разговоре о будущем, а, с другой стороны, проверить свои вчерашние впечатления. Всё-таки мне хотелось посмотреть на Сорок пятую трезвыми глазами.

Одна песня сменяла другую, одних похотливых пенсионеров сменяли другие. А мечта моя не появлялась. Я скучал и вызывал своим поведением недоуменные взгляды проходящих официантов. Пару раз за стол мой садились девушки, работавшие в баре консуматоршами, и уговаривали меня на напиток. Я немного боялся, что мое бесцельное присутствие в баре могло вызвать вопросы, поэтому угощал девушек, пытаясь выяснить какую-нибудь информацию о 45-м номере. Но либо информация о девушках была под запретом, либо ленивые тайки даже не пытались меня дослушать, теряя интерес сразу же после получения напитка. Или они просто не слышали вопроса, потому что музыка ближе к полуночи стала закладывать уши.

Немного устав от карнавала сменяющихся лиц, я потерял концентрацию и просто смотрел на сцену. 24-я, 342-я, 86-я, 98-я, 119-я, 116-я… Стоп! Я очнулся. 116-я? Она же ушла с дряхлым гольфистом Карло. Почему она тут? Ошибки быть не могло, со спины 116-й на меня смотрел, подмигивая в такт музыке, синий лев. Я взглянул на часы. Половина первого! Через три с половиной часа у меня самолет, а мне еще ехать за рюкзаком. С чувством полного поражения я, жалкий даже сам для себя, побежал к такси. Всю дорогу до отеля, потом до Суварнабума я провел в странном состоянии. Я готов был к любому развитию событий, но в то, что ее просто не будет, я даже не верил. А была ли она вообще? Не привиделся ли мне ангел, желая предотвратить какую-то непоправимую ошибку, которую мог

совершить давеча в «Баккаре»? Встреча с Сорок пятой была наградой? Или предостережением?

* * *

Прошедшая после возвращения неделя ситуацию нисколько не изменила. Сорок пятая снилась мне практически ежедневно, вызывая во мне приступы сожаления и презрения к собственной трусости. Каждое событие дома я рассматривал сквозь призму возможного приезда ангела, пытаясь представить, как отреагировала бы мама на совместный наш визит, как бы Сорок пятую приняли друзья, как отнеслись бы к такому событию на ее работе. Единственным верным и неоспоримым решением было вернуться назад, попытаться найти Сорок пятую и понять, что было со мной в ту ночь – случайное помутнение рассудка или же встреча с той, которую многие ищут всю жизнь. И зачастую просто не замечают, когда та самая проходит мимо. И мучаются потом до конца своих дней.

Как это обычно бывает, чувства, если не пропадают, то стихают со временем. Прошел месяц, трудовые будни захлестнули меня, я нырнул в бурную реку каждодневных проблем и задач. Сорок пятая приходила ко мне по ночам во снах всё реже и реже, и я почти излечился от всепоглощающей страсти.

* * *

В Бангкоке в следующий раз я оказался лишь спустя год. С двумя друзьями мы намеревались проехаться по северу Таиланда на машине и подробно изучить кухню северных провинций. Естественно, первый вечер после прилета прошел в обычном режиме: отель, ресторан, пара баров по дороге в отель… Как мы оказались перед неоновой вывеской «Баккара» я не вполне хорошо помнил, но инициатором визита точно был не я. Традиционный приветственный напиток, кивок ничуть не изменившемуся Майку, и вот уже внутреннее убранство бара, такое же как и в прошлом году. Превосходство китайцев на первом этаже, та же униформа повзрослевших школьниц, музыка и номера, номера, номера. На втором этаже народу было больше, чем в прошлый раз, а вот девушек почти не было. Друзья мои были слегка разочарованы и с укором смотрели на меня. Видимо, инициатива побывать здесь всё-таки принадлежала мне. Не сильно огорчившись, мы стали спускаться по винтовой лестнице,

как вдруг в одной из понимающихся навстречу девушек я узнал ее. Всё то же каре и те же опущенные в пол глаза. Она просто смотрела на ступеньки, но мне на миг показалось, что ей всё еще неприятно здесь находиться. Не помня себя и почти не отдавая себе отчет, я вдруг дотронулся до ее плеча и произнес:

– Hello! Tomorrow will be ok? – Школьный английский не давал сбоя в трудных и стрессовых ситуациях. Стресс стрессом, а простое будущее время будь любезен использовать.

Несчастная девушка подняла на меня глаза, и я увидел в них всё то, что хотел видеть весь этот год: мольбу, страх, отчаяние и надежду. Она немного отстранилась и лишь покорно кивнула мне. Сзади меня пихал один из друзей, которому не терпелось продолжить веселье в более оживленном месте.

Всю оставшуюся ночь я летал! Ведь я всё-таки я заговорил с ней. Да, диалогом это сложно назвать. Но! Я говорил ей, я спрашивал, она отвечала. А значит, она существует!

Следующий день я провел в приятных хлопотах. Наспех позавтракав с ребятами, я оставил их изучать окрестности, а сам направился в центр Бангкока. Сняв прекрасный номер в дизайнерском Siam@Siam, я забронировал стол в баре на крыше отеля и побежал по магазинам. Подарок, который я хотел подарить Сорок пятой должен был символизировать серьезность намерений, быть не вычурным, но благородным. Не очень дорогим, но совсем не дешевым. Особых вариантов не было, жизненный опыт подсказывал универсальный подарок для таких вот случаев.

Купив кольцо и подобрав для него бархатную коробочку в виде сердечка, я немного успокоился. Всё складывалось, как нельзя лучше. Я был абсолютно уверен, что сегодня меня будет ждать успех. Друзьям я сообщил, что сегодня вечером у меня встреча со старой знакомой, с которой познакомился в прошлые

визиты. О том, что оставшийся отпуск им, скорее всего, придется провести без меня, своего проводника, я решил пока не говорить. Больше из чувства легкой вины за испорченный им отдых, нежели из страха сглазить сегодняшнюю встречу.

* * *

Вечер, Бангкок, Сой Ковбой, «Баккара»… «*Это становится хорошей традицией*», – подумал я, решив, однако больше сюда не ходить. Ведь смысла в этом после сегодняшнего визита просто не будет.

Взяв в этот раз вместо «Сэнг Сома» порцию «Блэк Лейбл», чтобы придать торжественности моменту, я с грустью отметил про себя, что вкус этого виски практически ничем не отличался от тайского. Ну и ладно. Главное, что я знаю, что там «Блэк Лейбл». Настроение у меня было великолепным. Я верил, что Сорок пятая появится, что всё будет хорошо. Мне нравилась музыка, рядом сидели приятные люди, и вообще обстановка напоминала мне какой-то до боли знакомый бар, в котором посетители знали друг друга.

В девять вечера она появилась на сцене. Она была… Она была ПРЕКРАСНА. Прошедший год абсолютно не изменил ее. Тот же 45-й номер. Всё тот же смущенный взгляд в стеклянный пол, через который снизу на нее смотрели китайские торговцы пылесосами, пуховиками и прочей дрянью.

Уверенным, не терпящим возражений движением, я протянул менеджеру заранее подготовленный розовый бланк и помахал ей. Главным отличием от бланка годичной давности была отметка, что мне нужен long-time. Нам надо было о многом поговорить. Я всеми своими жестами пытался обозначить свое право. Заслуженное право. Менеджер, как мне показалось, с уважением кивнул Сорок пятой и попросил меня подождать за столом, пока та переоденется.

Всё! Я сделал это, став единственным обладателем своей мечты. Пройдя сквозь годы (ладно, сквозь один год, но зато какой!), я добился своего, сделав сказку былью. Вот сейчас она выйдет и навсегда будет моей. Я судорожно допивал виски, когда за спиной раздался тихий и божественно приятный голос:

– Привет. – Она была в футболке Rolling Stones с фирменным нагло высунутым языком, джинсах и все тех же, тяжеленых на вид, белых кроссовках. Простая, красивая, смущенно смотрящая на меня моя Сорок пятая.

– Привет. Спасибо. Я Алекс.

– Привет, Алекс, Я Пу.

Пу… Ну, наверное, мечту могут звать по-разному. В конце концов, Пу совсем не хуже Олеси или Людмилы.

Мы стояли друг напротив друга, пытаясь сохранить непринужденность. Она пила мгновенно принесенный Lady drink, я нервно грыз остатки льда в своем бокале. Говорить было особо не о чем. Мне хотелось порасспросить ее, чтобы показать, что мои интересы распространяются гораздо дальше Сой Ковбой.

– Откуда ты? – Пу пыталась перекричать музыку, но получалось это плохо.

– Я из России, Санкт-Петербург. – Должна же она, в конце концов, понять, что я не «пробитый» москвич или бандит из Владика. Пу, как мне показалось, удовлетворенно кивнула. Понимает… Общаться с ней мне нравилось, уходить из бара не очень хотелось. Меня обуяло желание растянуть весь этот момент и наслаждаться каждой секундой. Так в детстве объедаешь вкусное пирожное – сначала отрывая обсыпку с краев и украшения, оттягивая момент проникновения в сердце десерта.

– Отель «Баккара»? – с тревогой спросила Пу. Провести ночь в дешевом отеле с картонными стенами без телевизора и кондиционера явно не обрадовали девушку. Видимо, девушкам не сообщают детали заказа, отметил я менеджерскую ошибку персонала.

– Нет, нет, мой отель, но он недалеко, – успокоил я ее, и тут же водрузил флаг над ее крепостью. – У нас long time.

– А, long time, – безо всяких эмоций отметила она. – Окей.

Ну, наверное, действительно, окей. Хотя я надеялся на благодарность за спасение из этого кошмарного плена. С другой стороны, она же меня не знала. Ее индифферентность была вполне понятна.

– Ну что, пойдем?

– Да, конечно. Ты взяла вещи?

– Да, все со мной. – Она показала на крохотную сумочку, в которую мог с трудом влезть телефон с зарядкой и пара кредиток.

– Окей, тогда пойдем.

Я медленно шел позади Сорок пятой, пытаясь поймать на себе завистливые взгляды посетителей. Я был готов оберегать ее от прикосновений и реплик. Мне казалось, что все, абсолютно все сидящие на двух этажах, должны были, увидев нас вместе, грустно плюнуть на пол и потянуться к выходу. Ибо ловить тут более было нечего.

Но никто не встал, никто не плюнул. Более того, добрая половина вообще не заметила нас. Несчастные люди, подумал я,

пытаясь разглядеть, что находится у девушек под одеждой, они не замечают того, что у них в душе, в глазах и в сердце.

Выйдя на улицу, я тотчас же поймал такси, и мы поехали в отель. К счастью, таксист абсолютно не знал города, и дорога, которая обычно занимала десять минут, отняла у нас почти в два раза больше. Водитель спрашивал название отеля и всем своим видом показывал, что таких отелей он знать не должен. Пу пыталась помочь, объясняя ему дорогу, хотя и она, как мне показалось, не слышала об отеле. Но это было не так уж важно. Я сидел рядом с ней, не в силах поверить в счастье.

– Откуда ты? – она зачем-то спросила снова. Не расслышала, наверное, подумал я:

– Россия, Пратхет Русси, – я попытался сказать по-тайски.

– О, Пратхет Русси! – Пу немного оживилась.

– Ты была в России?

– Нет.

– Еще побываешь. – Я перешел к активной части знакомства. – Я в Таиланде уже десятый раз, и мне тут очень нравится.

– О, окей. – Она была немногословной, то ли от смущения, то ли от понимания гендерной субординации.

– А ты из Бангкока?

– Что?

– Ты живешь в Бангкоке?

– Мой английский не хороший.

Это было первым и весьма неприятным открытием. Тут дело не в смущении и не в воспитании.

Как объясняться с ней, если она не понимает элементарных фраз? Ситуация резко осложнилась. К счастью, таксист все-таки нашел известный в Бангкоке отель и с чувством исполненного долга высадил нас у входа.

В Бангкоке, приводя девушку в отель, надо быть готовым к тому, что у нее могут попросить паспорт, а у вас – дополнительную плату за гостью и вашу безопасность. Именно поэтому я и забронировал столик в ресторане на крыше, чтобы избежать этой щекотливой ситуации. Кого я хотел обмануть? У входа в лифт нас вежливо остановил охранник и попросил подойти к стойке регистрации. Пу нисколько не смущаясь вынула паспорт, а я аккуратно вложил туда сиреневую купюру в 500 бат. Однако наверху нас ждал еще один неприятный сюрприз. Так как мы опоздали на ужин почти на три часа, бар мог предложил нам только напитки, а вот поесть мы могли, воспользовавшись услугой Room Service. Не желая расстраиваться по пустякам, я заказал два бокала шампанского и повел Пу к перилам. Заготовленную речь о своих чувствах я решил произнести после

ужина, ограничившись традиционным: «*Приятно познакомиться*». Пу отпила шампанского, словно птичка, и улыбнулась в ответ. Какие слова мне еще были нужны.

В номере Пу непринужденно села на диван и тотчас включила телевизор. Среди множества каналов тайского телевидения, Пу через десять секунд нашла нужный с музыкой и клипами про несчастную любовь. Через мгновение она уже тихонько подпевала какой-то местной Софии Ротару.

Подав ей меню Room Service, я с интересом и некоторым волнением наблюдал за ее выбором. Всё-таки это первая проверка на лояльность и правильное поведение человека с другим менталитетом, воспитанием и моделью семейных отношений. Первым делом Сорок пятая спросила у меня, что буду есть я – первый этап пройден на отлично. Узнав, что я остановил свой выбор на том яме, Пу мгновенно выбрала рис с овощами, цена которого была ниже супа. И, несмотря на мои просьбы, оставалась непреклонной. «*Вот это воспитание*», – удовлетворенно отметил я про себя.

В ожидании блюд, я открыл шампанское, разлил его в подготовленные заранее бокалы и приступил к первой части объяснения.

Говорил я долго, сбивчиво и, как мне казалось, неубедительно. Пересказывать дословно сейчас свою речь я не буду, ибо даже сейчас мне стыдно за те слащавые и примитивные фразы. Я говорил, что, встретив ее год назад, потерял сон и мечтал увидеть ее еще раз. Что намерения мои самые что ни на есть серьезные, что мне хотелось бы пригласить ее отдохнуть на Краби (тайский курорт со скандинавским сервисом и соответствующими ценами), а потом, может быть, съездить в Россию.

Пу смотрела на меня круглыми от ужаса и непонимания глазами. Она постоянно переводила глаза куда-то за мою спину, пытаясь найти там спасительную точку, в которую можно было смотреть неотрывно. Повторяя что-то невнятное, напоминающее, с одной стороны, финское «оу», а с другой, африканское «соки», несчастная девушка покраснела, чем вызвала во мне чувство неловкости. Я затих и взял Пу за руку.

– Ну что, ты согласна? – Ответ мог быть любым, но только не таким, который она смущенно выдавила из себя.

– Извини, я не понимаю хорошо английский.

Год подготовки, месяц шлифовки, неделя заучивания, день сдачи экзамена самому себе – всё это разбилось о банальную стену образования девушки из Исана. Она не знала английского…

– Упс… – Зависшую в воздухе напряженную паузу нарушил

стук в дверь. Принесенный ужин разрядил обстановку. Я использовал паузу, чтобы привыкнуть к новым обстоятельствам, Сорок пятая же с облегчением кинулась распаковывать принесенные блюда.

То, что случилось дальше, в очередной раз разорвало шаблоны моего представления о поведении женщин разных полушарий.

В свое время первый серьезный конфликт с женой у меня возник как раз на почве ужина. Вернувшись с работы как-то вечером, я застал ее над тарелкой супа.

– Будешь борщ?

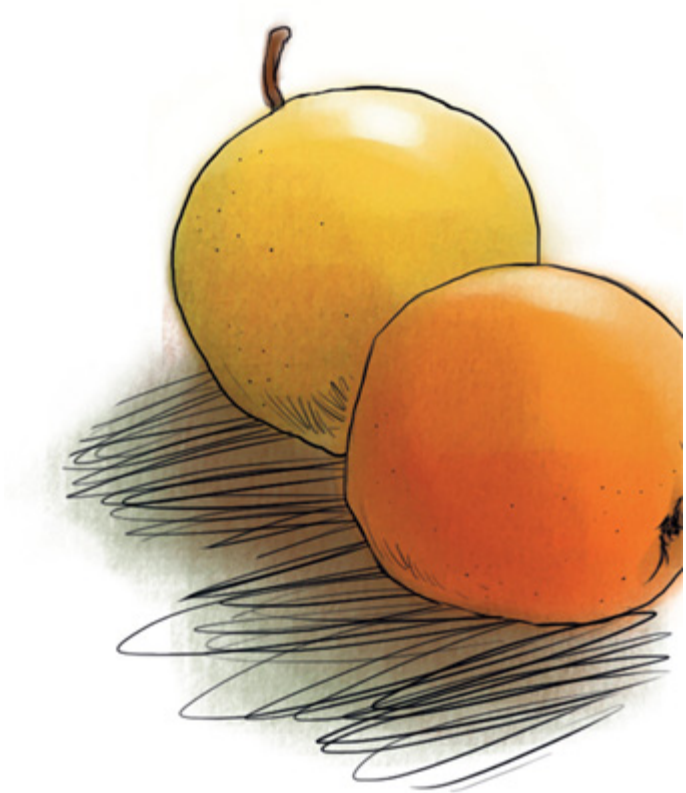
– Буду.

– Хорошо, раздевайся, я сейчас доем и подогрею тебе.

После этих слов я не разговаривал с женой почти месяц. И всё считал, что слишком рано ее простил. Ведь дело было не в супе, я мог бы съесть его и часом позже. Меня справедливо возмутило поведение жены, которая считала, что существует какая-то иная очередность действий при появлении мужа дома. Уж так я был воспитан.

Поэтому, когда Пу, вооружившись ложкой, придвинула к себе тарелку с рисом и моим том ямом, я насторожился. «*Мало того, что она кинулась есть, так еще и отобрала у меня моё блюдо*», – грустно подумал я, понимая, что в очередной раз переоценил свои надежды. Но Сорок пятая аккуратно перелила часть супа в рис (да, именно в таком порядке следует есть полюбившийся вам суп: не рис в суп, а наоборот, поливая рис бульоном, и есть именно из плошки с рисом), положила сверху креветку и, о чудо! – поднесла ложку к моему рту! Понимаете?! Меня кормили с ложки. Последний раз это делала мама, и то, честно говоря, я этого момента не помню. А тут, спокойно, как само собой разумеющееся, девушка кормила меня. Ее тарелка при этом стояла нетронутой и ждала своей очереди.

Поначалу я старался есть быстро, чувствуя некоторую неловкость, но в середине трапезы вдруг отчетливо понял, что для тайской, воспитанной в деревне девушки, это было абсолютно нормальным поведением. Она не ждала похвалы, ей не хотелось равноправия. Она понимала, кто должен есть первым. И это было прекрасно. «*В конце концов, какая разница знает она английский или нет,* – гнал я от себя печальные мысли об интеллектуальном уровне моей избранницы. – *Учить-то ей предстоит русский, так даже проще».*



– А откуда ты? – Я стал тщательнее подбирать слова, чтобы Пу легче было понять, а мне разобраться в сложившейся ситуации.

– Я из Таиланда.

Так, терпение и еще раз терпение. Она же тоже волнуется…

– Да? Действительно? А откуда? Из Бангкока?

– Нет, я приехала в Бангкок год назад из Кората. Это Исан.

«*Ну вот, всё складывается не так уж плохо, значит, она и вправду совсем недавно занимается этим*», – облегченно оклеивал я Сорок пятую листиками золотой фольги, словно статую Будды в храме. Мне очень хотелось, чтобы реальность хоть немного соответствовала воображаемому почти год образу.

– Я хорошо знаю Исан и очень люблю исанскую кухню.

Зачем я врал, было непонятно. Исанская кухня, конечно, интересна, но только для продвинутых ценителей азиатской еды. Основу рациона этой, в общем-то, бедной провинции составляет липкий рис, который местные жители обильно сдабривают разными специями. Кроме того, эта кухня знаменита еще и употреблением в пищу разнообразных живых существ, например,

ящериц, лягушек, а также жареных кузнечиков, сверчков, шелковичных червей и навозных жуков. Признаваться вот так, на первом свидании в любви к кухне твоей избранницы было смело. Но то ли любовь моя затмила разум, то ли шампанское окончательно перемешалось в голове с ромом… Я сыпал комплиментами в адрес традиций и обычаев северного народа, стремясь наладить доверительные отношения с Пу. Она смущенно кивала, охала и пыталась в перерывах всё-таки не упустить канву событий тайского сериала, развивающегося у меня за спиной.

Следующим блюдом нашего торжественного ужина был фирменный десерт отеля – «Фондан с зеленым чаем». Его принесли отдельно, через полчаса после основных блюд. На красивой черной доске из лавовой слюды диковинные для Тая малина и черника обрамляли высокую шайбу из теста приятного зеленого цвета. Зная секрет этого десерта, я, в свою очередь, подвинул к Пу тарелку, медленно вонзил длинную десертную ложку и буквально вырвал кусок фондана. Жидкая начинка податливо стала вытекать на черное блюдо.

– Оу! – Этот возглас лишь частично выразил абсолютно искреннее детское изумление Пу, увидевшей оживший десерт. Она завороженно смотрела на крем, медленно скрывающий ягоду за ягодой. Это, явно, было одним из самых впечатляющих зрелищ, которые бедная деревенская девушка видела в своей жизни.

Ужин подошел к концу и неловкость момента приняла угрожающие масштабы.

Пу стреляла в меня короткими очередями взглядов, пытаясь уловить момент, когда надо будет «расплачиваться за ужин». Я же всеми силами пытался остановить летевшее в пропасть время и понимал, что неизбежность перехода к активным действиям уже стучит мне в виски.

Выпив для храбрости почти полный бокал шампанского, я подошел к Пу и присел на корточки. Глаза мои практически уперлись в казавшиеся детскими коленки. Это даже на секунду отрезвило меня, и я понял, что нарушил одно из самых главных правил поведения иностранца при общении с проститутками. Паспорт. Нужно было обязательно потребовать у нее паспорт, чтобы неожиданно не оказаться утром в тюрьме «Бангкок Хилтон» в ожидании приговора по делу о растлении малолетних.

– Сколько тебе лет, Пу? – Лучше поздно, чем никогда решил я.

– Как ты думаешь?

– Ну, – голос мой, несмотря на внутренний протест, задрожал. – Хм, двадцать… два?

– Ха-ха, нет, двадцать пять!

– Не может быть? – Она и вправду не тянула на двадцать пять, хотя, честно сказать, я и не помнил, как выглядят девушки в этом возрасте. Тем более, если это тайские девушки, которые до определенного момента выглядят, как шестнадцатилетние, а потом за одну ночь словно проживают полжизни, просыпаясь сорокалетними бабушками.

– Хочешь посмотреть паспорт? – она потянулось к сумочке.

– Нет, нет, я верю, – радостно пустил я петуха, – просто ты очень… молодо выглядишь.

Со стороны, наверное, может показаться, что это был непринужденный диалог двух знакомых. На самом же деле это было похоже на долгий и явно не доставляющий удовольствия разговор двух аутистов, каждому из которых совершенно не хотелось вылезать из своей раковины.

Набравшись смелости, я совершил второй подход к снаряду: взяв Пу за руку, я постарался быть крайне доходчивым:

– Пу, я хочу с тобой поговорить. – После этих слов, Сорок пятая, как мне показалось, приготовилась к неприятностям. Именно так, видимо, маньяки, забиравшие ее из «Баккары», объясняли свои следующие садистские намерения. – Ты мне очень понравилась еще год назад. Я тогда хотел с тобой поговорить. Но не нашел тебя в тот день, в ноябре. Ты, конечно, меня не помнишь. – Пу удивленно покачала головой, она понимала мои слова и это вселило в меня уверенность. – Я специально приехал сейчас в Бангкок и нашел тебя, чтобы… – в горле пересохло и я потянулся за бутылкой. Не дав мне выпрямиться, Пу вскочила и мгновенно наполнила мой бокал. – Спасибо, Пу. Слушай, мне не хочется просто заниматься с тобой сейчас сексом. Я хочу, чтобы ты поехала со мной в Краби на неделю. – Увидев ее изумленный взгляд, я поспешил уточнить: – Не переживай, я оплачу поездку, штраф бару и заплачу тебе сколько скажешь. Потом, если мы подружимся, я хотел бы, чтобы ты поехала со мной в Россию. Ты мне очень нравишься.

Фу, стало легко и празднично! Я вновь показался себе сильным и способным на поступки человеком. Перед глазами пронеслись картинки из будущего.

Пу сидела тихо и, не моргая смотрела новости, сменившие идиотский сериал. «*На шею она не бросилась, и это хорошо*, – подбодрил я себя. – *Дави до конца! Не давай опомниться*»

– Что скажешь, Пу? Ты согласна?

Девушка сидела недвижно, превратившись в ледяную фигуру. Я взял ее крохотные ручки и поднес к своему лицу.

– Пу, – тихо и проникновенно, как мне показалось, произнес я, – что ты скажешь?

Чуть помедлив, Сорок пятая придвинулась ко мне на пару сантиметров, опустила голову, закрыв все лицо волосами, и вдруг сказала:

– Я пойду в душ, окей?

Немного опешив, я кивнул и попытался подняться, однако тысячи крохотных иголок пронзили икры ног, и я чуть не свалился на пол. Видимо, говорил я дольше, чем мне казалось, и ноги затекли в неудобной позе.

Пу, собрав со столика пустые тарелки, деловито, но с очевидным пиететом унесла их ко входной двери, открыла ее и привычно поставила на пол в коридоре. Что-что, а в особенностях Room Servis она разбиралась не хуже меня. После этого, она незаметно юркнула в приоткрытую дверь ванной комнаты, и через мгновение за ней раздался шум льющейся воды.

Я был несколько раздосадован ее реакцией, но с учетом трудностей перевода, дал ей фору. Не каждый раз ей предлагают уехать. Ну на Краби возможно, но в Россию? Нет, ребята, тут я точно первый у нее.

Вспомнив про железобетонный аргумент, я кинулся в прихожую, достал из сумки футляр с кольцом и так же стремительно вернулся назад к большой двуспальной кровати. Спрятал кольцо под подушку в надежде, что финальный удар я нанесу уже после того, как все случится. Или подарить сейчас? Чтобы она не думала, что я такой же как все. Так размышлял я, пока из ванной не выпорхнула миниатюрная статуэтка, обернутая в большое белое полотенце. От этого ее светлые волосы казались еще более светлыми, и вообще создавалось ощущение нереальности. Она аккуратно скользнула в кровать, не придав этому движению ни грамма сексуальности. И окончательно тем самым вскружив мне, вместе с шампанским, голову. Я кинулся в душ…

* * *

…Лежа в кровати сразу после секса, я готов видеть в лежащей рядом женщине кого угодно, только не предмет обожания или даже банального желания. Чувство вины, разочарования, страха, злобы, самоедства, простого беспокойства… Чего угодно, но не блаженство и негу. Так было всегда. Но не в этот раз. Кончики пальцев еще ощущали невероятную гладкость шелковой кожи, ее аромат еще пьянил, в закрытых глазах словно отпечатался ее взгляд, удивительной глубины.

Сам секс был ужасным. Скомканным, неуклюжим и каким-то

примитивным. Не было гармоничного единения двух душ и тел в первобытном танце страсти и любви. Отчасти я был несказанно этому рад. Мне казалось, что посредственный секс может доказать мои глубокие чувства к ней, основанные на сотканной наспех невесомой и невидимой материи чувств.

Мои ожидания оправдались. Обессиленный, скорее от эмоций этого вечера, чем от физических усилий, я повернулся к Пу и потянул ее к себе. Беспрекословно подчиняясь, она, тем не менее, очень аккуратно и незаметно успела положить между нашими телами тонкое одеяло, которое я даже не сразу почувствовал. Запустив руку под подушку, я решил, что время последней атаки наступило. Час ночи. Надо еще обо многом поговорить. Теперь все формальности соблюдены, и Сорок пятая должна, по всем законам женского поведения, преодолеть барьер смущения и неловкости.

– Пу, – прошептал я в ушко лежащей рядом мечты, – посмотри, это тебе.

Я не стал раскрывать футляр, и уж тем более вставать на колено. Во-первых, я был голый, и сама мысль о голом мужчине, стоящем на колене с протянутой рукой, должна была вызывать у любой женщины чувство презрения и собственного превосходства. Даже если в протянутой руке кольцо. А во-вторых, я уже понял, что Пу правильно воспитана, и мужчина в ее представлении не должен опускаться на колени. Мужчина не должен был опускаться в ее глазах даже на одно колено.

– О нет, не надо, – вдруг с каким-то странным придыханием запричитала она.

– Почему? Это тебе подарок, это просто кольцо, – мгновенного и ожидаемого эффекта на Пу мой поступок не произвел, – послушай, ты мне очень нравишься, и я хочу, чтобы оно было у тебя.

Пу несколько секунд не двигалась, пытаясь, видимо, притвориться неодушевленной. Потом осторожно взяла футляр и, не открывая, положила его на тумбочку.

– Может откроешь и посмотришь? – Мне было одновременно и смешно и немного обидно. Но Пу неожиданно привстала на кровати, прикрывая маленькую упругую грудь одеялом.

– Извини, можно я пойду домой?

– Домой? – Пришла моя очередь удивляться. – Подожди, у нас же лонгтайм. – Я тут же вспомнил про «оплаченное» время и решил, что так проще достучаться до ее сердца.

– Да, но, мистер, у меня дома плачет ребенок, папа дома один. Можно я поеду?

Папа. Ребенок. Плачет. Один.

Эти слова гулко отдавались в моем черепе. Стандартная схема. Ничего нового. Хотелось сразу закричать туда, в свой череп: «Предупреждали же! Думал будет по-другому?» Моя мечта стремительно исчезала. Все картинки будущих встреч с друзьями сгорали в невидимом пламени.

Так, наверное, чувствует себя человек, проверяющий в лотерее выпавшие семь номеров. Постепенно, не торопясь, он отодвигает ладонь на одну цифру и с возрастающим волнением видит, что цифры именно те самые, которые он загадал неделю назад. Осталось три, две, одна… Все совпали! Все до одной! Уже перехватило дыхание. Уже отпустило. Человек аккуратно перепроверяет себя еще раз и дрожащим голосом зовет домашних. И вот они уже рядом и недоуменно ждут. Человек набирает полную грудь воздуха, чтобы тихо так сказать: «*Ребята, у меня совпали все СЕМЬ цифр*», он даже начинает набирать воздух в легкие, как глаз вдруг предательски утыкается в графу «серия билета». И он понимает, что серия не та. А воздух уже в легких. А домашние уже ждут. И недоумевают. И легкие тоже удивлены и ждут развязки. А человека уже нет. Он растворен в этой несправедливости. И ему хочется просто исчезнуть…

Вот теперь я правильно объяснил свои чувства. Ведь дело было не в том, что у нее папа или ребенок. С этим можно было жить. Но то, что всё это время она терпеливо работала, думая только о том, чтобы поскорее уйти, разорвало мою систему координат.

Откинувшись на подушку, я закрыл глаза. Нет, слез там не было. Я почувствовал облегчение. Да, да, именно облегчение. Словно какая-то сковывающая разум пелена слетела, и мир стал прежним. Прожжённым и циничным.

– Мистер, можно я пойду домой? Ребенок плачет.

– Нет, Пу. Извини. Я заплатил за всю ночь, поэтому до восьми

утра ты останешься тут. – Даже не открывая глаз, я возрождался от сна. И мне решительно это нравилось.

– Окей, мистер. Может, еще раз и потом я пойду? – Она фальшиво прильнула к моей груди, и я вновь почувствовал шелковистость ее кожи.

– Нет, Пу, ты уйдешь в восемь утра, окей?

– Окей, мистер.

Она легла и уставилась в телевизор, радостно рассказывающий про автоаварии в Бангкоке и связанные с этим пробки.

«*Абшит, эксцэ́ссит, эва́ зит, эру́ пит*», – сказал Цицерон. Убежал, спрятался, спасся, скрылся. Прямо вот в самую точку. Как со мной это могло произойти? Я, разумный, с достаточной долей скепсиса, современный, не побоюсь этого слова, метросексуал, оказался втянутым в какой-то удивительный фантасмагорический сценарий, да еще и написанный собственноручно! И ведь вылечился я не сам. А только благодаря ей. Чистой, откровенной и абсолютно честной Пу. Моей Сорок пятой.

Лечение, мастерски проведенное девушкой, надо было закрепить, чтобы не попасть еще раз в тот же поставленный

самим собой капкан. Но как? Как предотвратить рецидив?

Я повернулся к Пу, тихо и покорно ожидающей конца смены. Обняв за голову, я притянул ее к себе…

…Иногда секс с проституткой бывает очень хорошим. Гораздо более чувственным и откровенным. Потому что вы оба понимаете свою роль.

– Пу, можешь ехать. – Я, физически обессиленный на этот раз, откинулся на подушки.

– Спасибо, мистер. – Она мгновенно подскочила. – Я могу использовать душ?

– Да, конечно. – Я был благодушным.

Достав из жалко висящих на стуле брюк (мужские вещи вообще всегда выглядят жалко, когда их раскидывают в порыве страсти) тысячу бат, я посмотрел на футляр и засунул туда купюру, закрепил выпавшее из прорези в подушечке кольцо и положил его сумочку Пу. Понятно, что кольцо это она заслужила хотя бы тем, что год держала меня, сама того, не зная в атмосфере любви и желания.

На экране мелькали тайские красотки, рекламирующие витамины, картофельное пюре и пылесос одновременно. Я удовлетворенно закрыл глаза, подводя итоги этого романтического, без сомнения, приключения.

Из глубокого и счастливого сна меня выдернул звонок с ресепшен:

– Мистер, это ресепшен. От вас сейчас вышла девушка. Посмотрите, пожалуйста, все ли вещи на месте, можем ли мы ее отпускать?

Милый тайский сервис, они всегда на страже интересов гостей. Особенно, когда ты даешь портье пятьсот бат за возможность пригласить девушку к себе.

Я оглянулся по сторонам. Бумажник на месте, купюр меньше не стало. Паспорт просвечивал сквозь карман рубашки. Вроде все на месте. Хотя, стоп – на журнальном столике лежал футляр. Я открыл его и увидел ставший мне родным блеск кольца, который я много раз представлял на пальце моей мечты. Купюры в футляре не было. Пу понимала границы дозволенного.

– Да, всё на месте, поблагодарите ее.

– Доброй ночи, мистер.

– Доброй ночи.

* * *

С тех пор я бывал в Бангкоке раз двадцать. Раз десять

проходил мимо станции Асок. Раз пять заходил в бары на Сой Ковбой. Скорее, по привычке, нежели по велению сердца. Но никогда, никогда не заглядывал в лучший бар на всей Земле, «Баккару».

Сорок пятая все-таки осталась со мной. В каждом ресторане, который я открываю, в меню есть фондан с белым шоколадом и зеленым чаем. И называется он «Моя Сорок пятая мечта»

Рецепт супа Том Ям

Тайская кухня построена на сочетании четырех элементов: сладкого, кислого, острого и соленого. За соль в том яме отвечает рыбный соус нам пла, за сладость – сахар, кислоту дают листья и сок лайма, остроту и пряность – перец чили и имбирь.

Название пряного тайского супа состоит из двух слов: «*том*» означает «варить», а «*ям*» – по одной из версий, «острый салат». Если в блюдо кладут креветки, то оно называется Том Ям Кунг, если рыбу – Том Ям Пла, если курицу – Том Ям Кай.

Туристы в Таиланде уверены, что классический Том Ям готовится с кокосовым молоком и галангалом, но на самом деле первый компонент стали добавлять только в 1980-е годы.

Известный поэт Сунтон Пу, которого за реформу национального стихосложения называют тайским Шекспиром, в начале XIX века создал «Наставления для женщин», где в число необходимых умений включил мастерское приготовление Том Яма. А в конце того же столетия блюдо вошло в меню королевской кухни.

Что взять

• 2 столовых ложки пасты том ям
• 2 стакана кокосового молока
• 2 стакана рыбного бульона
• 2 столовых ложки тайского рыбного соуса
• 10 штук больших креветок в панцире с головой
• 6 штук сухих листьев каффир-лайма
• 1 корень галангала (имбиря) среднего размера
• 2 маленьких перчика чили
• 3-5 штук грибов шиитаке (можно заменить шампиньонами или вешенками)
• 2 стебля лемонграсса (лимонное сорго)
• 1 пучок кинзы
• 1 столовую ложку тростникового сахара
• 2 лайма
• 4 зубчика чеснока
• 1 чайную ложку кунжутного масла
• Растительное масло для обжарки

Что делать

1. Сухие грибы шиитаке замочить в холодной воде, затем сварить до готовности.

2. Стебли лемонграсса нарезать полосками, корень галангала тонкими слайсами, порубить зелень кинзы. Отжать сок лайма.

3. Чеснок и чили перец мелко порубить, а затем растереть в

ступке с добавлением кунжутного масла.

4. В кастрюле соединить кокосовое молоко и рыбный бульон, довести до кипения, добавить заготовленные корни, стебли и специи. Добавить листья каффир-лайма, рыбный бульон и нарезанные грибы шиитаке или вешенки. Добавить сок лайма, соль и тростниковый сахар, регулируя вкус.

5. Добавить промытые креветки и варить еще 2 минуты.

6. Разлить суп по тарелкам, украсив зеленью кинзы. Подавать с отварным азиатским рисом.

Рецепт лава-кейка «фондан матча»

Этот десерт довольно молодой – фондан стал всемирно популярным только в конце XX века. О его происхождении спорят несколько именитых кулинаров.

Французский повар Жан-Джордж Фонгерихтен утверждает, что впервые приготовил фондан в 1987 году, будучи шеф-поваром нью-йоркского ресторана «Лафайетт» в отеле «Дрейк», и это был не специально придуманный рецепт, а просто ошибка с его стороны.

Матча (иногда также маття) – японский порошковый зелёный чай, традиционно использующийся в классической японской чайной церемонии. В наше время матча также широко используется как пищевая добавка к различным японским десертам вагаси, мороженому с зелёным чаем, кофейным напиткам и а также к лапше соба.

Что взять

• 1 плитку (100 г) белого шоколада
• 2 столовых ложки сливочного масла
• 0,5 стакана муки
• 1,5 столовой ложки сахарной пудры
• 1 чайную ложку матча
• 2 крупных яйца
• 1 столовую ложку белого сахара

Что делать

1. Для приготовления рецепта необходима форма для кексов или фондана.

2. Белый шоколад со сливочным маслом растопить на водяной бане до гладкого крема. Охладить.

3. В отдельной емкости венчиком взбить яйца и сахарную пудру. Частями добавить теплый шоколад. Смешать муку и пудру матча, просеять и добавить в тесто, хорошо взбить венчиком.

4. Подготовить формы (из данного количества получается три кекса в форме диаметром семь см). Формы смазать сливочным маслом, посыпать дно и бока сахаром. Заполнить формы на 2/3 и поставить в разогретую до 180 градусов духовку на 12 минут.

5. Если сверху кексы испеклись, а серединка продавлена, значит, они готовы.

01:23

Санкт-Петербург, Россия. Вспоминая нору

Я стараюсь держаться сразу за несколько веточек. С одной веточкой живу, с второй переписываюсь, третья мне по делу помогает, на четвертую смотрю, пятую примечаю.

С просторов Интернета

– А ты всех своих бывших помнишь? – Стандартный вопрос для девушки, разница в возрасте с которой заставляет вспомнить о геометрической, а не арифметической прогрессии, требовал необычного ответа, но сил на это уже не осталось:

– Нет, только брюнеток, но не переживай, Тебя я буду вспоминать всегда.

Она по-детски надула губы.

– Хорошо. – Она отвернулась и зарылась с головой в одеяло, явно пытаясь обидеться. – А то на теле не останется места.

Через час навсегда увезет это милое юное создание из моей холостяцкой квартиры, оставив мне мои маленькие привычки, типа часового просиживания с новостями телеграммных каналов или просмотра сериала «Слепая» на ТВ3.

И, чуть помедлив, ее мозг, испорченный клиповым мышлением, не выдержал секундной паузы между картинками:

– А кто такая Нора?

Я промолчал. Было ясно, чем этот разговор закончится. Вчера, в момент нашего знакомства, я бы обязательно придумал трагическую историю о погибшей девушке и ее маленьком котике. Нет, собачке. Но сейчас это было абсолютно лишнее. Всё уже произошло, вечером она этот вопрос не задала, а теперь наши отношения перешли в разнонаправленные векторы: она пыталась понять, кто она мне, а я с надеждой думал о Яндекс-такси, который через час навсегда увезет это милое юное создание из моей холостяцкой квартиры, оставив мне мои маленькие привычки, типа часового просиживания с новостями телеграммных каналов или просмотра сериала «Слепая» на ТВ3.

* * *

Очень хочется найти менеджера в ресторан. Такого, чтобы он снял с тебя всю головную боль: энергичного, креативного, свободного и активного. Соскучившегося по работе.

А где такого найти? Да их полно. На детских площадках! Молодые мамы, уставшие от семейных забот и рвущиеся на работу. Ага….

Брать на должность менеджера ресторана молодую маму неразумно. Это преступно и может караться по всей строгости ресторанного кодекса чести. Потому что ты отдаешь ресторан не персоналу, ворующему у тебя деньги. Не любовнице, устраивающей из места, приносящего тебе доход, общественную примерочную и кабинет психолога. Ты передаешь свой бизнес, иногда дело всей жизни, свое спокойствие и благосостояние маленькому существу, плюющему на всё вышеперечисленное. Диатез, садик, заболевшая воспитательница, колики, прививки… Всё это заполняет твою, казавшуюся до этого хлопотной и сложной, жизнь. И именно в этот момент ты понимаешь, что та, прошлая, жизнь была счастливой и как раз самой беззаботной. Потому что теперь ты работаешь еще больше, попутно решая проблему с памперсами и детским питанием, которые не вовремя привозит доставка. И сказать об этом как-то неудобно: это уже вроде и твой ребенок. И узнав о болезни маленького мерзавца, ты с готовностью и состраданием оставляешь его маму дома, а сам, проклиная всё и всех, судорожно вспоминаешь, как надо открывать смену в ресторане.

Увидев на пороге кабинета нового претендента на должность менеджера, я судорожно зажал в руке ее резюме: такая удача встречается нечасто. Красивая, добрая, по-детски наивная и одновременно суровая, она отвечала всем моим, нет, даже не требованиям, а мечтам и чаяниям. Надо ли говорить, что я влюбился примерно в ту же самую секунду, когда она кивнула в ответ на мое предложение приступить к работе завтра.

Тот факт, что кроме кошки по имени Нора близких людей в городе у нее не было, придало мне уверенности, и я привычно принялся нарезать круги, при любом удобном случае распуская павлиний хвост.

Маша была отзывчивой девушкой, которая переживала о своей кошке так, как многие матери не думают о своих детях. Она ежедневно отпрашивалась у меня на час-другой, чтобы покормить Нору. Не являясь зоозащитником, и даже просто любителем кошек, я с радостью отпускал ее, умиленно глядя вслед такой заботливой девушке. Это была почти нездоровая страсть к

животному, граничащая с безумием. Я, никогда не любивший животных и потому не имевший их дома, слабо понимал, как можно терять сон и спокойствие из-за того, что у кошки сухой (или мокрый, не помню точно) нос и ломкие усы. Если она так заботится о кошке, как она будет любить детей, спрашивал я себя и сам пугался таких вопросов.

Я живо интересовался ее личной жизнью. Слушал рассказы Марии о ее, естественно, неблагодарном кавалере, женатом, да еще и не желающим бросить свою пожилую (на семь лет младше моей, как я мысленно отметил для себя) жену. Кроме того, он не был большим любителем кошек, поэтому Норе крепко доставалось от него. Мы обсуждали его гадкие поступки, она часто плакала у меня в кабинете в поисках поддержки, и я понимал, что нашел свое предназначение.

День, когда она, не предупредив меня, опоздала на работу, перевернул всю мою жизнь. Появившись только к обеду, она зарыдала у меня на плече и сообщила, что беременна от него. Я был в бешенстве! Само собой, он не хотел этого ребенка и предлагал Маше деньги на аборт. Моему презрению не было предела. Я отпаивал ее свежевыжатым гранатовым соком и предоставил ей, нет не отпуск, но абсолютно свободное посещение, понимая, что сейчас рядом должен быть настоящий друг, а не бесчувственный работодатель. Конечно, ребенка она оставлять не захотела, потеряв веру в порядочных мужчин.

Я негодовал вместе с ней, успокаивал ее и предлагал варианты возможной мести. Несколько раз мы встречались в городе, гуляя по паркам (страшное мучение, на которое, я,

однако, мужественно соглашался, понимая, как важны эти прогулки для потерявшей почву под ногами девушки), а потом предложил ей съездить со мной на ресторанный фестиваль в Маастрихте. В предстоящей поездке ее не пугала реакция ее почти бывшего кавалера и мои брачные узы. Марии не с кем было оставить Нору. Она отказалась.

Вот уж не думал, что жизнь моя будет зависеть от кошки! Так думал я. И решил брать судьбу за хвост. Пансионы и гостиницы были отметены Машей мгновенно, – Нора была, судя по ее словам, кошкой очень тонкой душевной организации и не выдержала бы чужих стен. Пришлось договариваться с напарником Маши, латентным гомосексуалом Тимуром, который не без капризов согласился помочь нам троим в построении будущего. В день отъезда плакали все. Тимур, Нора, я. Но на Машу было страшно смотреть. Она почти час носила толстую кошку на руках, шептала что-то ей на ухо, рыдала, пела песни и просила прощения…

Маастрихт встретил нас невообразимым фейерверком вкусов, чемпионатов голландского пива, безлимитными устрицами и божественным куриным паштетом от роттердамского шеф-повара Паскаля ван ден Брука. Именно его блюдо стало победителем в номинации «Лучшее блюдо под пиво». Благодаря распахнутым Машиным глазам и моему знанию основных пошлых и смешных голландских фраз, заученных еще во время работы в «Сенате» и «Трибунале», мы подружились с талантливым поваром и после десятого бокала Oranjeboom мы стали владельцами секретного рецепта паштета Den Brook. Маша немного отошла от тревожащей ее истории с предательством и впервые за долгое время вновь улыбалась миру. Про Нору она не вспоминала.

Естественно, самым действенным методом мести ее бывшему стала ночь, проведенная нами вместе в первый же день командировки. Вернулись домой мы совершенно в другом статусе. К обоюдному согласию.

Наученный постыдным поведением своего предшественника, я не намеревался жить на две семьи и уже через три дня предложил ей переехать в снятую для нас уютную квартирку на юге города. Она задумалась… и через час мы уже упаковывали ее нехитрый скарб в предусмотрительно сохраненные Машей от прошлого переезда коробки.

– Надо еще заехать к Тимуру, – сказал я. Мне хотелось быть для Маши защитником и хранителем всех ее ценностей.

– Зачем? – Она искренне удивилась.

– Как зачем, надо Норе показать ее новый дом. – Я был рад достигнутым эффектом. – Я и с хозяйкой договорился, она не

против котов.

– А-а-а, Нора… Да, спасибо, милый. – Мария прижалась ко мне щекой. – Мне так приятно, что ты нас любишь. Ты такой заботливый!

Конечно, заботливый, подумал я. Знала бы Маша, что я уже заказал для толстой Норы корм, новый туалет и, о ужас, траву! Я не знал, что кошки питаются травой, но продавщица почти подняла меня на смех, и я взял сразу упаковку.

– Давай сначала устроимся сами, милый. – Маша даже в такой момент думала о психологической травме своей пушистой подруги. – Ей так тяжело привыкать к новому дому. Пусть пока поживет у Тима.

– Хорошо, как знаешь. – Давить на столь тонкую душевно организованную девушку было неправильно. Да и куда торопиться, впереди вся жизнь. Я, Маша, дети и Нора.

Следующий раз я напомнил Маше о Норе почти через год. Тимур переезжал к другу, хозяйка квартиры которого была противницей животных.

– Послушай, Маш, может, заберем Нору домой? – спросил я ее как-то зимой, готовя на годовщину знакомства волшебный паштет Den Brook, который связал наши судьбы.

– Нору? Какую Нору? – Мария искренне удивилась.

– Как какую? Твою Нору. Ты что, кошку свою забыла? – Я был в замешательстве.

– А, ты о кошке. – Маша тепло улыбнулась, развеяв прокравшиеся сомнения. – Я не думаю, что это хорошая идея, Бус. Шерсти от нее много. Я только очистила все свои вещи. – Она называла меня Бусом, добавляя по моей просьбе мужественности в обычное Бусинка: – Я думаю, Тим сможет договориться с хозяйкой. Ведь Леша, друг Тима, тоже так привязался к Норе. Она их объединяет.

Вы можете отдать своего ребенка кому-то, чтобы у того, другого, не разрушилась личная жизнь? Вот и я не могу. А Мария могла. И ребенка, и Нору, которая была ей роднее любого ребенка. Вот она, настоящая жертвенная любовь…

…Расстались с Машей мы осенью, не успев отметить трехлетие нашей совместной жизни. Отношения постепенно портились, усугубленные моим нежеланием их оформить. Почему это происходило, я понять не мог. Не знаю, сыграл ли тот факт, что Нора так и не вернулась к своей хозяйке, но в какой-то момент я, сам того не подозревая, перестал видеть ее в своих мыслях в качестве матери моих детей. Я с интересом стал следить за тем, как Нора, ее любимица, просто исчезла из ее жизни. Стерлась. Пропала. Растворилась. Отдав кошку на время

двухдневной поездки в Маастрихт, Мария так ни разу не видела ее. Даже больше – она ни разу не спрашивала про Нору у Тимура!

В один из вечеров мы сильно поругались, и я ушел. Маша через три месяца познакомилась с турком, вышла замуж и забеременела. О чем радостно и победно сообщила мне ВКонтакте.

Я же забрал Нору к себе, но, неожиданно выявив у себя аллергию на кошачью шерсть, через три недели мучений вернул несчастную кошку Тимуру, у которого она и живет до сих пор.

А я в тот же день отправился в тату-салон и сделал, словно герой фильма Memento, татуировку, чтобы не забыть произошедшее.

* * *

– Ну, не хочешь говорить, не говори, – в милом голоске звучали обиженные нотки. – Не очень-то приятно утром после секса видеть у мужчины татуировку Remember Nora (помни Нору).

– Мой дружок, я клянусь тебе, что с Норой меня не связывало ничего, кроме общего открытия.

– Открытия? – Девушка повернулась ко мне и широко распахнула глаза, пытаясь изобразить изумление. – Ты секретный ученый? А какое открытие вы с этой Норой сделали? Ну-ка рассказывай. – Она схватила своими, почти детскими ручонками мое стремительно увядающее лицо. – Я хочу знать, вдруг ты получишь, как ее, «норбилевскую награду», и я стану женой миллиардера.

– Да нет, – я улыбнулся, – закон известен давно, закон обезьяны и ветки. Потом расскажу, сейчас не интересно. Пойдем завтракать?

– Нууу, – капризно загнусавила девушка, – мне этот закон тоже, может быть, нужен.

– Конечно нужен. – Я совершенно неэлегантно выполз из-за одеяла. – Боюсь, ты его знаешь. Давай лучше, я дам тебе рецепт паштета, который ты вчера хвалила.

– Да? – Она смешно выпятила нижнюю губу, неуклюже пытаясь изобразить каприз. – Ну ладно, пойдем. Помни свою Нору сам, если это так важно.

«*А ведь это, действительно, важно*», – подумал я.

Важно помнить Нору.

Всем мужчинам.

Рецепт куриного паштета Den Brook

Что взять

• 1 килограмм куриной печени
• 3 моркови среднего размера
• 3 луковицы среднего размера
• 3 зубчика чеснока
• 100-120 граммов гусиного или куриного жира
• Соль
• Черный перец
• 100 граммов сливочного масла
0,5 стакана сливок
• 50 мл портвейна Old Invalid
• Щепотку тертого мускатного ореха
• Топленое масло для запечатывания

Что делать

1. Печень промыть холодной водой и очистить от жилок. Печень с зеленым мешочком или такого же цвета пятном выбросить, она испортит весь вкус. Переложить в миску, залить молоком и оставить на час.

2. Выложить на сковороду гусиный жир, растопить его. Добавить последовательно нарубленный чеснок, лук, нарезанный кольцами, натертую на терке морковь. Пассеровать до полуготовности.

3. Отжатую печень промыть еще раз под проточной водой и выложить в сковороду к овощам. Накрыть крышкой и жарить 2-3 минуты. Потом аккуратно перевернуть и жарить еще 2 минуты. Добавить соль и черный перец. Снять с огня, немного остудить и переложить в блендер.

4. Туда же поместить нарезанное кубиками сливочное масло комнатной температуры. Взбить. Добавить мускатный орех, немного сливок и портвейн. Взбить еще раз до однородной массы. С помощью оставшейся части сливок добиться шелковистой структуры.

5. Предложить массу в огнеупорные банки для запекания, не допуская воздушных пузырей. Запечатать топленым маслом и поставить на 20 минут в духовку на противне, заполненным водой так, чтобы банки находились наполовину в воде.

6. Вынуть банки, остудить. Подавать с подсушенным багетом и черносмородиновым желе.

Мтиулети, Грузия. Кетеван должна жить

Заседание кавказского отделения «Русского географического общества», которое Георгий Глахович Бурдули приютил в своем «Гранд-отеле», закончилось скандалом, вызванным новостями из Петербурга. Учительница Владикавказского лицея Мария Преображенская, первая русская женщина, поднявшаяся на Казбек, прямо на заседании устроила настоящую истерику, обвинив Башира Талгата в подстрекательстве к народным волнениям, из-за которых у нее сорвалась очередная экспедиция к Девдоракскому леднику, где планировалось установить метеорологическую будку. Талгат поднял ее слова на смех, заявив: «*Женщине надобно думать о семье, а не о градусниках на Кавказе. Об этом позаботятся мужчины*». Для Марии эта тема была особенно болезненная, поэтому любое упоминание о ее неудавшейся семейной жизни, от которой она сбежала из Петербурга сюда, во Владикавказ, мгновенно выбивала у нее почву из-под ног. Она бросила в сторону Георгия взгляд, словно прося его о помощи. Но, так как Георгий не был членом общества, а лишь сдавал им одно из помещений своей гостиницы, вступиться за женщину он не мог по регламенту. Да и защищать незамужнюю женщину ему, образцовому семьянину, отцу двух милых девочек, было совсем уж вызывающе. И так многие знакомые подозревали, что их дружба с Преображенской не ограничивалась привязанностью обоих к кавказским горам.

> ***– Не бывать этому! Все поляжем, но сестру не отдадим на поругание, – решили братья Бурдули. – Кетеван должна жить.***

Вообще, последнее время дела у Бурдули шли не лучшим образом. Открытое на волне успеха второе здание «Гранд-отеля» не пользовалось популярностью. Георгий рассчитывал, что сможет без труда справиться с займом, взятым под залог основного здания. Пятьдесят новых меблированных комнат планировалось сдавать по цене от рубля до шести. Георгий гордился новым рестораном с бильярдом и отдельными кабинетами. Ванны с лечебной водой были сделаны по полному подобию швейцарских отелей.

Благодаря Преображенской Георгий смог организовать единственные в городе официальные экскурсии на Казбек и к

участкам военно-грузинской дороги. А неделю назад от основного здания на регулярной основе стали ходить автомобили Французского автомобильного общества в Тифлис. По всем параметрам «Гранд-отель» выходил на недосягаемую высоту не только во Владикавказе, но и по всему Закавказью.

Но тревожные новости с фронтов, беспорядки в Петербурге и нервозная обстановка в городе грозили большими неприятностями. Ходили устойчивые слухи о том, что со дня на день город будет захвачен войсками генерала Деникина. Банки и общества кредитов и ссуд требовали вернуть деньги досрочно, руководствуясь какими-то пунктами в договорах. Всей бумажной волокитой занимался партнер Георгия, он же убеждал, что сможет решить все проблемы с возвратом денег. Георгию пришлось отменить давно планируемую поездку в Женеву, где он надеялся показать местным эскулапам свою старшую дочь Лали. Ее кашель беспокоил жену, но, будучи воспитанной в настоящем мтиульском роде, она никогда не просила у мужа помощи, лишь поглядывая на него полными слез глазами в моменты приступов кашля.

Зато Кетеван, его младшая, за свои семь лет, в отличии от старшей сестры, не болела ни разу. И вообще, Георгию казалось, что Кетеван должная была родиться мальчишкой – озорная, веселая и неунывающая, она доставляла отцу только радость.

Воспользовавшись возникшим на заседании шумом и неразберихой, Георгий вышел из зала. Пройдя по подземному ходу в основное здание, он вошел в пустой ресторан. Этот тоннель между двумя зданиями, проложенный прямо под Александринским проспектом, был предметом особой гордости Бурдули, который и поссорил его с партнером, Феликсом Дубовником, польским евреем, приехавшим во Владикавказ в 1910 году и втравившим его в отельную авантюру. Феликс считал расходы на переход излишними, но Георгий не стал слушать компаньона и воссоздал точную копию тоннеля швейцарского отеля в Вальце. Из-за чего расходы на строительство второго здания возросли втрое.

– Чего изволите-с, Георгий Глахович? – Официант главного ресторана с готовностью подскочил к хозяину.

– Вина принеси. Кахетинского. И фыджин, и уалибах. – К вину Георгий заказал осетинские пироги. В его ресторане они были лучшими во всем Владикавказе, и даже сам генерал-губернатор почти ежедневно присылал за ними.

– Сию минуту, ваше превосходительство. – Услужливый официант пододвинулся на недопустимую дистанцию. – Феликс Михайлович интересовались.

– Скажи, что я тут буду.

– Будет исполнено.

Разговаривать с компаньоном у Георгия не было никакого желания. Он давно проклинал тот день, когда судьба свела его, князя Мтиулети, с аферистом и картежником. Георгий презирал его, но, повинуясь правилам общества и собственной чести, вынужден был мириться с выходками нечистоплотного и жуликоватого Дубовника.

«*Может, отправить Нино с детьми в Швейцарию?* – Князь понимал всю сложность исторического момента. – *Там и лечение, и образование. Правда, природы там нет да и еда ужасная, но это же не навсегда. Не может же быть, чтобы генерал Деникин не навел порядок на Кавказе*». На столе появился кверви с кахетинским вином и осетинский пирог с сыром и картофелем.

– Хороши пироги к обеду, дорогой князь. – Удивительная способность Феликса Дубовника появляться в нужный момент поражала Георгия. – На улице революцией пахнет, а вы винцо-с потребляете? У мужиков российских нынче виночерпии не в почете.

– Не потребляю. Пью. И я не в России.

– Ну-с, тогда и я с вами, князь. Авто в Тифлис только черед час, надо бы подкрепиться, – Феликс противно хихикнул, – чтобы в дороге развезло по-французски. А про Россию вы, князь, правы. Где теперь Россия? Где начинается и чем заканчивается?

– Времени мало, Феликс. У меня сегодня сеанс у Рогозинского назначен.

– О, – Феликс оживился, – в ателье пойдёте? Занятно-с, с семьей будете фотографироваться? Хотите запечатлеть счастливое семейство в сложное время?

– Да, Феликс Михайлович, обещал дочкам.

Феликс беспардонно оторвал себе кусок пирога и отправил его целиком в рот.

– И правильно, Георгий Глахович, вашу-то супругу грех не запечатлеть, – он вновь мерзко хихикнул, – для потомков. Хотя после смерти Леонтия Игнатовича карточки уже не те получаются. Жизни в них нет. Одна сплошная ерундистика. Я давно говорю Марии Ефимовне, вдове, продайте всё и в Париж езжайте. Она и так уже полсемьи похоронила, а туда же – семейное дело.

Георгий тяготился обществом Феликса, но понимал, что только тот может решить его долговые проблемы, которые возникли в последнее время. У Дубовника были связи во всех кредитных обществах города и именно он мог получить бессрочную отмену платежей. Надо было начинать этот

неприятный разговор. Георгий сделал большой глоток и перешел в наступление:

– Хотел спросить, Феликс Михайлович, как там с займами нашими?

– Какими же нашими, дорогой князь? – Феликс вытер жирные пальцы о скатерть. – Вашими, мой друг. Я же только советовал, поручителем был.

А с советчиков, вы знаете, взятки гладки. – У Дубовника мгновенно заблестели глаза: – Я же рад помочь, но ситуация совершенно нестандартная. Никто не хочет рисковать. Всем нужны гарантии.

Гарантии. – Феликс постучал по стакану, привлекая внимание официанта: – Человек! Подай и мне вина этого, – и посмотрев холодным и трезвым взглядом на Георгия, тихо прошептал, – видите, князь. Вы меня презирали, только сапоги не вытирали. А вон оно как обернулось! От меня зависит, как ваши мартышки жить будут! И будут ли. – Феликс икнул. – Не обижайтесь, князь. Я их очень люблю, ваших девочек.

Георгий медленно полировал двумя пальцами ножку хрустального бокала с вином. Он внутренне был благодарен Дубовнику. Он не считал себя трусливым человеком, не в его правилах было пресмыкаться. Но эти слова Феликса помогли ему принять правильное решение.

– Князь, не обижайтесь. Просто время ваше ушло. Теперь нужны люди моего склада. – Феликс потянулся за новым куском, вкусные у нас с вами пироги, да? Думаете, я не вижу, как вы меня презираете? Вы и домой меня не приглашали, боялись, что девочек ваших испорчу? Я могу. – Феликс довольный речью откинулся на спинку стула. – Запомните, князь. Можно терпеть и складывать обиды. А потом по кусочку скормить их обидчикам. Именно это я и буду делать. Человек! – Вдруг завопил Феликс. – Принеси французского! Хватит пойлом хозяина поить, – и, обернувшись к Георгию, произнес, – я научу тебя пить, князь.

Отпив вина, принесенного официантом, Феликс придвинулся к столу:

– О «Гранд-отеле», князь. Банки не идут ни на какое сотрудничество. Им нужны деньги до конца июня. Денег, я так понимаю, у тебя нет. Все деньги здесь, – он топнул ногой по полу, – в твоем, князь, тоннеле. Я погашу задолженность по займам своими деньгами. Но в обмен на отель. Ты подаришь мне его. И да, забыл, из дома тоже придется съехать.

Я ссужу тебя, князь, деньгами, купишь семье квартирку где-нибудь на Кузнечной. Да хотя бы в доходном доме у Попкова.

– А если откажусь? – Князь брезгливо отодвинул блюдо с

пирогами, в которых возились руки компаньона.

– Не завидую тогда тебе. Долговая тюрьма, детей в приют, жена… – он блеснул хищными черными глазами, – жене вообще трудно придется. Если помощники не найдутся.

Взяв последний кусок пирога, Феликс впился в него зубами:

– Пироги у вас, князь, действительно хороши. Может вас пекарем взять? – Дубовник опять откинулся на стуле. – Первый ресторан с пекарем-князем, каково, а?

Еще десять лет назад Георгий Глахович прямо за столом разбил бы кверви о голову компаньона, потом выволок бы его на проспект и швырнул под проезжающие экипажи. Но время прошло, Бурдули стал рассудительным и не поддавался эмоциям.

Он с интересом смотрел на одутловатое лицо Дубовника, в его бегающие глаза. План действий созрел в голове Георгия мгновенно и сейчас он просто наслаждался предстоящим шагом.

– Ты же торопишься, князь? Не смею задерживать. Не забудь вечером бумаги принести, всё и оформим. Вина французского попробуешь?

Георгий молча встал, аккуратно положив салфетку на стол.

– Будь в семь в конторе.

– Да уж буду, князь. Мне теперь много чего надо переделать, время, знаешь, такое…

* * *

– Нино, собери детей и выходи во двор. – Георгий Бурдули появился дома сегодня раньше обычного. – Фотограф ждет.

Жена послушно кивнула и неслышно занялась подготовкой к важному мероприятию. Это был их первый поход в фотоателье, и Нино страшно волновалась.

В обычной жизни Бурдули давно уже одевался на европейский манер, предпочитая пиджак и европейские брюки, которые, однако, всегда заправлял в сапоги из тончайшей кожи. Эти сапоги, наряду с каракулевой папахой и традиционной черной осетинской рубахой с воротником-стойкой и мелкими пуговицами, обтянутыми тканью, и выдавали в нем князя. Сегодня же, Георгий, поднявшись к себе, достал легкую бурку и старый кинжал, доставшийся ему, как старшему сыну, от отца. Фотографироваться нужно было при полном параде.

Уже через десять минут они с девочками направлялись в фотоателье Рогозинского, чтобы сделать первую семейную фотографию. Лали жалась к матери, Кетеван же напротив, всё время норовила высунуться из экипажа, чтобы успеть осмотреть

всё, происходящее в городе. Отец редко вывозил их без надобности в город, и маленькой девочке было ужасно интересно наблюдать за бурлящей жизнью пятничного Владикавказа.

Хозяйки ателье Марии Ефимовны не было, поэтому фотографировать их взялся старший сын Рогозинских, Леонтий. Георгию эта замена не очень понравилась, но времени на поиск другого ателье уже не оставалось. Тем более, малышка Кетеван всем своим видом грозила ателье устроить непоправимый разгром в случае, если съемка не начнется сию минуту.

Замерев на секунду от вспышки, Кетеван сразу же сползла со стула и побежала на улицу. Семья поспешила за ней, договорившись забрать карточку через час – именно этой скоростью Ателье Рогозинского отличалось от конкурентов.

Решив прогуляться по Александровскому проспекту, семья князя дошла до московской улицы. Часы князя показывали без четверти семь.

– Отведи детей в Ландрин, купи им сладости. – Геор гий Глахович протянул Нино ассигнацию. – Я скоро буду.

Войдя в «Гранд-отель», Георгий поднялся в угловой кабинет и увидел сидящего за рабочим столом Феликса. Тот ел курицу в остром соусе, которая наполнила кабинет головокружительным ароматом.

– О, князь. – Феликс протянул руку для рукопожатия, которая, однако, осталась висеть в воздухе. – А я к кабинету привыкаю. А вы, значит, бумаги принесли? Похвально. Вот ваша пунктуальность всегда выдавала в вас князя.

– Встань, – голос князя прозвучал так тихо и спокойно, что Дубовник подчинился мгновенно, – в кабинете не едят. Это место для мужчин, а не для шакалов.

– Ну, бросьте, князь, – протянул Феликс и плюхнулся в кресло, – эти высокопарные фразы сейчас никому не нужны. Закончим всё побыстрее.

– Как скажете, Феликс Михайлович.

Георгий обошел стол с левой стороны, медленно вынимая кинжал из ножен. Дубовник, почувствовав надвигающуюся беду, попытался соскользнуть из кресла на пол, но, потянув угол скатерти, лишь опрокинул на себя остатки еды. Глаза его наполнились животным страхом, он зажмурился в ожидании развязки.

Вынув кинжал из обмявшего тела, Георгий аккуратно вытер клинок о салфетку и положил ее на стол:

– Вот поэтому я никогда не ел в кабинете. Мало ли как умирать придется.

Выйдя из основного здания, он прошелся по проспекту,

попутно забрав карточку в ателье. Владикавказ нравился ему. Почти двадцать лет он прожил тут, переехав из Тифлиса. Гостиницы и ресторан приносили неплохой доход, Георгий занимался любимым делом и дело отвечало ему взаимностью. Встретив семью на углу Московской, он засмотрелся на них. Нино держала за руку Лали и пыталась урезонить Кетеван, которая вопреки уговорам бегала от одной повозки к другой. Еще час назад у князя Бурдули было всё. Работа, отель, семья, свобода. Он взглянул на фотографию. Хорошая семь. Что ждет ее теперь, после всего, что произошло?

Доехав до дома, стоящего на окраине города, князь отпустил извозчика. Поднявшись к себе, он взял бумагу и быстрым красивым почерком написал несколько строк, вложил письмо в конверт и спустился во двор. Дети бегали по большому двору, пытаясь увернуться от пса, который не мог понять, за кем ему гоняться.

«*Кетеван должна жить*» – вспомнил он старую притчу о своем роде и знаком остановил проезжавший мимо ворот экипаж.

– Уважаемый, отвези дочку на Тифлисскую улицу, в большой красный дом. Найдешь там учительницу Преображенскую. Письмо ей вот это передай. Да не забудь.

Потом подозвал к себе младшую и поднял ее на руки:

– Кетеван, какая же ты непослушная! Под повозку попадешь и всё. – Испуганная девочка кивнула. – Сейчас поедешь к Марии Петровне, веди себя хорошо, книжки не рви, а то читать не научит, будешь всю жизнь дома сидеть, или в цирюльне волосы мести. Вот карточку возьми, покажешь Марико и спрячь потом. Береги ее, она одна.

Посадив ее в экипаж, Георгий протянул рубль извозчику:

– Довези до места да проследи, чтобы встретили.

– Будет исполнено, ваше превосходительство, – отдал невидимую честь мужик, – не извольте сомневаться. Там трагедия случилась, промышленника Дубовника зарезали, так что я через Казацкую поеду.

Отправив Кетеван, Георгий вернулся к стоящей в недоумении Нино. Скупой на нежности и добрые слова, Георгий вдруг обнял жену и поднял на руки дочку:

– Домой пойдем, хорошо будет, никто не тронет.

Нино не понимала, что вынудило мужа отправить куда-то Кетеван. Они с Лали шли чуть позади, понимая, что они под защитой главы семейства и что всё скоро наладится, и они опять будут вместе. Дверь дома князя Бурдули закрылась, лязгнул засов.

Первой Георгий застрелил Лали. Он долго сидел у кровати

дочери, вслушиваясь в ее дыхание. Лишь, когда девочка закашляла во сне, он спустил курок. На шум прибежала Нино. Беззвучно рыдая, она рухнула к ногам дочери, понимая, что эта участь ждет и ее.

Покончив с семьей, Георгий вышел во двор. Яркая луна освещала сад, в котором так любили резвиться дети, доставляя удовольствие Нино. Он долго вглядывался в небо, словно пытаясь рассказать что-то луне. Но та лишь кричала ему беззвучно в ответ своим большим беззубым ртом.

– Кетеван должна жить. – Не торопясь, он пристроил дуло ружья к своей груди и взглянул на Луну. Спустя секунду раздался выстрел.

* * *

В старину осетины нападали на мтиульцев. Собирались отрядом и нападали на села: сегодня – на Архвати, завтра – на Млету, послезавтра – на Сетурни…

Куда придут они, должны им белого бычка зарезать, навар из костей сварить, пивом напоить. А кроме того, – мартебули[11] объявили – девушку или молодую женщину должны были им привести ночью и уложить с ними для забавы. Семьи, где им ночевать, бросали жребий.

И вот выпал жребий роду Бурдули. Башня была у них, говорят, высокая. Было их девять братьев и одна сестра Кетеван. Заплакала тогда девушка: *«Обесчестят меня осетины! Куда же я денусь потом? Не жить мне, порешу я себя».*

– Не бывать этому! Все поляжем, но сестру не отдадим на поругание, – решили братья Бурдули. – Кетеван должна жить.

Связали они ласти, плетенку из прутьев, служившую ложем, укрепили ее над ямой, которую вырыли в доме. Зарезали быка, устроили пир осетинам. Расслабились те, вина выпили и потребовали «мартебули»…

– Отдохните пока, – говорят братья. – Девушка стыдится. Как стемнеет, приведем ее к вам. Не беспокойтесь.

Прилегли осетины на ласти, пьяные, да и уснули в ожидании девушки. Тут обрубили братья ласти. Посыпались в яму враги. Навалились на них братья вдевятером и кинжалами изрубили на куски.

Защитили братья свою сестру Кетеван да и мтиульцам урок преподали.

Как узнали об этом остальные мтиульцы – не обрадовались, а

даже опечалились. Испугались, бросились к Бурдули в гневе.

– Что же нам делать теперь? Придет вражье войско и предадут огню весь наш край!

Бурдули заперлись в своей башне и приготовились к бою с мтиульцами.

Наконец нашелся умный человек, сказал мтиульцам:

– Дайте срок братьям Бурдули. Коли они это свершили с осетинами и другое надумают что-нибудь.

Потом пошли к башне Бурдули двое мтиульцев.

– Не ссориться пришли, поговорить хотим.

Сказали им братья тогда:

– Помогите нам, сделайте по-нашему, и навсегда избавимся от врагов.

Возле деревни Сакурианти вырыли сообща большой ров. Повбивали колья на его дно, прикрыли тонким ласти, нарезали дерна и никидали сверху.

В то время прослышали осетины о гибели своих братьев, собрались все и решили наказать непокорных.

Вся Мтиулети собралась в долине Дидвели. Ждут врага, хотят встретить его.

Пришли осетины и увидели мтиульское войско. Летят осетины на лошадях и прямо в ров падают, гибнут на кольях. Собралось мтиульское войско, в железо одели тела.

Из семи тысяч человек семерых отпустили мтиульцы домой: «*Возвращайтесь, несите домой весть о гибели вашего войска*».

Стали думать мтиульцы: как вознаградить тех девятерых братьев, что освободили страну от врага?

И решили: «*Человек из рода Бурдули к столу незваным может являться и девушку любую в жены выбрать*». В старину ведь много мучений было со сватовством: три года должны были ходить сваты. А для Бурдули отказа не было. Немедля должны были дать согласие.

Громкое было имя у рода Бурдули. И жертвенную скотину Бурдули резали всегда. Никто, кроме Бурдули, не мог зарезать жертвенную скотину.

* * *

Кетеван провела в доме Преображенской почти месяц. Мария Петровна ждала, что кто-то из родственников даст о себе знать, и девочку можно будет передать родным.

Но леденящая кровь история о сумасшедшем преступнике и детоубийце наделала такого шума, что родственники все словно

провалились под воду. В 1918 году Мария Петровна, собираясь в очередную экспедицию на Казбек, отправила маленькую княжну Кетеван Бурдули в приют в станице Александровской, что рядом с Нальчиком.

Из вещей у маленькой девочки был только узелок с теплыми вещами да фотография, с которой на нее смотрели отец, мать и старшая сестра. В 1926 году Катя Александровская (в приюте ей дали новое имя и фамилию) переехала в Баку, где почти десять лет проработала на нефтяном месторождении в Мардакянах. Образование в три класса, полученное в церковно-приходской школе в приюте не позволяло Кате работать на сколько-нибудь ответственной работе, и в 1933-м она устроилась помощником парикмахера в военном городке Красный Восток в пригороде Баку. Первым ее клиентом был видный казак, любимец женщин и обладатель странной и труднопроизносимой фамилии Гришка Затуливетров. В 1935 году у молодой семьи родился первенец – Борис. Мой отец.

Баба Катя прожила сложную жизнь. Княжеская дочь, неграмотная, с двумя детьми оставшаяся без мужа в 1945-м.

Я помню ее плачущей каждый раз, когда из радиоприемника звучала песня «Катюша». Мне тогда казалось, что эта песня про бабушку.

Баба Катя рассказывала о сложных годах своей жизни, о войне и голоде. О предательстве мужа и гордости за сыновей. О первых годах своей жизни она почти ничего не помнила. Жизнь началась для нее с приюта в Нальчике.

Но всю жизнь хранила единственную реликвию, связывающую ее с прошлой жизнью. Фотографию, на которой вся семья Георгия Бурдули смотрит на нас, пытаясь передать главное послание рода Бурдули: «*Кетеван должна жить*».

Рецепт осетинского пирога Картофджин

Картофджин – ароматный, мягкий осетинский пирог из дрожжевого, замешенного на молоке, теста с картофельно-сырной начинкой. Блюдо популярно далеко за пределами Осетии. При наличии всех ингредиентов на весь процесс придется потратить примерно два часа времени.

Что взять

- 4 стакана пшеничной муки
- 1,5 чайной ложки сухих дрожжей
- 1 стакан простокваши или кефира
- 1 чайную ложку белого сахара
- 0,5 стакана воды
- 1,5 столовой ложки растительного масла
- 0,5 чайной ложки соли
- 300 граммов сыра (осетинского, сулугуни или адыгейского) на выбор
- 0,5 килограмма картофеля
- 0,5 стакана молока или сметаны
- Лук, зелень
- Масло сливочное

Что делать Тесто

Дрожжи, сахар и муку перемешать в стакане и добавить воду. Оставить на 10–15 минут. Муку просеять, в середине сделать углубление и добавлять разведенные дрожжи, соль и воду, замесить мягкое тесто. В тесто добавить подсолнечное масло и поставить подходить в теплое место. Тесто хорошо обмять.

Начинка

1. Отваренный картофель размять в пюре. Добавить весь мелко порубленный сыр, молоко или сметану, соль и перемешать, после добавить в пюре зелень укропа и петрушки.

2. Тесто размять руками до состояния лепешки, не используя скалку. На середину полученной лепешки выложить начинку, равную по объему лепешке. Края лепешки поднять вверх и аккуратно защипнуть. Полученный шар разровнять на поверхности, перевернуть на другую сторону и вновь разровнять. Повторить так 2–3 раза, пока пирогу не будет придана округлая форма и равная толщина.

3. Выложить пирог на противень, предварительно сделав аккуратное отверстие посередине для выхода пара. Разогреть духовку до 220–270˚С. Выпекать 20–25 минут. В Осетии этот пирог выпекают при 300–350˚С и в чугунных сковородках, но в

домашних условиях выпекаем до появления румяной корочки.

4. Вынуть готовый пирог, переложить его на большое блюдо, обильно смазать сливочным маслом и отставить в сторону. Следующий пирог, повторив все операции, положить сверху.

5. Когда пироги полежат, они становятся мягче. Принято делать не менее трех пирогов. В любом случае, их должно быть нечетное количество (четное делают только на поминки).

Киото, Япония. Здесь решают люди

На остановке у Кадетской линии было пустынно. Его внимание привлек полуистлевший рекламный плакат Авито, рекламирующий когда-то актуальную категорию «Работа». Через остатки разбитого стекла на него уверенно смотрел практически стертый водитель такси, гордо поглаживающий на фотографии руль доставшейся ему машины. Надпись, которая, наверное, должна была мотивировать студентов универа, собирающихся тут весной, гласила: «*Здесь решают люди*».

Прячась от ветра, который передавал осеннюю ненависть Невы ко всему живому и движущемуся вдоль нее, он зашел внутрь остановки и, к удивлению, практически врезался в девушку, стоящую в самом углу металлической конструкции.

Согласно легенде, женщина в маске появлялась на улицах и ждала мужчин. Заговорив с выбранной жертвой, как бы невзначай спрашивала: «Я красивая?»

Волосы ее были аккуратно и тщательно убраны под капюшон, лишь пара упрямых чёрных прядей выдавала не только цвет, но и объем того, что скрывалось под ним. Черная тканевая маска прятала остальные части лица. Хотя, в данном случае, маска подчеркивала глаза. Невероятно красивые, бездонные, затягивающие, манящие к себе, словно они были наэлектризованы невидимым эбонитом. Никогда прежде он не видел таких глаз. Оторвать взгляд было просто невозможно. Мешковатое красное пальто только добавляло загадочности всему образу. Слишком уж ярко выглядела девушка на фоне современного блеклого города. Постэпидемическая мода характеризовалась новыми, неизвестными до этого момента трендами. Женщины нового образца старались выглядеть на улице неброско, слегка затерто и уж абсолютно точно делали всё от себя зависящее, чтобы даже не было легкого намека на хоть какую-то сексуальность. Асексуальность очень быстро и без особых возражений стала жизненно важной абсолютно всех женщин.

– Простите, пожалуйста. – Он отпрянул от нее и вновь оказался под беспощадным потоком почти морозного воздуха. – Тут редко кто стоит. Да я и не смотрел особо.

Девушка смотрела на него немигающими черными глазами. «*Испугалась ли она*?» – задал он себе вопрос и сразу же ответил на него вслух:

– Конечно испугалась. – От ее взгляда он почувствовал себя так, словно сделал что-то предосудительное, и теперь от него ждут не только извинений, но и подробного объяснения. – Я бежал сюда, надеясь спастись от ветра, а получается, чуть не стал невольным убийцей. – Дурацкая и неуместная шутка не понравилась ему самому, и уж тем более не смягчила напряжение, повисшее над остановкой. – Я засмотрелся на плакат, который тут с обратной стороны, вы не заметили?

Он знал, что быстрый ничего не значащий разговор на отвлеченные темы расслабляет собеседника, вызывая доверие. Практические знания, накопленные им в период активной продажи пылесосов и наборов посуды пенсионерам в начале двухтысячных, не раз помогали ему и в дальнейшей жизни.

– Вы не обратили внимания? – Она отрицательно покачала головой. «*Ну вот, сработало*», – подумал он.

– Интересно, что тупая пиарщица хотела сказать этими словами? Странно думать, что люди когда-то что-то решали…

* * *

Леденящая душу история о женщине, скрывающей уродливо разрезанный рот, появилась в Японии в XVII веке. Уродство Кутисакэ-онна скрывала кимоно, в которое заворачивалась с головой. Женщина не выдержала унижения и утопилась после того, как ревнивый муж разрезал ей рот, чтобы обезобразить ее и отвадить других мужчин. Неприкаянная, полная ненависти и жаждущая возмездия душа вернулась в мир живых, чтобы мстить мужчинам… Но в 1970-х годах Кутисакэ-онна стала периодически являться в мир живых в красном пальто и с медицинской маской на лице.

Согласно легенде, женщина в маске появлялась на улицах и ждала мужчин. Заговорив с выбранной жертвой, как бы невзначай спрашивала: «Я красивая?» Если мужчина честно отвечал «*нет*», женщина убивала его хирургическими ножницами, которые она всегда носила с собой. Если же хорошо воспитанный японец отвечал на вопрос утвердительно, то женщина распускала волосы, медленно снимала маску, открывая разрезанный от уха до уха рот, и спрашивала еще раз: «*А как теперь?*». Если на этот раз мужчина в ужасе отвечал «*нет*», Кутисакэ-онно одним движением руки рубила его теми же ножницами пополам. Ну а если и в этом виде она нравилась мужчине, она всего лишь… резала ему рот от уха до уха, говоря: «*Давай я поделюсь с тобой своей красотой*».

* * *

Сервис «Яндекс-транспорт» показывал, что единственный автобус, курсирующий между Васильевским островом и площадью Восстания, прибудет через семь минут, и он вдруг отчетливо понял, что всё это время девушка пристально смотрела на него. Ей было страшно. И она не особо это скрывала. Боялась ли она его, или это был страх перед всем происходящим, он не понимал, но странное желание не покидать ее прочно засело в его голове.

– Яндекс пишет, что автобус будет через четыре минуты. Имеет смысл подождать. – Решив не оставлять на потом знакомство, он как бы протянул ей открытые ладони. – Не бойтесь меня, пожалуйста. В моих мыслях нет ничего плохого.

– Да? – голос ее на удивление оказался мягким и немного шелковистым, даже несмотря на то, что он услышал лишь одно «*da*». В нем не было страха, слышалось желание поговорить. Она явно хотела спрашивать и отвечать. Он принял приглашение к разговору мгновенно.

– До комендантского два часа.

– А разве 24-й идет на Комендантский? – Вопрос окончательно сбил его с толку, и на секунду он опешил.

– Я имел в виду комендантский час. – Странно, никогда до этой секунды он не задумывался о том, как по-разному могут быть услышаны слова. Думал ли он всего каких-то два года назад, что, обходя Комендантскую площадь в поисках невероятно длинного дома, в котором жила Лена, что в будущем это слово будет вызывать у него почти животный страх.

– Вот видите, – она рассмеялась, и голос ее окончательно смешал его чувства в какой-то головокружительный коктейль, – всего лишь слова. А как иногда они по-разному звучат.

– Вы не боитесь гулять? – Забытые за время карантина приемы знакомства стали всплывать в его голове. – Вы не похожи на человека, работающего на производстве товаров первой необходимости.

– Я врач.

– Врач? – Он удивленно поднял брови. – А почему вы не на лимузине с персональным водителем и охраной? Теперь врачи, наконец, заняли полагающееся им место в иерархии общественных лифтов, потеснив блогеров, коучей и прочих, упаси боже, менторов.

– О, нет. – Девушка взмахнула рукой. – Я всего лишь ветеринар. Выезжаю по звонкам спасать домашних питомцев.

Ветеринар… Ему никогда не везло на «правильные» знакомства. Его первая жена вроде бы жила в ста метрах от Невского, но при этом квартира ее располагалась в полуподвальном помещении, когда-то использовавшемся под плотницкую мастерскую ЖЭСа. Была еще знакомая, как ему казалось, полностью отвечавшая его требованиям. Сценаристка, которая была на хорошем счету на местном телевидении, куда она в свое время пачками носила бездарные, по его мнению, сценарии минисериалов. Тем не менее через нее он намеревался прибиться к какому-либо кинопроцессу, обеспечив себе хоть какой-то заработок. Но для этого с ней надо было спать два раза в неделю, а кричала она во время близости так, словно видела себя в роли героини эротического фильма. Крики эти настолько пугали соседей, что пару раз те даже оставляли в двери злобные послания с требованием «*прекратить измываться над несчастной девушкой*», грозя вызвать полицию.

Вот и сейчас, хорошее, казалось бы, знакомство с врачом

сулило неплохие перспективы в нынешних условиях, но максимум, чего можно было от нее получить – кошачьи капли от сексуального влечения.

– Спасаете любимцев от их хозяев?

– Да, сейчас вот кастрировала кота. – Девушка многозначительно указала огромными глазами в район кармана пальто, из которого вытащила хирургические ножницы.

– Кастрировали? – его передернуло. – Это же… ужасно!

– Отчего же? Кастрация – большое благо. Причем для всех.

Голос ее всё так же пленительно окутывал его слух и он, словно во сне стал наблюдать, как голова его, повинуясь кому-то другому, одобрительно закивала. И хотя внутренний голос требовал выступить с ярким и гневным обличительным монологом, осуждающим любое вмешательство, он вдруг с удивлением для себя сказал:

– Наверное, вы правы… Простите, нельзя ли узнать ваше имя? Меня зовут Александр.

– Прекрасно. Я Онна.

– Анна? – переспросил он, понимая, что так ласкало его слух. Вместе со словами из ее уст вырывался какой-то удивительно приятный звук, словно говорила она в какой-то микрофон с функцией «эхо» или «холл».

– Нет, – она засмеялась. – Родители назвали меня Онна, но все зовут меня Аней, поэтому я привыкла.

– Какое удивительное имя. – Голова кружилась с каждым произнесенным ей словом. Глаза, голос, теперь еще и имя! Да какая разница, ветеринар она или нет!

– По-японски Онна означает женщина. Родители в молодости работали в Японии, в Киото, и очень скучали по тому времени. Поэтому я, по их замыслу, должна была напоминать им о счастливых днях.

– Какие молодцы. – Он неожиданно для себя улыбнулся этой, в общем-то примитивной истории.

– Это не особо им помогло. Они развелись, когда мне исполнилось шестнадцать.

– Сочувствую, – сказал он дежурно, но она остановила на полуслове.

– Напротив, всё сразу наладилось. Мы с мамой переехали сюда, в город мечты.

– Я бывал в Японии только однажды, – с гордостью сказал он. – Год назад, еще до всех этих карантинов.

– А, значит, еще в прошлой жизни?

– Да, в прошлой….

С момента поездки, которую он планировал несколько лет

прошел всего год. Но этот год полностью перевернул не только его жизнь, но и всего, без преувеличения, мира. Ноябрь прошлого года. Самолет Бангкок – Осака, чудовищно дорогой номер площадью девять метров, невероятно пестрый квартал Намба с обилием ресторанов, магазинов и странного вида клубов, пьяненькие японцы, ведущие друг друга домой, раменные, заказы в которых нужно делать через автоматы тридцатилетней давности, и божественный стритфуд на Дотонбори. Больше вспомнить ему было нечего. И вот всего через год: закрытые границы, отсутствие работы, маски, комендантский час.

– Вам понравилось в Японии?

– О да, я искал новые гастрономические открытия и нашел их там сполна.

– Да? – первый раз, как ему показалось, глаза ее сдвинулись с мертвой точки, и она посмотрела на него по-другому. – А что же понравилось вам больше всего?

– Рамен, естественно, – разговаривая с девушкой он вдруг начал понимать, что причина ее притягательности не только в глазах, которые были похожи на глаза мультипликационных красавиц из анимэ. Что-то загадочное, пленяющее угадывалось под маской. Он пытался дорисовать в своем воображении ее черты, но никак не мог сопоставить голос и глаза со всеми виденными им ранее ртами и носами. Внутренний фоторобот отказывался работать. – И еще японский чизкейк.

Она, как вдруг ему показалось, улыбнулась, во всяком случае маска впервые пришла в какое-то ощутимое движение.

– Да, Осака гордится своим раменом. Я знаю парочку интересных мест, если хотите, дам вам адреса.

– Непременно зайду, – он засмеялся, – при первой возможности. В другой жизни.

– Да… Я забыла.

– Может, тогда просто рецепт дадите? Вы же, наверное, в раменах знаете толк? Последний раз в городе приличный рамен я нашел только в крохотном кафе на Рубинштейна. Да и то, они недолго проработали.

– Да, конечно. Вы запишете?

Он кивнул и с готовностью включил диктофон на телефоне.

– Итак, главное в рамене – лапша. В Японии приготовление лапши – настоящий ритуал. Только на ферментацию уходит до пяти дней…

* * *

Убежать от Кутисакэ-онна было невозможно. Старожилы говорили, что многие пытались бежать, но рано или поздно женщина настигала выбранную жертву. Ведь согласно легенде, она могла преодолеть расстояние в сто метров за пять секунд. И всё-таки спастись от нее было можно. Как и любую женщину ее можно было просто запутать. Некоторые утверждали, что ее приводил в замешательство ответ на вопрос о том, красива ли она: «Ни да, ни нет. Вы обычная». Это сбивало ее с толку, и она теряла интерес к жертве. Еще можно было осуждающе сказать, что они недостаточно хорошо знакомы, чтобы задавать такие вопросы. Она извинялась за свои манеры и начинала оправдываться.

В некоторых вариантах истории, Кутисакэ-онна можно было отвлечь, бросив ей леденцы бэккоаме, или даже обычные фрукты, которые она начинала собирать, дав жертве шанс убежать.

Знающие люди настоятельно советовали не приближаться к незнакомкам. Кутисакэ-онна была в более выгодном положении, если подходила близко.

Еще один вариант спасения от призрака, это задать ей вопрос о детях, об их красоте. Кутисакэ-онна не имела детей при жизни, эта тема очень болезненна для нее, поэтому она, скорее всего запутается и уйдет мыслями в себя.

* * *

Автобус подошел ровно в указанное Яндексом время, позволив собеседникам легко преодолеть возникшую неловкую паузу. Галантно пропустив девушку вперед, он заметил, что она так и не вынула руки из карманов пальто, видимо не желая показывать окружающим их без перчаток.

В салоне сидела женщина в форменном жилете кондуктора, надетом на засаленный пуховик с характерным рисунком, повторяющем псевдорусские извилины фирменного стиля олимпийского Сочи. Она, словно мифическая птица Феникс, отрешенно дремала в своем гнезде, провожая взглядом входящих в Храм солнца. То есть в середину автобуса. Убедившись, что он приложил проездной к валидатору, всевидящее око кондуктора закрылось, не дожидаясь оплаты проезда девушкой. То ли заметив это, то ли по другой причине, но девушка рук из пальто не вынула и встала на круглый люк, соединяющий две части автобусного салона. Он подошел туда же и облокотился на резиновую гармошку.

– На резину на облокачиваться! – вдруг раздался властный

рык одноглазого Феникса в жилетке. – Салон пустой, садитесь.

– Спасибо, насиделись уже, – как можно более строгим и уверенным голосом произнес он. – Скоро поедем?

– Стоим двенадцать минут. Последний автобус, больше сегодня не будет.

Кондуктор погрузилась в привычную дремоту.

– А двери не закрыть? – Он пытался добиться соблюдения своих мифических прав.

Отрицательное качание головой Феникса дало ему понять, что дальнейшее выяснение отношений до добра не доведет. Росгвардия, полиция, охранники в магазинах, кондукторы, даже дворники стали хозяевами не только своей, но и твоей жизни. Любое пререкание с представителями власти теперь рассматривалось, как неподчинение режиму и могло обернуться большими неприятностями. А ему так хотелось понравиться новой знакомой…

– Послушайте, Онна, у меня тоже есть кот, лысый сфинкс Эдвард. Могу я его привести к вам в клинику?

– Да, конечно, – скорее механически, чем осознано ответила девушка. С того момента, как они вошли в автобус, она вела себя очень напряженно, как будто пытаясь что-то сказать ему, но присутствие кондуктора мешало ей.

– А как вас найти?

– Клиника «Котти Сакэ», она тут недалеко.

– Тоже японское название? – она определенно ему нравилась и следующим вопросом он хотел аккуратно узнать, по каким причинам врачи выезжают к питомцам на дом.

Порыв холодного воздуха ворвался в салон в поисках живых людей с явным желанием выморозить их до смерти. Он съежился и сделал шаг назад, мечтая, как можно было обняться с новой знакомой. Хотя бы для того, чтобы согреться.

Неожиданно девушка сделала решительный шаг ему навстречу и оказалась на расстоянии согнутой руки. Он почувствовал странный запах сладких духов, напомнивших ему детские впечатления от кустов олеандра – ядовитого кустарника с пьянящим ароматом, растущего повсеместно в родном Баку.

– Послушай, – неожиданно громко и отрывисто произнесла она. – Скажи, я красивая?

Со стороны могло показаться, что девушка испытала к молодому человеку неожиданный прилив страсти и собиралась признаться ему в своих чувствах. Правда, феникс-кондуктор мило сопела в своем кресле, водитель сидел спиной и не мог видеть драмы, разыгрывающейся за его спиной. Тело ее было наклонено к нему, руки хоть и прятались в карманах, но по заметно

округлившимся частям пальто было понятно, что ладони девушки были сжаты в кулаки. Все было обращено к молодому человеку, каждая ее клеточка жаждала ответа.

– Неожиданный вопрос. – Он не был готов к такому развитию событий, но пасовать не собирался. – Да, конечно. Я и сам хотел сказать.

– Спасибо. – Она немного отодвинулась от него, вынула левую руку из кармана и поднесла ее к уху. – А если так?

Рука аккуратно стала нащупывать узел маски, стягивающей лицо и вынуждающей его домысливать скрывающиеся под ней черты лица. Дальнейшие действия развивались, словно в замедленном кино. Рука девушки довольно быстро даже для замедленного кадра и безошибочно обнаружила узел и потянула свободный конец. Практически синхронно с этим, вполне себе эротическим движением, Феникс довольно громко открыл глаз. Именно громко, ему даже показалось, что где-то наверху, над крышей автобуса раздался щелчок. Практически одновременно с глазом кондуктор решительно открыла рот, который явственно проявился сквозь форменную маску и издала трубный сигнал, который при обычной скорости перемотки оказался безапелляционным криком:

– Так! У нас тут корона! Маски не снимаем! Я подыхать из-за вашего пофигизма не собираюсь!

Слова эти шокировали девушку. Она, словно застигнутая врасплох за каким-то неприглядным занятием, резко опустила голову, развернулась и, мельком посмотрев на кондукторшу, выскочила из салона. Практически не гладя по сторонам, она стремглав бросилась прямо в сквер, легко преодолевая препятствия и не оглядываясь.

Он стоял, не в силах пошевелиться. Неожиданное счастье, – неземная девушка только что стояла перед ним, ее запах еще отчетливо чувствовался в салоне, ему казалось, что он всё еще чувствует ее дыхание.

– Главное, еще смотрит на меня, – продолжала кричать вслед убегающей Онна кондуктор, – я сама так посмотреть могу, не только маска, вся одежда спадет!

Он слышал ее голос откуда-то сверху, почти оттуда, откуда секундой назад раздался щелчок неведомого оператора, управляющего глазом феникса.

– Проститутка! – резюмировала она, и, взглянув на молодого человека, рецензировала свой поступок, – дыхнет на тебя, дурака, и всё. Что ты там не видел – рот и есть рот. Нельзя целоваться, понимаешь? Заболеешь, домашних заразишь. Невтерпеж что ли?

И, расчистив себе гнездо на заваленном тряпками сиденье

своим объемным задом, протрубила куда-то в начало салона:

– Максим, поехали, мне еще до закрытия в «пятерку» надо!

Покорный Максим, наплевав на оставшиеся две минуты до времени отправления, покорно закрыл двери и нажал на газ. Автобус плавно отъехал от остановки.

* * *

Изначально, в период Эдо-дзидай (1603–1868) Кутисакэ-онна появлялась перед мужчинами и мстила им за истерзанное тело и израненную душу.

Позже легенда о страшной женщине с разрезанном ртом стала пересказываться детьми в школах. Появлялись живые свидетели – мальчишки, шатающиеся поздними вечерами по округе, видели странную женщину, манившую их рукой. Она была в красном пальто, с хирургической маской на лице и странным голосом.

В конце прошлого века люди стали замечать, что появление Кутисакэ-онна предшествовало глобальным катаклизмам, происходившим в Японии. Землетрясение в Кобе, зариновая атака в метро Токио, и, наконец, авария на японской АЭС в Фукусиме – только несколько событий, о которых хотела предупредить женщина-призрак. Видя в этих происшествиях вину мужчин, Кутисакэ-онна пыталась наказать виновников и не особо разбиралась в количестве жертв.

* * *

Он стоял на том же месте, где его оставила девушка. Опершись о резиновую гармошку, связывающую две части автобуса, он постепенно приходил в себя.

Ругаться с кондуктором было нельзя. Мало того, что это могло грозить ему тем, что она просто высадит его на следующей остановке, так еще и передаст по связи патрулю, чтобы они задержали нарушительницу режима.

Мимолетный сон, в который, как ему казалось он попал пятью минутами назад, так и остался бы сном, если бы не запись в телефоне, которую он судорожно отыскал в памяти мобильного, чтобы убедиться в реальности произошедшего. Нажав на строчку с записью, он услышал тихий с придыханием голос его загадочной знакомой: «*…следующий по важности ингредиент – бульон. Он может быть любым по составу, но при приготовлении*

нужно соблюдать основные правила…». Свинина у него есть, лапшу делать сам он, конечно, не будет. Нужно будет купить готовую, да еще и шпинат, и ростки фасоли. Сейчас он доедет до площади Восстания, забежит в «Стокманн», купит всё необходимое, пересядет на другой автобус и к началу комендантского часа будет дома.

Он приготовит бульон, сварит яйцо, попытается сделать каеши, соберет суп по этому доставшемуся ему случайно рецепту и будет вспоминать. Он расскажет своему коту о девушке, с которой он почти познакомился, расскажет ему всю историю. Потому что больше никто не поймет. Историю о девушке, которая подарила ему жизнь в это сложное время. И о кондукторе, о мерзкой скандальной бабе, эту жизнь у него отнявшую.

А завтра вечером он поедет на Кадетскую линию и будет стоять на остановке и ждать ее. Чтобы увидеть ее лицо, узнать ее поближе. Чтобы подарить себе жизнь.

Он будет стоять там до тех пор, пока она не придет. Стоять и смотреть на плакат, с которого всё еще смотрит уверенный таксист и говорит: «*Здесь решают люди*».

Рецепт настоящего японского рамена

Рамен – самый сытный суп, без которого сегодня не обходится ни один японский ресторан. Разновидностей рамена – сотни: почти в каждом регионе Японии существует свой вариант этого блюда. От начала приготовления до финальной сборки супа иногда проходит неделя, но всё же есть несколько главных общих правил, по которым его готовят.

Бульон

Основой бульона для рамена могут быть кости животных и птицы (свинина, курица, говядина), свежая рыба или более легкие ингредиенты: морские водоросли, сушёные морепродукты, овощи, грибы. В бульон добавляют различные ароматные добавки: лук, чеснок, имбирь или сушеные грибы. Существует четыре основных разновидности бульона – мисо, сио, сёо, тонкотсу.

Бульон варится 10–12 часов.

Лапша

Лапша для рамена делается из четырех основных компонентов: пшеничной муки, соли, обычной воды и воды кансуй. Кансуй – это щелочная минеральная вода, которая придаёт лапше характерный желтоватый оттенок. Тесто для лапши необходимо вымесить до гладкости и прогнать 15–20 раз через раскатывающую машинку, каждый раз складывая его пополам. После – нарезать раскатанное тесто на тонкую лапшу, присыпать мукой и оставить в холодильнике на несколько дней.

Топпинги

Топпинги в рамене обязательны. Это могут быть простые овощи и приправы, мясо и соусы, которые готовят заранее. Например, в Японии популярны филе курицы, соевый соус, имбирь, чеснок, грибы эноки, маринованный бамбук, зеленый лук, яйца, мирин, свинина тясю, шпинат, китайская капуста, нори, вареные яйца.

Упрощенный вариант рамена

Что взять

• 0,5 литра крепкого бульона (свиного или куриного)
• 1 упаковку готовой лапши рамен
• 1 ложку мисо-пасты
• 4-5 кусочков отварной свинины, нарезанной пластами
• 4 столовых ложки соевого соуса
• 2 столовых ложки готового соуса мотодаре для рамена
• 1 столовую ложку ароматного масла, настоянного на овощах

и стружке тунца

- 1 столовую ложку сахара
- 1 яйцо, сваренное «в мешочек»
- Водоросли нори
- Грибы шиитаке
- Прочие топпинги по вкусу

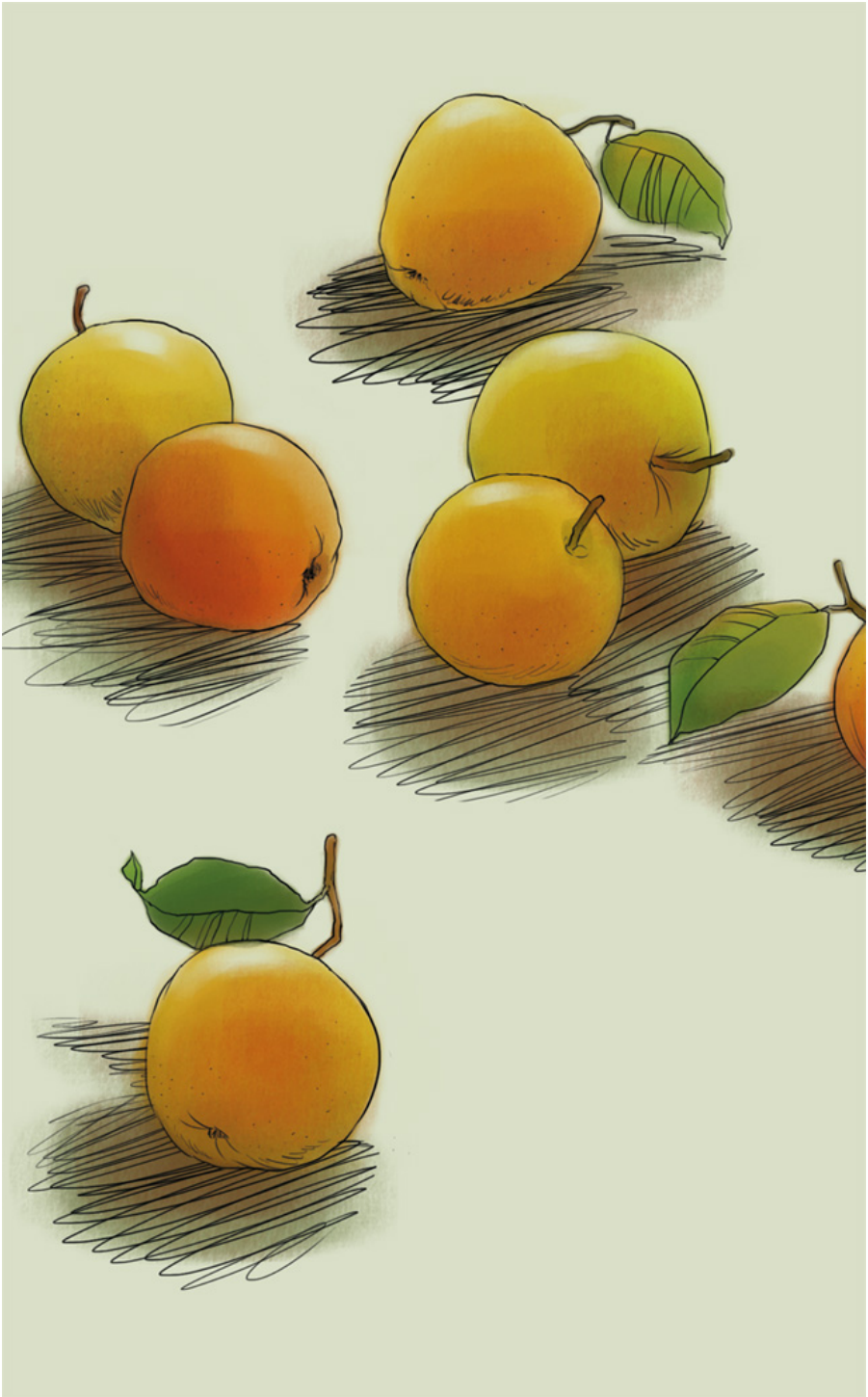
Что делать

1. В приготовленный крепкий бульон добавить столовую ложку соевого соуса или ложку мисо-пасты. Хорошо размешать и дать настояться.

2. Замариновать на 15 минут куски вареной свинины в соевом соусе, смешанном с сахаром. Затем обжарить их на среднем огне до карамелизации сахара.

3. Собрать рамен. Смешать мотодаре с ароматным маслом, и добавить эту смесь в лапшу. Выложить на дно миски, залить бульоном и выложить поверх все имеющиеся топпинги. Яйцо разрезать на две половинки.

4. Миска для рамена должна быть подогрета, чтобы лапша не остывала быстро.



Момбаса, Кения. Черная пантера

…Знакомиться с туристами, которые сидят за стойкой, я не люблю. Тут много разных, до боли банальных, причин. Первая – язык. Подвыпивший (а уж тем более пьяный) говорит на одному ему понятному языке. А ведь тебе надо как-то отвечать, участливо интересоваться подробностями, вникать в несущественные детали. Как это сделать, не понимая и трети сказанного – ума не приложу.

Второй момент – синдром рассеянного внимания. Для тебя это работа. Отвлекаясь на человека, который, в принципе сделал тебе уже всё, что мог, рискуешь упустить еще «необилеченного» пассажира. А значит – потерять деньги. Ну и в-третьих, надоело. Я просто наливаю пиво, иногда делаю отстойные по вкусу коктейли и мечтаю, чтобы всё это поскорее закончилось! Но гребанная hospitality диктует свои условия. Надо слушать и вникать. Потому что они заказывают музыку. А чаще всего сами ее и исполняют. Наше дело слушать.

И вот, в один из таких периодов грезится мне сон. Появляется на пороге дома пантера. А лицо Тины моей.

Севший за стойку мужик явно был из когорты французов, заполонивших в августе остров. Но, с другой стороны, что-то незримо выделяло его из тех, кто любит ломать зубочистки на тысячу кусочков. Немного застенчивый, он долго стоял перед входом, словно решаясь на какой-то опрометчивый шаг.

– Something to drink?

– Yes. Do you have any Port?

– Yes, of course. The famous is Old Invalid from Sandemans.

– Super! «Старый инвалид», – вдруг на чистом русском француз подвел черту под моими сомнениями:

– Точно, «Старый инвалид». – Я искренне обрадовался, что на этом проклятом райском острове кто-то еще может оценить напиток не только по вкусу, но и по названию. Особенно, если он русский.

– Владимир, – представился гость, хотя совершенно спокойно мог этого не делать. Ибо по-другому его звать просто не могли. Классический Владимир сверкал загоревшей лысиной, очки в тонкой оправе безуспешно маскировали хитрые жуликоватые глаза. Простое русское лицо не сулило ничего позитивного, такие обычно встречаются в окружении играющих в наперстки. Эдакие

«подсадные Вовы». Стандартные черты лица, которые забываются сразу же, как только ты отводишь от них взгляд.

– Очень рад, я – Александр, – представился я в ответ. – Какими судьбами в наш заброшенный рай?

– Да работу ищу, только вернулся из Вьетнама. – Владимир вдруг неожиданно отодвинул стакан с портвейном. – Нет, спасибо, мне никак нельзя. Я только понюхать.

С этими словами он аккуратно, словно боясь обидеть, чуть приобнял только что отодвинутый рокс с порцией «Старого инвалида». Потом немного покрутил его в руках, словно станцевав известный только им двоим танец, и осторожно поднес стакан к лицу. Вдыхал он портвейн со всеми присущими настоящим ценителям ритуалами: блаженно закрыв глаза сначала втянул воздух вокруг бокала, выдохнул почти мгновенно воздух ртом в сторону, искривив при этом губы в жуткой гримасе. Потом, воспользовавшись секундным вакуумом, он жадно сунул нос глубоко в стакан и задержал дыхание. Вот сейчас, вот через мгновение всё закончится… Я завороженно наблюдал за этим представлением истинной, чистой любви. Любви, силу которой я мог оценить, хотя мои взаимоотношения с портвейном были гораздо более прозаичные.

– Нет, нельзя. – Владимир выпрямился и обреченно вдохнул морской воздух. – Пока нельзя.

Я отставил стакан в глубь стойки, решив позже перелить его назад в бутылку:

– Это было красиво.

– Ну нет, – он обессилено сидел на неудобном высоком стул, – если бы ты видел, как я его пью…

– Могу догадываться. – Обычно переход на «ты» дается мне нелегко, но тут нас, поклонников этого напитка, не волновали условности, как будто я знал Володю давно. Причин, по которым он отказывал себе не только в глотке портвейна, но даже в наслаждении его ароматом, я не видел. Хотя немного маслянистый блеск его глаз, спрятанных под очками, давал основания для предположений, но явных признаков алкогольной зависимости всё-таки не было, поэтому я решил перевести тему разговора.

– Как Вьетнам?

– Да говнилово сплошное, – раздраженно резюмировал Владимир, обогатив мой лексикон новым словом, – конги, в отличии от тайчил злобные и душные.

– А кем ты там работал?

– Как кем, как и все люди без профессии – учителем английского языка.

«*Наш человек*», – удовлетворенно подумал я. Работать преподавателем английского, даже если ты всю жизнь учил немецкий или, не дай бог французский, возможно! Но! Только в Азии и только недолго. Через это проходили почти все бессовестные и беспринципные дауншифтеры, когда заканчивался ручеек доходов от экскурсий для соплеменников.

– И как успехи? – Я всегда завидовал таким вот авантюристам, хотя и сам в этот момент стоял за стойкой построенного своими руками бара на острове в Камбодже.

– Да всё бы ничего, полгода прошли как один день. Устраивало всё, – Владимир оживился, – погода, жилье, еда, даже детей этих можно было терпеть. Но вот дешевый алкоголь…

Ситуация стала проясняться.

– Свалился в штопор. Да так, что прямо на уроках засыпал. Дети сидят, а я им не английский, а русский преподаю. Причем наш, дальневосточный….

– Понятно… Ну, главное, вылез. – Это была вполне обычная в моем новом окружении история. Признаваться в своих грехах людям с множественным гражданством не считается чем-то позорным. Практически каждый дауншифтер (ну, за исключением новой хипстерской волны) проходил через разные этапы жизни. И падений гораздо больше, чем подъемов. Поэтому тут никто никого не осуждает, не сочувствует и не удивляется.

– Да я сам бы и не вылез, – Владимир понизил голос. – Мне Тина моя помогла. Как всегда помогает.

– Тина? Жена? Подруга? – Имя Тина скорее ассоциировалось у меня с кошкой, но, вспомнив о Тернер, я оставил многоточие в своих предположениях.

– Да, черт ее знает, кто она… – Он с тоской посмотрел на барную стойку. – Хочешь, расскажу?

Вечер только начинался, основные гости приходили в бар обычно после ужина, так что часа два у меня было. Да и зачем я тут, если не для таких вот удивительных историй.

* * *

– По специальности я переводчик. Военный переводчик. Сам с Дальнего Востока, служил там же, потом в институт военных переводчиков попал. Я тогда Японией грезил, благо она совсем рядом. Но пока направления из военкомата ждал, пока до Москвы добирался, места в японском классе закончились.

И меня в португальскую группу запихнул. И французскую заодно… Ну а португальский – это Африка. Ангола, Мозамбик,

Сенегал и прочий кошмар. Женился, развелся, потом вернулся из столицы сюда, на Дальний Восток. – Владимир оглянулся. – Ну не сюда, а туда, выше. Работал на станциях метеорологических, потом попал на «Мстислава Келдыша» – судно такое, научно-исследовательское. Проводили мы там разные исследования (какие, сказать не могу, секрет). Ну и занесла нас экспедиция в две тысячи третьем году в Момбасу, второй по величине город Кении. Встали мы там на рейд, там как раз начиналась эпидемия болезни, которую только через десять лет Эболой назовут Ну и нам надо было там стоять, ждать чего-то. Врачи с нами были военные, химики там разные. Вроде и с миссией поддержки пришли, а особо никому не помогали. Наблюдали.

Сходить на берег было нельзя, но ты же понимаешь – неделю нельзя, две нельзя, а через месяц команда как-то сама расползалась. И вот однажды попросили нас съездить в Малинди – городок в ста километрах по берегу от порта. Ну собрались три врача, особист, вирусолог какой-то важный и меня взяли.

Городок красивый, всё в развалинах древних. Когда-то там португальцы неплохо порезвились, лет пятьсот назад.

Приехали мы в город, встретили местные, отвезли в кабак какой-то. Там у них что-то вроде шта ба или пункта медицинского было организовано.

Да как организовано – с одной стороны врачи сидят, шушукаются, а с другой ест кто-то, пьет. Итальянцев там много было, помню. Там у них целая колония уже тогда была.

Так вот, сели, выпили пива местного. Я после месяца изоляции смотрел на всё, как баран на новые ворота – всё мне нравилось. Мужики ушли на какое-то совещание за соседний стол, а я остался. Расслабился, захмелел. От банки пива, представляешь! Я раньше не пил! А на корабле вообще сухой закон. А тут от жары, от дороги, от впечатлений развезло. Веки отяжелели, моргнул, глаза открываю, а мужиков нет, ушли куда-то. В кабаке тихо, даже дети затихли. А передо мной пантера стоит. Черная. На задних лапах. Вот не вру! Красивая, такая, лоснится на солнце. И не страшно совсем. Я еще раз моргнул, а передо мной она стоит. Девушка. Красоты невообразимой. Высокая, статная, с пышной гривой волос! Я таких красивых женщин никогда не встречал.

И вот стоит она передо мной, смотрит так пронзительно и вдруг говорит на хорошем португальском:

«Eu esperei por você. Agora você vai me ajudar, e eu sempre vou te ajudar». В смысле: «*Ждала я тебя долго, ты мне помоги, а я тебе*». И главное, на чистом таком языке. Откуда она узнала, что я его знаю? В Кении редко услышишь португальский.

Ну я разговорился, узнал, что Тина её зовут. Работает тут в кабаке, да везде работает. Они все там везде работали тогда. Где придется и кем придется.

Говорила, что португальскому ее бабушка научила. А ту ее бабушка. Что, в общем, она потомок тех португальцев, которых еще Васко да Гама привез.

Это я сейчас спокойно рассказываю, мол я спрашиваю, а она отвечает… А тогда я смотрел на неё и боялся спугнуть прекрасный сон. Уж очень она красивая была.

Я спросил ее тогда, чем я ей помочь должен. Она рассказала, что ребенок у нее болеет, местные врачи помочь не могут. И вот бабка ее покойная во сне предсказала, что помощь от белого придет. От меня, в смысле. Я ей говорю, что не врач я, переводчик, а она смотрит на меня глазищами своими и твердит: «*Ajude-me*», ну помоги, значит. Неловкая такая ситуация, понимаешь. Я и помочь-то не могу и сознаться не хочу. И бабка эта… Я всякие потусторонние силы стараюсь обходить стороной.

Она мне тем временем еду принесла. Вот ты знаешь, что в Кении блины есть? Нет, не панкейки эти, а самые настоящие блины. С мясом, представляешь? Они в блины мясо заворачивают. Только обжаренное, и яйцо еще туда крошат. Вот она мне эти блины и принесла. Я даже не поверил. Нас там всякой экзотикой кормили на борту. Рыбой, морепродуктами. Блины кок только на масленицу сделал, да и то не всем досталось. А тут на тебе – обычные русские блины. И вкусные такие, прямо удивительно.

Ну, тут мои врачи вернулись, позарились на угощение. Я им и рассказал историю этой Тины. Посовещались они, позвали кого-то из местных, на английском поговорили (я сам английский не очень, так, общие фразы только). Тот закивал, крикнул помощников, те крикнули обслугу, та крикнула еще кого-то. В результате смотрю, с Тиной уже врач белый о чем-то беседует. Ну, в общем, помог я, думаю. Отработал блины.

Уехали мы на судно часа через два. Пантеру свою больше не видел, но из головы она не выходила. Глаза ее, и голос звучал в голове долго, пронзительно так, – «*Помоги…*»

Через два дня вахтенный матрос меня вызвал – говорит, к вам пришли. Я к трапу подошел, глянул вниз, а там Тина моя стоит, со свертком. А у нас уже карантин объявили, нельзя было ни на берег сходить, ни продукты приносить. Так и поговорили. Она рассказала, что врачи вроде помогают ребенку, забрали его госпиталь, что на поправку идет. Еще гостиницы хотела передать. Пирожки какие-то, португальские, сама их делала. Как-то они назывались… Паштейши, не пробовал? А, понятно. И я не пробовал. Наверное, вкусные были. Но не взять было.

Вот… Так и расстались. Мы через день снялись, пошли в Мозамбик, отработали там. Я вернулся, работу стал искать. Больше на «Келдыша» не пошел. А с работой тяжко, пока искал, пить начал, фестивалить в смысле. И сильно так пил, прямо запоями.

И вот, в один из таких периодов грезится мне сон. Появляется на пороге дома пантера. А лицо Тины моей. И она мне говорит: «*Как же так, Владимир,* – имя моё, главное, запомнила – *я собираюсь к тебе, а ты совсем не готов меня встречать».* И так это явно говорит, что я утром просыпаюсь после очередного фестиваля и понимаю, что скоро Тина приедет, а я и вправду в таком виде. Отмылся, рубашку надел, на все пуговицы застегнулся и в диспансер. Зашился. А то так и до белочки недалеко.

Потом знакомые переводчики в Пномпень позвали, тут как раз русский бум начинался. Перебрался сюда, поработал у парочки олигархов, Полонскому даже переводил, а после Полонского этого фестиваль опять случился. Три дня не отпускал. А потом – бац – сообщение в Фейсбуке: *«Привет, Владимир. Я уже и билеты взяла, а ты опять за свое».* Я ей ответил, что, мол, заждался, вот и сорвался. Она пожурила меня, смайликов грустных написылала.

Ну, я утром по старой схеме: отмылся, побрился и к Демьяну – военный врач тут кабинет в Пне (Пном-Пене) держит. И опять «торпеду» на полгода. Потом стал искать переписку с Тиной, а ее нет. Стер, дурак. И найти её в этом Фейсбуке не могу.

И вот последние три года так и живем. Я не пью, работаю, потом срываюсь, ухожу фестивалить, а Тина моя меня в чувство приводит. Я даже во Вьет нам уехал, думал, там полегче будет. Но сорвался опять. А она опять нашла и вытащила на свет божий.

* * *

– И как, не приезжала? – Рассказ так увлек меня, что я не заметил двух грустных немецких бабушек, стоявших в ожидании пива, – Sorry!

– Да нет, я же говорю, не совпадают наши календари. У нее, наверное, график работы по полгода. Как раз, как мои фестивали. Один раз даже писала мне, что вылетает уже, прямо из аэропорта писала, но я пока в себя приходил, видимо, ответа не дождалась и сдала билет.

Владимир обреченно опустил голову, проверил телефон и стал собираться:

– Ладно, я похожу по острову, поищу работу, если не найду, поеду в Пень. Там у меня старые завязки остались.

Мы подружились с Володей в Фейсбуке, он часто писал мне, сообщал, что работает в Торговой палате России в Камбодже, присылал смешные видео и анекдоты. Пять месяцев назад он затих. Чуя недоброе, я написал ему сам, поинтересовавшись, как у него дела. Он не ответил. Но потом вдруг на странице Владимира появился статус: «*Скоро моя Тиночка приедет, моя Черная пантера. Вы все обалдеете, когда ее увидите. Но она моя, на вас ей наплевать. Тиночка моя…*»

Я успокоился, понимая, что Владимир под защитой. Неусыпной и всевидящей.

Рецепт кенийский блинчиков с мясом Egg Bread

Выбор мясных блюд в Кении весьма широк. Помимо говядины и свинины, в ресторанах Кении популярны буйволиные

бифштексы, жаркое из страуса и бородавочника. На кенийскую кухню оказали серьезное влияние колонизаторы, оставившие в наследство местным жителям такие интернациональные блюда, как шиш-кебаб (Shish kebab), самоса (Samosa), а также блинчики с фаршем и яйцом (Egg Bread).

Что взять

Блины

• 1 стакан пшеничной муки
• 2 яйца
• 1 чайную ложку сахара
• 1 столовую ложку растительного масла
• 0,25 чайной ложки соли
• 1 стакан молока

Начинка

• 500 г домашнего фарша (говядина и свинина в равных пропорциях)
• 1 луковица
• Зелень
• 2 яйца, отваренных вкрутую
• Специи
• Бульон

Что делать?

1. Яйца разбить в емкость, добавить сахар и соль. Перемешать венчиком до однородного состояния и полного растворения соли и сахара. Добавить к полученной яичной массе небольшую часть молока, около 50 мл. Если вылить всё молоко сразу, в тесте останутся не промешанные комочки муки, что неправильно. Всыпать осторожно оставшуюся муку через сито. Добавить оставшееся молоко до получения консистенции жидкой сметаны.

2. Попробовать испечь первый блин, в зависимости от результата добавить молока для придания тесту меньшей вязкости.

3. Испечь необходимое количество блинов, складывая их стопкой и смазывая каждый маслом.

4. На сковороде обжарить в небольшом количестве масла лук до золотистого цвета. Переложить в миску. Обжарить фарш до готовности, приправив его солью, перцем и прочими специями.

5. Смешать фарш с луком, нарезанными мелким кубиком яйцами и зеленью. Заправить начинку небольшим количеством бульона для придания сочности.

6. В центр блина положить столовую ложку с горкой начинки с завернуть блин сигарой. Охладить в холодильнике.

7. Перед подачей обжарить сигары до золотистой корочки на сливочном масле.

Тенерифе, Испания. И жизнь, и слезы, и любовь

Иногда судьба преподносит нам интересные и важные уроки. Жаль только, что почти всегда они сопряжены с чьей-то трагедией. Пусть даже не сразу понятной…

* * *

Второй раз ошибаться в Лас-Американас мне не хотелось. Жить на Тенерифе, самом крупном острове Канарской гряды, в обычном отеле для туристов нельзя. Тогда все прелесть этого места так и останется для вас в периметре отеля, или, в лучшем случае, будет дополнена пространством экскурсионного автобуса.

На Тенерифе надо жить в съемной квартире. Или, в крайнем случае, в апартаментах, коих испанцы понастроили тут великое множество. На любой вкус и кошелёк.

> ***Чем более человек упрощает свою жизнь, тем доступнее ему всемирные законы; одиночество, бедность, слабость просто перестают для него существовать.***

Апартаменты Stella Park, открытые представителями греческой диаспоры, отвечали моим пристрастиям почти на сто процентов. Во-первых, они расположены далеко от пляжей, а значит, не подходят для любителей овощного отдыха с детьми. Есть надежда на тишину.

Во-вторых, в них всего семь номеров, причем, даже не номеров, а маленьких домиков, объединенных друг с другом общей стеной.

И, наконец, в-третьих, общий зеленый дворик в котором тебе никто не мешает. Сиди, пиши, мечтай, ешь, пей…

Обычно, в это время года на Канарах немного людей. До каникул еще далеко, солнце не столь обжигающе, а вода почти так же холодна, как и в Питере. Самое время для тихого созерцательного отдыха.

* * *

Получив ключи от седьмого номера, я с удовлетворением отметил, что хозяйка (естественно, Стелла) выделила мне угловой домик, одна сторона которого упиралась в забор. Чистый дворик, цветы, заботливо высаженные Стеллой вдоль дорожки, кристально чистый бассейн – всё это говорило о том, что хозяйка с любовью относится к своему делу. Немного подпортило общее впечатление наличие двух пар обуви перед дверью 6-го номера. Неужели все пять остальных тоже заняты? Я специально прошелся по дорожке, вглядываясь в окна соседских домиков, пытаясь найти в них признаки жизни. Больше гостей не было…

«*Вот и благодари после этого Стеллу*», – подумал я, и сразу критически осмотрел территорию. Цветы показались мне уже не столь ухоженными, дорожку можно было и подмести, да и дурацкие фарфоровые лягушки во фраках, расставленные напротив каждого бунгало, говорили о плохом вкусе немолодой гречанки. Но делать было нечего, оставалась надежда, что владельцы обуви окажутся тихими соседями.

В этот день я их так и не встретил. Вернувшись вечером после обязательного для Лас-Американкаса променада, я вновь столкнулся лишь с обувью моих загадочных соседей. Открыв дверцу холодильника, стоявшего во дворе, я среди немыслимого количества немецкого баночного пива, заметил целый пакет с маленькими бутылками. Он занимал всю полку на дверце холодильника и места для моей недопитой в ресторане бутылки вина, не было. «*Образцы греческого вина*», – раздраженно сделал я вывод и решительно сдвинул их в сторону. В конце концов, у Стеллы должен быть свой холодильник.

Ночь разделилась для меня на две фазы. Первую часть ночи мой мозг, спровоцированный новозеландским совиньоном, рисовал во сне яркие бесформенные облака, по которым бежали симпатичные девушки в купальниках. Они срывались с облаков в море, в котором плавал второй я. Почему второй? Да потому что первый наблюдал за этим «девкопадом» со стороны, откуда-то из облаков. Так вот, стоило второму мне подплыть к самой симпатичной, падшей в прямом смысле слова, девушке, как откуда-то сбоку раздался ужасающий хрип огромного синего кита. Проснувшись, я в ужасе вращал глазами, пытаясь понять, свидетелем какого катаклизма я окажусь в ближайшие минуты. Знаете, так иногда бывает. Просыпаешься от какого-то шума и первые пару секунд вообще не понимаешь, где ты и что сейчас произойдет. Но в том, что что-то произойдет и это будет страшно, ты уверен. Лежишь и ждёшь… Так вот, пролежав в полной тишине несколько секунд, и, убедившись, что земля не разверзлась, судный день не наступил, я попытался логически объяснить себе

причину пугающих звуков. Часы показывали половину третьего утра, я был в домике один, кроме меня в отеле… Конечно! Шестой номер! Хозяин мужских мокасин, стоявших у входа, храпел так, что зоолог мог бы написать диссертацию на тему «Удивительные и пугающие звуки природы».

Он булькал, огрызался на свое же бульканье, скрежетал и отбивал чечетку зубами, свистел легкими, трубил ноздрями, миксовал все эти звуки, добиваясь совсем уж фантасмагорических комбинаций. Раз в минуту он замирал, и у меня начинала рождаться счастливая мысль, что он захлебнулся, оглох или просто умер. Но как тут же выяснялось, он просто мысленно переворачивал во сне ноты и начинал свою какофонию с новой страницы.

«*Бедная его спутница*», – подумал я. Понятно, что никакие беруши тут бы не помогли. Они бы просто сжались бы в ужасе от таких звуков. Это может выдержать только глухой или… Нет, только глухой. Эта мысль помогла мне не покончить с жизнью на ручке входной двери, и я забил голову в подушку, увеличил громкость наушников, в которых шумел океан, и стал представлять себя отважным мореплавателем, сражающимся со злобно кряхтящими касатками. Под утро касатки сдались мне, и я провалился в забытьё.

* * *

Проснулся я в девять утра с квадратной головой от требовательного веселого стука в дверь. Хозяйка апартаментов явно не сильно заботилась о спокойствии гостей. Завтрак, судя по информации на ресепшен, заканчивался в десять, но Стелла не давала нам расслабиться и звала всех нас к столу. Наспех приняв душ и дав себе слово наверстать упущенное, я вышел во двор.

Большой стол мог вместить человек двенадцать в сезон, но сейчас за ним сидела лишь одна гостья. Милая женщина примерно моего, ну может чуть постарше, возраста. Короткая стрижка выигрышно преподносила платиновый цвет волос, которые к тому же красиво переливались на солнце. Большие, широко посаженные глаза голубого цвета выдавали в ней чистейший образчик старой Европы. Короткое, но в меру, платье кораллового цвета дополняло образ ладной дамы, знающей себе цену, но никоим образом не показывающей этой цены окружающим. Руки она держала на столе, словно сидела за партой. Это немного не вязалось с ее довольно расслабленной позой и казалось каким-то чужеродным.

Практичная Стелла накрыла три завтрака в одном углу стола, поэтому, в одиночестве позавтракать не светило. Отсаживаться подальше мне показалось неприличным, поэтому я поздоровался и спросил, с какой стороны мне можно сесть. Понятно, что она ответит, что это не важно, но спросить всё-таки стоит:

– Доброе утро, спасибо. Если вам не принципиально, садитесь слева. Я немного отодвину вашу салфетку, чтобы у вас было больше пространства. Мой муж еще не проснулся, поэтому у вас есть шанс на спокойный завтрак. – Она улыбнулась, и я с удовлетворением отметил ее идеальные зубы. – Я буду вибробуфером между вами.

Ей понравилась шутка и она залилась звонким беззаботным смехом. Вот интересно, почему наши женщины так практически никогда не смеются? Ответ, как ни странно, пришел мне на ум мгновенно.

Они, западные женщины, абсолютно свободны от каких-либо переживаний. Нет, ну действительно. Начиная от бытовых проблем, медицины и образования до семейной жизни. Согласитесь, сложно представить себе скандалящую финскую пару. Или голландскую. (Итальянцы не в счет.) Да потому что у них всё хорошо, они думают только о брачном контракте, медицинской страховке и газоне перед домом. Вот и соседка моя явно лишена каких-либо проблем. И даже жуткий храп, судя по всему, ее не травмирует. Интересно, кстати, посмотреть на мужа. Не иначе подтянутый красавец в джемпере Marco O'Polo, надетом на белую рубашку, вечных слаксах песочного цвета и парусиновых туфлях.

– Послушайте, ведь это так странно, – вдруг заговорил соседка, внимательно рассматривая свои ногти ярко красного цвета, – странно и несправедливо.

Я немного осекся. Вот, получите, даме что-то кажется странным и несправедливым:

– Смотря что вы имеете в виду.

– Ногти. Знаете, что они растут и после смерти? Человек умирает, а они – нет.

Что-то обреченное и по-детски капризное слышалось в этом замечании.

– Ну, что-то же должно остаться после смерти. – Мне хотелось показаться умным и рассудительным, хотя начинать мимолетное знакомство с таких глубокомысленных бесед да еще и после бессонной ночи совершенно не хотелось.

– А может в ногтях душа?

– Тогда человечество с детства отрезает от себя по кусочку своей собственной души! – Разговор перетекал в русло, из

которого выплывать тяжело было бы обоим. – Нет, думаю, что она где-то глубже. И потом, душа же улетает. А ногти, – я взглянул на свои подстриженные почти под корень, – ногти остаются…

– Нет, явно с ногтями Бог придумал какой-то фокус. – Она так и не притронулась к завтраку.

Я замолчал, будучи не силах сосредоточится и перевести философские высказывания на английский.

– Простите, я не буду вам мешать, приятного аппетита, – она, как мне показалось, сама немного смутилась от беседы. – Обещаю не проронить ни слова.

– Ну что вы, я буду очень признателен за беседу, – соврал я, и потянувшись к багету, соврал еще раз: – Я не очень люблю завтракать в тишине.

– Да? – Женщина неестественно повернулась в пол-оборота, руки по-прежнему лежали на столе. – Это замечательно, я тоже люблю долгие разговоры за завтраком. В отличии от Марка. – Она кивнула в сторону своего номера. – Он поэтому и выходит позже положенного.

А Марк начинает мне нравиться. Если бы он не храпел бы, как стадо музыкальных слонов армии имени Раджа Капура, с ним можно было бы и позавтракать. Молча.

– Лана, – представилась соседка. – Мы из Германии. Вам, кстати, не мешали ночные звуки? – словно услышав мои мысли, спросила соседка. – Марк вчера вернулся очень поздно и был слегка… навеселе. А после этого он иногда немного шумно спит.

«*Иногда?! Немного!?*» – закричал я про себя в негодовании и неподдельном ужасе! Прокричал, и не услышав от себя смелого нужного ответа, мило улыбнулся в ответ.

– Нет, абсолютно ничего не мешало. – Предательских дух конформизма в очередной раз победил.

– Хотелось бы верить, что тут толстые стены, хотя, мне кажется, что вы просто не хотите сознаваться мне. В любом случае, если что, я могу попросить Стеллу переселить вас в другой домик. Мы, к сожалению, не можем переехать по своим причинам, но вы в любой момент имеете право обратиться к ней. Вообще-то, я просила не селить рядом с нами никого, но ей, видимо, неудобно убирать номера в разных концах сада.

Да уж, подумал я, конечно, неудобно. Ведь площадь сада всего каких-то пятьдесят метров. Пока Стелла дойдет от первого до седьмого домика, наступит глубокая ночь… Ох уж этот греческий сервис да еще и в Испании…

Монолог милой соседки прервал звук открывающейся двери шестого номера, и в сад вышел Марк. Вопреки моим ожиданиям, он оказался не двухсоткилограммовым борцом сумо или

пожизненным чемпионом по поедании бургеров, а довольно подтянутым мужчиной средних лет с редкой растительностью на голове и вызывающими уважение мешками под глазами. Но! Он был в светлой рубашке, джемпере с эмблемой с лошадкой на груди и светлых штанах. Правда без обуви. «*Угадал на восемьдесят процентов*», – подумал я и даже обрадовался ему.

Если ел он не много, то пил явно сверх меры. Он сухо кивнул мне, пробурчал скороговоркой «*доброе утро*», сел рядом с женой и машинально поцеловал ее куда-то в висок.

Возникшая пауза позволила мне покончить с ролью слушателя и приступить к завтраку. Тут надо отдать должное Стелле, она почти реабилитировалась передо мной за ночное издевательство. Завтрак был практически идеальным. Два яйца, тарелка с беконом, сыром и разными колбасами, пирамида из йогуртов и божественный (именно божественный) гратен дофинуа. Целый противень нежнейшего картофеля, запеченного в сливочном соусе с хрустящей корочкой. Согласен, есть картофель на завтрак – не самая лучшая идея. Но так считают люди, которые не пробовали гратен от Стеллы.

Положив его в тарелку, скорее руководствуясь жадностью, я еще трижды под разными предлогами подходил к столу с едой и брал добавку, пользуясь тем, что никто не видел совершаемого преступления. Я был так занят поеданием этого блюда, что не сразу заметил картину, поразившую меня до глубины души.

Марк аккуратно, стараясь делать это максимально незаметно для окружающих, то есть для меня, кормил Лану завтраком. Он подносил к ее рту ложку с мюсли, поддерживая другой салфетку, чтобы не капнуть на платье. Это было одновременно и трогательно, и как-то неловко. Марк явно не производил впечатления нежного и чуткого мужа, готового на всё ради жены. И тут я понял причину, почему муж кормит свою жену. Желая поправить прическу, Лана оторвала руку от стола и ее кисть затряслась мелкой и частой дрожью. После секундной паузы она бессильно опустила непослушную руку на стол. Чудовищный тремор не давал ей возможности не то, что поесть, но даже совершить гораздо более простое движение. Заметив попытку Ланы, Марк так же спокойно и незаметно отложил салфетку в сторону и подобрал непослушную прядь, погладив при этом жену по голове. Она ответила ему мягким теплым благодарным взглядом.

Эти десять секунд, которые я оставался недвижим, не в силах оторвать взгляд от трагичной и одновременно очень трогательной сцены, не остался без внимания Марка. Он бросил на меня спокойный и понимающий взгляд. В нем не было

сожаления, гордости или стеснения. Это был взгляд мужчины, выполняющего обычный ежедневный ритуал за завтраком. Кто-то скролит ленту Фейсбука, смотрит новости, иногда находятся динозавры, читающие за завтраком газету или даже книгу. Марк кормил жену. Спокойно и обыденно.

Почувствовав себя неловко, я суетливо налил себе кофе и вернулся за стол. Уходить сразу было совершенно глупо, говорить тоже. Лучшее решение лежало на столе – я благодарно уткнулся в телефон.

Пытаясь понять на сайте Gismeteo, какая погода ждет Тенерифе в ближайшие дни, боковым зрением я заметил, что завтрак моей новой знакомой закончился, она отпила глоток кофе из поднесенной мужем чашки и отстранилась от добавки.

– Я совсем разучилась есть, – как бы пытаясь объяснить свое поведение во избежание дальнейшей неловкости. – Пять лет назад у меня стали трястись руки, да милый, лет пять назад?

Она обернулась к Марку, но тот, словно надел маску неприступности, глядя в свою тарелку, и лишь кивнул ей в ответ.

– Да, пять лет. – Получив невнятный ответ на свой вопрос, она продолжила: – Долго я не обращала внимания, а теперь вот стала абсолютно беспомощной, представляете? Руки есть, а сделать ими ничего не могу. Представляете, как я крашу глаза? – Она вновь весело и совершенно беззаботно рассмеялась. – Так что Марку пришлось постепенно овладевать всеми женскими навыками, правда, милый?

Сухой кивок подтвердил ее слова. Марку явно была неудобна роль помощника и поводыря. А может, его просто мучал абстинентный синдром, и любой звук отзывался в его голове миллионным эхом. Хотя, если вспомнить ночные завывания, не известно, кому из нас сейчас должно быть хуже.

– Какие у вас планы, Алекс? – неловкий момент знакомства и раскрытие связанного с этим их семейного секрета прошёл, и Лана вновь защебетала: – Марк обещал отвезти меня на ужин в рыбацкую деревню недалеко отсюда. – Она повернулась к Марку, не желая оставлять его безучастным к разговору. – Как она называется? Лос…

– Лос-Абригос, – мужчина выдавил из себя ответ, встал из-за стола, тихо спросил что-то у супруги по-немецки, получил отрицательный ответ и кивнул мне, прощаясь. Через секунду дверь номера закрылась. Идеальный сосед, подумал я.

– Да, точно, Лос-Абригос! – схватилась за новую нить беседы Лана, – Там несколько таверен со свежей рыбой и этой… мелкой картошкой по-канарски. Вы пробовали это блюдо?

– Нет, даже не слышал, – я вновь соврал ей. Почему-то я

испытывал вину перед молодой, в общем-то, женщиной, которая, несмотря на кажущуюся беззаботность была лишена самых простых удовольствий. Дать ей возможность рассказывать то, о чем я узнал давно, мне казалось хоть какой-то компенсацией.

– Что вы, во всех путеводителях написано про эту картошку. Надо обязательно попробовать. Может, поедете с нами?

– Нет, спасибо, – я на секунду представил лицо несчастного Марка, который кроме жены должен будет терпеть еще и меня на протяжении всего ужина. – Я поеду на Тейде, хочу посмотреть на вулкан.

– Вулкан?! Да, я читала в National Geographic. Нам тоже надо обязательно туда съездить. Надо рассказать Марку.

– Я вечером расскажу вам о поездке, – завершил я разговор. – Всего хорошего.

– Отлично! Вечером обменяемся впечатлениями!

Увидев появившуюся ровно в десять утра Стеллу, Лана весело защебетала ей на греческом «*эвхаристо, агапи*». Уходить она явно не спешила. Поэтому, воспользовавшись короткой паузой, я рванул к себе в комнату. Тишина и манящая кровать сделали свое дело, я тут же малодушно перенес поездку на вулкан на следующий день и упал на одеяло прямо в одежде. Хорошо все-таки ездить одному.

* * *

Проспав с перерывами почти до обеда, я решил, что сегодня серьезных поездок на завтра планировать пока не буду. Сериалы, книги, предусмотрительно купленные вчера фрукты и отсутствие каких-либо обязательств позволяло мне обходиться без связи с внешним миром почти целый день. Но вот отсутствие напитков слегка омрачало эту сознательную изоляцию. Стоявшее в холодильнике вино было слишком тяжелым для дня, поэтому мне пришлось собрать всю волю в кулак и заставить себя выйти в город. Маршрут мне был известен: еще вчера я отметил для себя уличный бар с сангрией и мечтал только о том, чтобы он работал. Канарские рестораны легкомысленно относятся к процессу зарабатывания денег и сиесту соблюдают почти все. Вот слово «почти» меня и спасло. Ведь вчера я заметил не просто бар с сангрией. В первую очередь я заметил человека, стоящего за стойкой. Тщедушный индиец, кроме сангрии, пытался убедить туристов в прелестях чапати, дала и палар панира. И сегодня он так же оптимистично курлыкал себе что-то под нос и бегал между столами. Счастье есть, подумал я и попросил его большой бокал.

Весь день из моей головы не выходил завтрак с моими соседями. Не знаю, что привлекло мое внимание к обычной, вроде, жизненной ситуации. Ну семейная пара, ну один член семьи помогает другому, ничего особенного. Нет, я не жалел Марка. Это не самая тяжелая миссия, которая может достаться супругу. И Марк, наверное, крутой и пользуется уважением у себя дома, в каком-нибудь Мехленбаде. Но оказаться на его месте я бы совсем не хотел. Когда тебе не о ком заботиться, нет ненужных переживаний, нет сожалений, нет тоски и стесненности в поступках. Вот я хотел поехать на вулкан, а потом расхотел. И просто не поехал. И никому ничего не надо объяснять, доказывать, упрашивать. Ты хозяин своему маршруту, завтраку, времени, жизни, в конце концов. Нет, я, конечно, не Генри Дэвид Торо и не собираюсь жить в одиночестве в лесу, но во многом его опыт показывает, насколько одиночество – конструктивный шаг в жизни. Чем более человек упрощает свою жизнь, тем доступнее ему всемирные законы; одиночество, бедность, слабость просто перестают для него существовать.

Довольный собой и сделанным выводом, я подтвердил это последним глотком сангрии, расплатился с индусом, пообещав ему зайти на ужин. Уже перед апартаментами я столкнулся со своими новыми друзьями. На Лане был какой-то яркий сарафан, Марк же был в той же одежде, что и на завтраке. Она помахала мне на прощание, и они сели в такси. У меня было еще пару часов спокойного отдыха и индийский ужин…

* * *

Вечер, как и планировалось, прошел без эксцессов и приключений. Спокойный, вкусный и недорогой ужин в «Тандури», бесцельное шатание по центральной улице, смешало меня с сотнями гуляющих туристов. Большая, если не подавляющая часть праздных людей, ходила парами или целыми семьями. Грустные мужчины находились под постоянным контролем своих спутниц. Женщины любой национальности сосредоточенно оглядывали витрины, выслушивали желания детей, направляли вектор движения, словом, играли главную роль в этих микроячейках современного общества. На меня они поглядывали насторожено, явно видя в моем лице потенциальную опасность или каким-то пятым чувством определяя моё одиночество, как угрозу их семье. Мужчины же, встречая мой взгляд сначала пытались найти моего персонального ментора-поводыря, а потом, не найдя такого, как мне казалось, с плохо

скрываемой злобой и завистью смотрели и желали мне смерти. Чему я лично был очень рад.

Вернувшись домой, я с удивлением обнаружил Марка, сидящего в одиночестве у маленького бассейна с банкой пива. Это немного испортило моё настроение, ибо я тоже хотел посидеть, правда, не с Марком, а с оставленной вчера бутылкой вина.

– Привет. Как прогулка? – вечером Марк оказался на три слова более разговорчивым, чем утром.

– Отлично, вечером здесь гораздо более привлекательно, чем днем. – Я открыл холодильник и вынул свою бутылку. – Я не помешаю?

– Нет, наоборот. – Марк с готовностью подвинул второй стул столу так, что мы оказались практически друг напротив друга. – А ты один?

– Да, – с усталой гордостью произнес я. Можно было напустить еще больше победных эмоций, но утреннее зрелище не позволило мне танцевать на костях Марка.

– Понятно, – задумчиво произнес Марк и сделал глубокий глоток. – Я тоже раньше ездил один, почти всю Азию проехал, три месяца путешествовал. Нигде не задерживался больше двух дней. Но теперь всё закончилось. – Он поднял банку как будто собрался сказать тост. – Теперь вот ездим вместе.

Марк заглянул сквозь отверстие в банку, отставил ее в сторону и взял новую. «Счет 5:7» – мгновенно подсчитал я количество полных и пустых банок.

– Да. – сложно было что-то возразить ему, а открыто жалеть было неправильно, поэтому я ограничился только одним словом.

– Ты знаешь, эти поездки стали для меня самыми лучшими за всю жизнь. Ты, вот, наверное, думаешь, что мне тяжело? Все так думают. Ты же видел Лану? А я, наоборот, счастлив. Я жил свободной жизнью. Я гулял, пил. Мы почти развелись с ней. Меня сдерживал только брачный контракт. Мне было хорошо. А потом я понял – это неправильно. Нельзя жить для себя, понимаешь? Бог придумал нас для другого! Мы должны помогать, если кому-то плохо! Я стал другим. Я счастлив, что нужен кому-то в этой жизни. Может быть, я родился для того, чтобы помогать ей? Может, это моя миссия? Узнать, что она заболела и начать ей помогать – я стал уважать себя. Да, любви между нами уже давно нет. Но есть обязательства, понимаешь. Мы отвечаем за того, с кем когда-то решили связать жизнь.

«*Странная интерпретация Сент-Экзюпери*», – подумал я, а потом вдруг меня осенило: – Прости, Марк, ты, случайно, не русский? – Меня так поразил этот глубокий монолог, что я был

уверен в том, что хотя бы корни Марка в русской земле.

– Нет, – засмеялся он, – но я много читал ваших писателей: Достоевский, Чехов, Короленко.

– Короленко? – удивился я последней фамилии.

– Да, и Короленко тоже. Так вот, я жил хорошо, но теперь понимаю, что мне надо платить за те годы, и это не так много, как могло бы быть.

– Прости, Марк, а болезнь Ланы лечится? Ведь у вас, в Германии, отличная медицина.

Марк увеличил отрыв пустых банок от полных до неприличных девяти.

– Мы пробовали всё, кроме операции. Операция невозможна, у нее слабое сердце. Но это, я забыл как именно точно, психосоматическое состояние. Она находится в постоянном внутреннем стрессе. Это началось тогда, когда мы стали разводится. Мне даже говорили, что первой причиной стресса и был развод, но я не верю. Она легко к этому относилась. У нас в Германии это много проще. Мы пробовали гипноз, лекарства, иглоукалывание. Иногда всё затихает, но ненадолго, этот чертов тремор всегда возвращается. Еще мне говорили, что это могло быть из-за стресса, когда я пил. Но я почти бросил. – Он посмотрел на банки и открыл последнюю. – Я немец, десять банок это ерунда. Но это тоже не помогло. Мы просто смирились. И теперь живем так.

Дверь номера тихо открылась, и на пороге показалась заспанная Лана.

– О, Алекс! Я немного устала после ресторана и прилегла. И, представляете, мгновенно заснула.

– Любишь ты поспать. – Пиво развязывало язык Марка. – Я вот с трудом засыпаю. Правда, сплю потом крепко и беспробудно. Можно из танка стрелять.

Лана мельком бросила на меня настороженный взгляд, как будто у нас был какой-то общий секрет, про который Марк не должен был знать:

– Я как раз хотела сказать Марку, что я замучила вас утром, и вы прячетесь на пляже. Как вы погуляли? Как вулкан, спит?

– Нет, к сожалению, я сегодня так и не собрался. Поеду завтра утром. Как ваша деревня?

– О, – воскликнула Лана и села на колени к мужу, пряча руки в карманах сарафана. – Это было незабываемо! Вы должны там побывать! Море, рыбацкие шхуны, свежая рыба и картошка! Это божественно! Мы опять хотим поехать туда завтра! Поедем вместе?

– Нет, спасибо. Завтра я уезжаю на Лансаротт, – соврал я

мгновенно заменив в завтрашнем плане дневной вулкан на трехдневную поездку на соседний остров, – только если через три дня, когда вернусь.

– Как жаль. – Мне даже показалось, что Лана искренне расстроилась из-за того, что я лишил себя поездки в Лос-Абригос. – Да, Алекс, забыла вас предупредить. Стелла перенесла все ваши вещи в первый номер, потому что в вашем, – Лана попыталась найти подходящее слово, – какой-то проблемный кондиционер. Но, она сказала, что первый даже лучше. Больше и, – она вновь напряглась, – тише.

– Да тут вообще тихо, как в танке! – Марк, явно служил в танковых войсках. – Ночью слышно, как комар летает.

– Неожиданно. Спасибо. – Я был немного озадачен такой неожиданной сменой места обитания и особенно, что всё это произошло без моего ведома.

– А у нас послезавтра последний день, – грустно сказала Лана. – Ну, значит, поедем в другой раз.

– Окей, ребята, я спать. Не мучай долго Алекса и поскорее приходи. – Марк поднялся со стула, потянулся и повернулся ко мне. – Не терпите ее долго, а то она испортит вам вечер, а мне ночь. Я очень чутко сплю и просыпаюсь от малейшего шороха.

– Не переживай, милый, я скоро.

– Доброй ночи, Марк, – попрощался я и задумался: как можно чутко спать и одновременно храпеть, как сталелитейный завод. Метаморфозы…

Мы проводили взглядами Марка.

– Вы обиделись, что я попросила Стеллу перенести ваши вещи? – обернулась ко мне Лана.

– Нет, конечно, но зачем? Там было очень хорошо.

– Ну, вы же понимаете. Из-за храпа Марка, – она понизила голос и вдруг заговорила очень серьезно: – Я полагаю, что терпеть это невозможно. Марку в юности сломали нос, когда он заступился за меня на улице. Ко мне пристали какие-то, – она смущенно подбирала слова, – молодые люди из северной Африки, а Марк попытался прогнать их. С тех пор он вот так тяжело спит. Мы пытались лечить, но храп не проходит. И главное, – Лана грустно улыбнулась, – он уверен, что совсем не храпит. И очень чутко спит. Ну, вы сами слышали. Я очень переживаю. Это же очень вредно. И это всё из-за меня.

– Как же вы сами спите? – Я был настолько обескуражен женским благородством и самопожертвованием, что решил восстановить справедливость. – Ведь это лечится! Для вас это, должно быть такое мучение!

– О да, это сложно. Не помогают никакие средства. Ни

затычки, ни лекарственные препараты. Да он и не хочет лечиться. Говорит, что у меня галлюцинации. Поэтому удается поспать только урывками или тогда, когда Марк на работе, он водитель на большом грузовике. Но тоже недолго – я работаю волонтером в приюте для мигрантов из Сирии. А у него очень сложная работа, поэтому он должен высыпаться. Так что я живу немножко наоборот.

Секундная трагедия в глазах несчастной женщины сменилась озорной улыбкой:

– Зато, по ночам я много читаю, и самые лучшие произведения пересказываю потом Марку. Он стал намного образованнее.

Я подавленно молчал.

– Лана, но почему бы не сказать Марку? Простите, это глупо. Вы же понимаете, из-за того, что вы не спите, ваш организм всегда в стрессе. Отсюда и тремор! Не будет храпа, не будут трястись руки!

Она грустно посмотрела на карманы сарафана, в которых прятались руки:

– Ну что вы! Во-первых, это не так. Тремор наступил много раньше, еще в детстве. Во-вторых, его забота обо мне помогла ему вырваться из алкогольного плена, он очень сильно прогрессирует.

А в-третьих, – она вдруг взглянула на меня обреченно, – как только пройдет тремор, я вновь никому не буду нужна. Нет, никто не должен знать! Это наш с вами секрет, окей?

Еще одна русская душа… Теперь понятно, откуда столько русских классиков в голове дальнобойщика.

– Скажите, вам, действительно, нравится Короленко?

– Это Марк вам сказал? Как мило, что вы говорили обо мне! Он так трогательно любит меня! О да, «Слепой музыкант» и «Сон Макара»! Он очень талантливый. Правда, как однажды сказал про него Чехов: «*Хороший писатель Короленко. Читаешь и видишь, что и жене он не изменяет. Хотя, может быть, если бы изменял, был бы более талантливым*». – Лана вновь засмеялась.

– Гениальная фраза. Чтобы быть талантливым, надо быть немного… Вы знаете немецкий?

Я покачал головой.

– Надо быть немного швайне. Свиньей. Идите спать. И простите меня за Марка. Я ничего не могу сделать, мы поэтому и приезжаем отдыхать в низкий сезон, чтобы было меньше людей. Стелла обещала мне пустой отель. Простите и до свидания.

Опустошенный, я попрощался с соседкой и, взяв бутылку, пошел в свой новый номер. Но потом остановился.

– Может, вы пойдете и поспите в моем номере? А я пока

посижу тут, мне надо работать.

Лана улыбнулась.

– Нет, нет! Марк не может спать в одиночестве. Идите, Алекс. У вас завтра долгий маршрут. Вам надо выспаться!

– Доброй ночи, Лана. Выздоравливайте. – Комок, застрявший в горле, грозил вырваться наружу.

– Тсс, Алекс, – она звонко рассмеялась, – помните, это невыгодно нам обоим! У вас есть любимая цитата русских писателей?

– Не помню… Вроде была.

– Я очень люблю Чехова. «Черный монах». Там есть хорошая фраза: «*Здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди*». Так что болезнь – признак моей незаурядности.

Она помахала мне на прощание. Я закрыл дверь и долго сидел в темноте. Сидел и понимал, что просто так мириться с услышанным просто не в состоянии. Если утром Марк казался мне если не героем, то каким-то благородным рыцарем, то теперь я видел в нём только гигантский борщевик, сорняк, убивающий человека. Человека, который сознательно губит свою жизнь для того, чтобы быть с ним рядом. Как сложно понять эту жизнь. Я лег и закрыл глаза. И в эту секунду двор огласил рев тысячи моторов: Марк заснул.

Я лежал и вдруг отчетливо вспомнил цитату из другого произведения Антона Павловича. Цитату, неожиданно ставшей для меня самой значимой в жизни: «*Нет ничего хуже, когда знаешь чужую тайну и не можешь помочь…*»

Рецепт картофеля по-канарски с соусом mojo picon

Картофель по-канарски (papas arrugadas) – это необычный метод приготовления картофеля. Давным-давно испанские переселенцы на Канарских островах придумали варить картофель в морской воде, так как с пресной водой, как мы понимаем, на островах всегда была сложная ситуация, а вот океан всегда рядом. То есть суть приготовления в том, что картофель варится в крепком соляном растворе. Варится он в «мундире», от того и не получается пересоленным.

Обычно, на Канарских островах такой картофель подают с соусами mojo – красный мохо рохо (mojo rojo picon) и зеленый мохо верде (mojo verde).

Что взять

• 1 килограмм мелкого молодого картофеля
• 2 литра воды
• 0,5 стакана крупной морской соли

Для соуса

• 2 штуки сушеного острого перца
• 4 зубчика чеснока
• 0,5 чайной ложки кумина (зиры)
• 3 столовых ложки сухарей
• 3 столовых ложки красного винного уксуса
• 0,5 стакана оливкового масло прямого отжима

Что делать

1. Самый мелкий картофель, который только можно найти, хорошо помыть, положить в кастрюлю и залить водой, так, чтобы картофель был закрыт был только на две трети.

2. Добавить морскую соль, довести до кипения и варить до готовности, не закрывая крышкой.

3. В процессе варки вся вода должна выкипеть.

4. После этого оставить картофель на огне еще пару минут, постоянно встряхивая кастрюлю, чтобы удалить остатки влаги.

5. Кожура картофеля станет сморщенной и на ней выступят крупинки соли.

6. Для соуса сушеные перчики залить кипятком и оставить на 15 минут. Слить воду и измельчить перчики с чесноком, кумином и сухарями в блендере до однородной массы. Добавить масло,

приправить солью и черным перцем.

7. Подавать с горячим картофелем.

Если верить источникам, то первое упоминание гратена дофинуа датируется 1788 годом. За прошедшее время первоначальный рецепт ничуть не изменился, разве что вместо молока в некоторых рецептах стали добавлять сливки. Кроме восхитительного вкуса это блюдо отличается простотой приготовления.

Рецепт картофельного гратена дофинуа

Что взять

- 1 килограмм картофеля
- 150 граммов любого твердого сыра
- 1 зубчик чеснока
- 1,5 стакана жирных сливок
- 1,5 стакана молока
- 3 столовых ложки сливочного масла
- 0,5 чайной ложки молотого мускатного ореха
- 0,5 чайной ложки соли
- 0,5 чайной ложки черного молотого перца

Что делать

1. Взять жаропрочную форму, измельчить зубчик чеснока и смазать дно формы чесноком. Выложить в нее нарезанный картофель, залить сливками (они должны полностью покрыть картофель), добавить соль, перец, щепотку мускатного ореха и несколько лавровых листьев. Поставьте на средний огонь, доведите до кипения и варите 5–7 минут. Если сливки сильно загустеют, можно добавить немного молока.

2. Переложить половину картофеля в форму для запекания и посыпать сверху половиной тертого пармезана, затем выложить вторую половину картофеля, кусочек сливочного масла и снова посыпать оставшимся сыром. Запекать в духовке в течение 30 минут. На поверхности гратена должна образоваться румяная корочка.

3. Перед подачей необходимо дать картофелю чуть-чуть остыть, чтобы сырно-сливочный соус слегка загустел.

notes

Сноски

1

Учитель, при обращении к мужчине (чаще всего старшему по возрасту или вышестоящему по положению).

2

Киши – уважительная приставка к имени мужчины.

3

Институт народного хозяйства.

4

Уваренный виноградный сок.

5

Национальное меньшинство азербайджанцев в Армении.

6

Год созревания урожая винограда, из которого произведено данные вино.

7

Совокупность многих природных факторов, которые влияют на выращивание винограда и производство вина целом.

8

Использование мотивов и стилистических приёмов средневекового китайского искусства.

9

Мелочь (гол.)

10

Нищий бродяга, живущий во Франции.

11

Дань (гр.)